

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохoku, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**Редакционная коллегия
выпуска «Археология и этнография»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Германия)
- З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Польша)
- Ю. С. Худяков д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)
- Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Archaeology and Ethnography”

Executive Editor

A. I. Krivoschapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

D. V. Selin Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

L. A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Kradin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)

R. M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)

B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)

L. V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

A. Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

Z. S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakhstan)

K. Sh. Tabaldiev Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)

E. F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

S. Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Germany)

J. Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Yu. S. Khudyakov Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 3: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Жуциховская И. Ю.* Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы 9

История и теория науки, новые методы исследований

- Родионов А. М., Толстых Д. С.* Трасологический анализ каменной и костяной индустрии стоянки Костенки 9 (по материалам исследований 2006–2007 годов) 21

Археология Евразии

- Антонова Ю. Е., Ташак В. И., Клементьев А. М.* Палеолитическое местонахождение Три Скалы в Западном Забайкалье как базовый лагерь древних охотников-собирателей 32
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Козликин М. Б., Шуньков М. В.* Костяные игольники верхнего палеолита Сибири: обзор данных 44
- Зоткина Л. В., Бобомуллов Б. С., Солодейников А. К., Аболонкова А. В., Шнайдер С. В., Сайфулов Н. Н.* Новые данные о наскальном искусстве Восточного Памира 60
- Вальков И. А., Папин Д. В., Федорук А. С.* Костяные изделия развитого и позднего бронзового века с поселения Жарково-3 (степной Алтай) 73
- Бычков Д. А., Пономарева Т. М.* Поселенческие комплексы эпохи палеометалла и Средневековья в верховьях р. Кулунигый (бассейн р. Большой Юган, ХМАО – Югра) 86
- Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н.* Расположение поселений татар на иртышском правобережье (по картографическим материалам XVIII века) 98

Этнография народов Евразии

- Бурнаков В. А.* Баран в традиционной обрядности хакасов, связанной с жизненным циклом человека: свадьба и похороны (конец XIX – середина XX века) 110

<i>Гребенюк П. С.</i> Эскимосская проблема в свете новых данных	122
<i>Мжельская Т. В.</i> Специфика этнографических изображений на картах Камчатских экспедиций	140
<i>Tran Thi Mai An.</i> Trees Are Gods: The Sanctification of Forests in the Traditional Worldview of the Co Tu People in Vietnam	151
Список сокращений	162
Информация для авторов	163

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Zhushchikhovskaya I. S.* Experimental Ceramics Firing in Archaeology: Current Studies 9

History and Theory of a Science, New Research Methods

- Rodionov A. M., Tolstykh D. S.* Use-Wear Analysis of the Stone and Bone Industry of Kostenki-9 Site (Based on Material of 2006–2007 Field Research)

Archaeology of Eurasia

- Antonova Yu. E., Tashak V. I., Klementiev A. M.* Paleolithic Site Tri Skaly in Western Transbaikalia as a Hunter-Gatherers' Base Camp 32
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Kozlikin M. B., Shunkov M. V.* The Upper Palaeolithic Bone Needle Cases of Siberia: An Overview 44
- Zotkina L. V., Bobomulloev B. S., Solodeynikov A. K., Abolonkova I. V., Shnayder S. V., Sayfuloev N. N.* New Data on the Rock Paintings of Eastern Pamir 60
- Valkov I. A., Papin D. V., Fedoruk A. S.* Bone Artifacts of the Middle and Late Bronze Age from the Settlement Zharkovo-3 (Steppe Altai) 73
- Bychkov D. A., Ponomoreva T. M.* Settlement Complexes of the Paleometall Era and the Middle Ages in the Upper Reaches of the Kulunigyi River (Basin of the Bolshoi Yugan River, KhMAO – Yugra) 86
- Tikhomirov K. N., Tikhomirova M. N.* Location of Tatars' Settlements on the Irtysh Right Bank (According to Cartographical Documents of the 18th Century) 98

Ethnography of the Peoples of Eurasia

- Burnakov V. A.* A Ram in the Traditional Ritual of Khakas, Associated with the Human Life Cycle: Wedding and Funeral (Late 19th – Mid 20th Century) 110

<i>Grebenyuk P. S.</i> Eskimo Problem in the Light of New Data	122
<i>Mzhelskaya T. V.</i> The Peculiarities of Ethnographic Images on the Maps of Kamchatka Expeditions	140
<i>Tran Thi Mai An.</i> Trees Are Gods: The Sanctification of Forests in the Traditional World-view of the Co Tu People in Vietnam	151
List of Abbreviations	162
Instructions to Contributors	163

Обзорная статья

УДК 903.12

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20

Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы

Ирина Сергеевна Жущиховская

Институт истории, археологии и этнографии
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Владивосток, Россия

Irina1zh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1469-6013>

Аннотация

Экспериментальный обжиг керамики является современным методом исследования древнего гончарства. В статье обобщается опыт по экспериментальному обжигу керамики в зарубежной и отечественной науке. Экспериментальный обжиг является междисциплинарным методом, включающим познавательные, информационные и аналитические возможности археологии, этнографии, естественных наук. Рассматриваются материалы экспериментального изучения простых обжигательных устройств (костер, яма, примитивная печь). В операции обжига выделены технологические стадии – подготовительная, основная и завершающая. Результаты экспериментов, полученные исследователями, способствуют объективности и точности в оценке и объяснении признаков археологической керамики, делают более обоснованными интерпретационные построения.

Ключевые слова

эксперимент, традиционное гончарство, простые обжигательные устройства, стадии обжига, термический профиль обжига

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00081

Для цитирования

Жущиховская И. Ю. Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20

Experimental Ceramics Firing in Archaeology: Current Studies

Irina S. Zhushchikhovskaya

Institute of History, Archaeology & Ethnography of Peoples of Far East
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russian Federation

Irina1zh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1469-6013>

Abstract

Purpose. The article presents a survey of current tendencies in experimental ceramics firing. This research method is used for studying and explaining archaeological information concerning firing technique and technology in the past.

Results. Experimental ceramics firing is considered as an interdisciplinary method involving cognitive, informational and analytical opportunities of archaeology, ethnography, and natural sciences. Archaeological contexts submit certain tasks of experimental firing in each case of study. These tasks interconnected within frames of experimental projects are: 1 – reconstruction of firing devices and their working processes based upon archaeological remains; 2 – examination of technical and technological potentials of different types of firing devices; 3 – examination of ceramic pastes

© Жущиховская И. Ю., 2022

thermic behavior for the identification of archaeological potteries firing qualities; 4 – reconstruction of specific firing technologies (for example, “smudging”). Simple firing devices exploited in traditional pots-making and modeling in the experiments are a bonfire, pit, one-chambered and primitive two-chamber kiln. Ceramics firing is considered as three-staged process. Preparing, essential and final stages have their specific technological features. Most important features of the essential stage providing crucial transformation of clay matter are thermal and atmosphere profiles. In general, ceramics firing is a complicated process involving different factors and conditions.

Conclusion. Experimental firing researches combined with traditional firings observations show that characteristics and properties of archaeological ceramics even determined analytically do not always provide sure information for judgments about type of firing device and thermal regimes. Our interpretations of archaeological evidence of ceramics firing have to be more flexible and variable.

Keywords

experiment, traditional pottery-making, simple firing devices, stages of firing, thermal profile of firing

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00081

For citation

Zhushchikhovskaya I. S. Experimental Ceramics Firing in Archaeology: Current Studies. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20

Введение

Стадия обжига имеет решающее значение в получении гончарной продукции, так как именно путем температурной обработки глина превращается в новый материал – керамику. Характеристики и качества керамических изделий во многом зависят от особенностей их обжига. Эксперимент является эффективным инструментом исследования процессов и результатов термообработки в древнем гончарстве. Данный метод вошел в практику изучения археологической керамики в 1950–1960-х г. и в последние десятилетия приобрел достаточно широкую известность в зарубежной и отечественной науке. Надо различать два вида экспериментов по обжигу керамики – полевые и лабораторные. Полевой эксперимент ставит целью создание условий и ситуаций, максимально приближенных к тем, в которых осуществлялся обжиг гончарных изделий в древности. Лабораторный эксперимент направлен на моделирование физико-химических процессов, происходящих в веществе глины и керамики под воздействием температур, с помощью специального технического и аналитического оборудования. Предметом нашего рассмотрения является экспериментальный обжиг в полевых условиях. Задача статьи – представить обзор основных современных тенденций в исследованиях обжига в простых устройствах, к которым относятся костер, яма, примитивная печь.

Экспериментальный обжиг: междисциплинарный ракурс

Экспериментальный обжиг древней керамики представляет собой исследовательский процесс, в который вовлечены познавательные, информационные и аналитические возможности разных дисциплин, не только гуманитарных, но и естественнонаучных. Археологические источники ставят перед экспериментом задачи реконструкции, моделирования и изучения технико-технологических условий, процессов и результатов обжига керамических изделий в древности. Задачи несколько различаются по содержанию, однако часто взаимосвязаны в рамках одной экспериментальной программы.

1. *Реконструкция по археологическим прототипам обжигательных сооружений и принципов их работы.* Основой для экспериментов являются обнаруженные в процессе раскопок объекты, которые достаточно точно либо предположительно идентифицируются как обжигательные устройства. Интересный опыт реконструкции простых обжигательных устройств закрытого типа (печей) наработан Центром экспериментальной археологии в Чехии (далее – СЕА) по материалам раскопок памятников позднего неолита и бронзового века Центральной Европы [Thér, 2004; Thér, Gregor, 2011; Thér et al., 2019]. Есть примеры реконструкции по археологическим остаткам более сложных обжигательных устройств печного и горнового типов [Mayes, 1961; Hartwell, 1993; Colell et al., 2014]. Вероятную, хотя и не столь очевидную связь с обжигом керамических изделий могут иметь ямы определенных размеров и конфигу-

рации, которые достаточно часто встречаются на памятниках неолита, бронзового и железного века [Bareš et al., 1982, s. 191–197]. По материалам раскопок памятников поздненеолитической культуры Винча на Балканах проведено моделирование технологии ямного обжига [Vuković, 2018].

2. *Исследование технологических возможностей обжигательных устройств разного уровня сложности и диагностика вида устройства по признакам керамики.* Изучение и сравнение технологических характеристик открытого костра и простейших печей является одной из целей экспериментальных программ СЕА [Thér, 2004; Thér, Gregor, 2011]. Опытное моделирование обжига керамики в открытом костре и в очаге (яме) – часть полевых программ Самарской экспериментальной экспедиции по изучению гончарства. В частности выявлено отсутствие внешних отличий у керамики, обожженной в разных устройствах [Волкова, 2015; Волкова, Цетлин, 2015].

3. *Исследование термических реакций формовочных масс для реконструкции режимов и качества обжига древней керамики.* Общей тенденцией для работ в рамках этой задачи является сочетание полевого эксперимента с естественнонаучной аналитикой и лабораторными исследованиями. Интересным примером является исследование поведения формовочных масс с примесью известняка в процессе кострового обжига. Керамика с известняковой примесью характерна для многих древних памятников Евразии и часто является предметом дискуссий. Полевой эксперимент в сочетании с методами естественных наук выявил сложную, нелинейную зависимость между температурной динамикой и минералогическими трансформациями формовочных масс с примесью известняка [Magetti et al., 2011]. По результатам обжига в костре и простой печи формовочных масс, повторяющих рецептуру посуды неолита и позднего бронзового века Центральной Европы, с использованием петрографической микроскопии построена эталонная шкала термических изменений в минералогическом составе для диагностики температурных режимов древней керамики [Thér, Gregor, 2011; Thér et al., 2019]. В этом же методическом ключе, сочетающем эксперимент с естественнонаучной диагностикой, выполнен еще ряд исследований [Daszhkiewicz, Martian, 2016; Поплевко, 2018; Dimoula et al., 2019].

По материалам полевых и лабораторных исследований Самарской экспериментальной экспедиции предложены методические разработки для определения вероятных температур и качества обжига [Волкова, Цетлин, 2015]. Интересным результатом стали данные по выявлению зависимости между степенью просушки глиняных изделий, составом их формовочных масс и качеством обжига [Волкова, 2020].

4. *Реконструкция специализированных технологических приемов обжига древней керамики.* Примером может служить использование эксперимента для воссоздания условий получения керамики черного и серого цвета. Экспериментальный обжиг позволил исследовать способы получения полностью и частично зачерненных изделий в яме и в простых печах [Vuković, 2018; Bintliff, Gligor, 2016]. Опытным путем проверена возможность обжига в простых печных устройствах керамики равномерного серого цвета, что требует особых приемов термообработки [Vitelly, 1990].

Для реализации задач экспериментальных программ ценным источником информации служат документированные наблюдения традиционных форм гончарства, практикующих консервативные методы изготовления и обжига керамических изделий (см. [Slye, 1968; May, Tuckson, 2000; Molinaro, Bronner, 2001] и др.). Ряд фундаментальных трудов рассматривает комплексные этнографические материалы по гончарству с позиций их адаптации для археологии (см. [Rye, 1981; Arnold, 1985; Nicholson, Patterson, 1985; Shepard, 1985; Rice, 1987] и др.). Особый интерес представляют исследования, предметом которых является собственно традиционный обжиг и его информативные возможности для изучения по археологическим источникам технико-технологических параметров термообработки древней керамики [Gosselain, 1992; Livingstone Smith, 2001; Hein, 2008; Meng Guo, 2017].

Обжиг в простых устройствах

Основными видами простых обжигательных устройств, которые известны в традиционном гончарстве и моделируются в экспериментальных исследованиях, являются костер, яма, примитивная печь. Исследователи относят костер и яму к открытым устройствам, тогда как печи в тех или иных вариантах имеют закрытое рабочее пространство, созданное с помощью определенных конструктивных элементов [Rice, 1987, pp. 153–162; Vitelly, 1990; Thér, 2004]. Структурные составляющие операции обжига имеют много общего для разных устройств.

1. *Подготовительная стадия.* Технологические составляющие стадии: предварительный прогрев изделий, обеспечение топлива, сооружение обжигательного устройства.

Предварительный прогрев высушенных изделий особенно важен для обжига в открытых устройствах. Это удаляет влагу, попавшую из атмосферы в поверхностные слои изделий в процессе сушки и способную вызвать их повреждение на начальном этапе обжига вследствие термического шока. В традиционном гончарстве прогрев осуществляют рядом с обжигательным устройством или на домашнем очаге при температуре до 200–300°C, редко выше. Длительность прогрева – от нескольких минут до нескольких часов [Rice, 1987, pp. 152–153; Gosselain, 1992; May, Tuckson, 2000, p. 35]. Прогрев у костра и ямы позволяет одновременно просушить почву в зоне теплотехнического устройства, что положительно влияет на процесс обжига [Shepard, 1985, p. 91]. Этот способ прогрева практикуется в экспериментальном обжиге [Thér, Gregor, 2011; Vuković, 2018; Волкова, 2015]. Также прогрев можно проводить, помещая внутрь сосуда горящую сухую траву, солому, листья [Slye, 1968].

В традиционном и экспериментальном обжиге используют, как правило, топливо органического – растительного или животного – происхождения. Различают быстро горящие (легкие) и медленно горящие (тяжелые) виды топлива. «Быстрое» топливо – сухая трава, кустарник, кора, солома, щепы. Медленно горящее топливо – это в основном крупные ветви, поленья лиственных и хвойных пород деревьев [Rice, 1987, pp. 153–157; Gosselain, 1992; Livingston Smith, 2001; Magetti et al., 2011; Волкова, 2015]. В традиционном гончарстве для обжига может использоваться какой-либо один вид топлива, например кустарник или ветви и листья пальмы [Molinaro, Bronner, 2001; May, Tuckson, 2000, pp. 36–38]. Много примеров использования в одном обжиге «быстрого» и «медленного» топлива. «Быстрое» топливо служит для растопки в начале обжига или вместе с «медленным» топливом укладывается вокруг приготовленных к обжигу сосудов, или подбрасывается в огонь на определенном этапе для активизации процесса горения [Rice, 1987, p. 157; Gosselain, 1992].

Ряд исследователей отмечают связь между «быстрым» и «медленным» топливом и динамикой обжига [Arnold, 1985, pp. 30–31; Shepard, 1985, pp. 77–80; Rice, 1987, pp. 156–157]. По А. Ливингстону Смит, на термический профиль обжига влияет не столько конкретный вид топлива, сколько технология работы с ним гончара. При использовании одинакового топлива разные гончары получают различные температурные профили обжига. Исследователь приводит пример, когда гончар-мужчина и гончар-женщина «выстраивают» свои алгоритмы работы с топливом одного состава, результатом чего являются разные графики температурной динамики [Livingston Smith, 2001, p. 999].

В экспериментальных обжиге, как и в традиционном гончарстве, часто практикуется сочетание быстро горящего и медленно горящего растительного топлива [Thér, Gregor, 2011; Vuković, 2015]. Есть примеры опытных обжигов на одном виде топлива, но с разными текстурными (размерными) грациями. Так, установлено, что в открытом костре текстура топлива (крупные поленья и мелкая щепа или стружка определенной породы дерева) почти не влияет на скорость роста температуры и на максимальную температуру [Magetti et al., 2010]. Для экспериментов, проводимых с целью реконструкции технологии обжига керамики конкретных археологических культур и памятников, рекомендуется использование местных видов растительности, которые с большой вероятностью служили топливом и древним гончарам [Vuković, 2018; Dimoula et al., 2019].

Навоз из-за особых свойств и поведения в процессе обжига рассматривают как отдельный вид топлива, отличный от растительных материалов. Обжиг на навозе может быть как длительным, так и кратковременным, давать низкие или высокие температуры. Это зависит прежде всего от биохимического состава навоза, т. е. его принадлежности тем или иным животным, а также от технологии работы с данным видом топлива [Rice, 1987, p. 157; Vitelly, 1990; Livingstone Smith, 2001; Волкова, 2015].

Костер как наиболее простое обжигательное устройство может быть организован на горизонтальной либо слегка углубленной в почву поверхности [Rice, 1987, pp. 152–153; Thér, Gregor, 2011, p. 129; Livingstone Smith, 2001; Dimoula et al., 2019]. Размер и очертания костровой зоны, количество обжигаемых изделий и способ их укладки варьируют. Важно обеспечить оптимальный контакт изделий и топлива, а также рациональное соотношение между размерами сооружения и количеством топлива, что позволяет сделать процесс горения эффективным и экономичным [Rice, 1987, p. 157]. В традиционном гончарстве Африки диаметр костровой зоны составляет от 0,5 до 14,0 м и более, а число обжигаемых изделий – от одного до нескольких сотен [Livingstone Smith, 2001]. Распространенный способ укладки – компактной горкой или пирамидой, которая подстилается снизу и закрывается по бокам топливом таким образом, что всё сооружение имеет вид шалаша или конуса [Rice, 1987, pp. 154–155; Gosselain, 1992; Meng Guo, 2017]. Укладка изделий и топлива «шалашом» практикуется в экспериментальном гончарстве [Thér, 2004; Волкова, 2015]. Иногда костровая зона представляет собой в плане вытянутый прямоугольник длиной несколько метров. Гончарные изделия и топливо укладываются чередующимися ярусами [Molinaro, Bronner, 2001]. При разных схемах размещения изделий и топлива сосуды обычно кладутся на бок либо дном вверх, реже – вверх устьем. Костер может иметь защитное ограждение, предохраняющее изделия от непосредственного контакта с пламенем во время обжига. В традиционном гончарстве ограждение сооружают из крупных фрагментов битой посуды, черепицы, и других изолирующих материалов [Slye, 1968; Rice, 1987, pp. 153–154; Livingstone Smith, 2001]. Есть примеры экспериментальных обжигов в открытом костре с ограждением из керамической черепицы [Dimoula et al., 2019].

Обжигательная яма (очаг) имеет округлую в плане форму. Глубина стенок варьируется, но должна быть достаточной, чтобы создать частично закрытое пространство для стабилизации процесса горения, защиты пламени от порывов ветра, более рациональной теплоотдачи топлива [Bareš et al., 1982, pp. 192–193]. В качестве примера можно привести яму, которая использовалась в эксперименте по имитации обжига чернолощеной керамики поздненеолитической культуры Винча на Балканах. На поселениях этой культуры известно большое количество ям, часть из которых могла быть связана с обжигом посуды. Размеры экспериментальной ямы: глубина 0,9 м, верхний диаметр 1,8 м, диаметр дна 0,97 м. Верхний край ямы оформлен в виде «полочки» шириной 0,23 м, вымощенной керамическими черепками и предназначенной для предварительного прогрева сосудов. Обжигаемые изделия уложены в центр заранее прогретого дна ямы, на «коврик» из топлива. Топливо размещено «колодцем» вокруг сосудов [Vuković, 2018].

Простые обжигательные устройства печного типа хорошо известны по материалам традиционного гончарства. Часто такие устройства рассчитаны на одноразовое использование. Так, на Цейлоне сельские гончары перед обжигом сооружают специальную конструкцию из саманной массы и фрагментов битых и бракованных изделий от предыдущего обжига. После обжига конструкция разбирается [Petersham, 1968]. В некоторых современных индейских общинах Северной Америки, практикующих гончарство, временная «печь» для обжига сооружается из расплюснутых металлических банок, канистр, которые размещаются вокруг компактно уложенных «пирамидой» глиняных сосудов [Riegger, 1963]. В гончарстве Африки наряду с обжигом в открытых кострах и ямах практикуется термообработка изделий в примитивных однокамерных печах в виде эллипсоидной капсулы или широкого вертикального

цилиндра, построенных из глины и рассчитанных на многоразовое использование [Slye, 1968].

Отдельное направление в современных экспериментальных исследованиях представлено моделированием обжига в простых закрытых устройствах (печах). Полевые работы специалистов из СЕА базируются на материалах раскопок памятников неолита и бронзового века на территории Центральной Европы, где сохранились остатки обжигательных устройств. Построены и протестированы разные модели временных и постоянных однокамерных сооружений, а также более сложных двухкамерных конструкций. Материалом для стен и свода камер послужила смесь глины и соломы (саманная масса), а также смесь глины, соломы и мелкого галечника. Для постройки некоторых моделей этой массой обмазывался деревянный или плетеный каркас. В других случаях модель строилась без каркаса. Форма экспериментальных печей в плане округлая и прямоугольно-удлиненная, стены и свод имели вид купола, капсулы или цилиндра. Некоторые модели сооружены с углублением в грунт, другие – на горизонтальной поверхности без углубления. Наиболее сложной конструкцией стала вертикальная печь со структурным разделением топочной и обжигательной камер. Двухканальная топочная камера углублена в грунт. Обжигательная камера купольного типа построена на деревянном каркасе с обмазкой. Саманный под с отверстиями помещен между камерами. Данная модель повторяет конструктивные детали самой ранней вертикальной двухкамерной печи в Центральной Европе, возрастом $6\,500 \pm 100$ BP [Thér, 2004; Thér, Gregor, 2011; Thér et al., 2019]. Есть и другие примеры экспериментов с простейшими обжигательными устройствами закрытого типа [Bareš et al., 1982; Vitelly, 1990; Bintintan, Gligor, 2016].

2. *Основная стадия.* Термический и атмосферный профили являются наиболее существенными характеристиками основной стадии обжига, во время которой происходит превращение глинистого вещества в керамику. Составляющие термического профиля: общая продолжительность обжига, время, в течение которого достигается максимальная температура, средняя скорость роста температуры ($^{\circ}\text{C}/\text{мин.}$), время выдержки выше определенного температурного порога, обеспечивающего необратимые физико-химические превращения вещества глины в вещество керамики [Shepard, 1985, pp. 81–91; Gosselain, 1992; Livingstone Smith, 2001; Magetti et al., 2011; Thér, Gregor, 2011]. В качестве «порога» для замеров времени выдержки исследователи указывают значения $\geq 700\text{ }^{\circ}\text{C}$ [Shepard, 1985, table 3; Livingstone, Smith, 2001, pp. 994–995] и $> 600\text{ }^{\circ}\text{C}$ [Thér, 2004, table 3].

Для фиксации термического профиля в наблюдениях традиционного обжига и при проведении экспериментальных работ используются измерительные приборы. Это могут быть пирометрические конусы (пироскопы) либо, что более удобно, надежно и эффективно, портативные термопары. Термопары позволяют проводить замеры для внешней и внутренней поверхности в изломе обжигаемых изделий, в разных участках обжигательного устройства, в горящем пламени и в углисто-зольном слое под изделиями. Оптимальным вариантом является одновременное использование набора из нескольких термопар для наиболее полной «карты» термического профиля [Gosselain, 1992; Livingstone Smith, 2001; Magetti et al., 2011; Thér, Gregor, 2011].

Известна точка зрения о том, что обжиг в костровом устройстве отличается от обжига в печи, даже простейшей, тенденцией к более низким температурам и меньшей равномерностью термообработки изделий [Rye, 1981; 1987, pp. 153–158; Arnold, 1985]. Однако, согласно этнографическим и экспериментальным исследованиям 1990–2000-х гг., разные устройства не имеют каких-то определенных отличительных показателей термического профиля. По данным А. Ливингстона Смита, температуры в интервале $750\text{--}900\text{ }^{\circ}\text{C}$ обычны для обжига в открытом костре на ровной поверхности и в углублении, в яме и в простой печи. Скорость роста температуры, как и время выдержки, зависит не столько от самого обжигательного устройства, сколько от технологического алгоритма работы гончара с топливом, от его умения контролировать процесс горения и т. п. Продолжительность обжига также варьируется в широких пределах: в костре – от 13–15 до 80 мин. и более, в печи – от 39 до 200 мин. Дли-

тельность ямного обжига на навозе – от 58 до 453 мин. [Livingstone Smith, 2001, table 1]. Общей тенденцией для разных устройств является рост продолжительности обжига с увеличением числа обжигаемых сосудов [Gosselain, 1992; Livingstone Smith, 2001]. В традиционном гончарстве Новой Гвинеи температура обжига в костре на пальмовом топливе достигает 900–1 000 °С, иногда более. Для глин, которыми пользуются местные гончары, температура витрификации составляет 1 100 °С [May, Tuckson, 2000, pp. 36–37]. Интересно привести данные О. Госселена относительно связи между максимальными температурами обжига в открытых устройствах и видами растительного топлива. По материалам африканского гончарства такая связь не прослеживается [Gosselain, 1992].

Экспериментальные исследования подтверждают возможность получения в открытых устройствах и в простых печах достаточно высоких температур. По результатам исследований СЕА в рамках программ реконструкции гончарных технологий бронзового века, средние максимальные (average max) температуры обжигов в костре составляли 781–982 °С при выдержке от 29 до 45 мин., в однокамерной печи – 669–960 °С при выдержке от 37 до 152 мин., в двухкамерной печи – 903 °С с выдержкой 559 мин. Доказана возможность получения в костровом устройстве при определенных технологических условиях более высоких температур, чем в простой печи. Эталонная шкала минералогических изменений в глине при разных температурах, созданная в процессе экспериментов, в комплексе с петрографическими исследованиями археологической керамики позволили сделать вывод о том, что интервал температурной обработки посуды бронзового века составлял 700–1 100 °С [Thér, Gregor, 2011, p. 131]. В опытных обжигках Самарской экспериментальной экспедиции температуры в костре на сосновом топливе достигали 750–905 °С, в очаге – 800–976 °С. Время выдержки максимальных температур было различным для разных обжигов [Волкова, 2015]. Есть данные о костровом обжиге с защитным барьером из черепицы при температуре до 950 °С [Dimoula et al., 2019]. Эксперименты по ямному обжигу свидетельствуют о возможности достижения температур 850–1000 °С [Vuković, 2018; Поплевко, 2018].

В аспекте проблемы определения температуры обжига археологической керамики важно учитывать варьирование температур в разных зонах обжигательного устройства и в разных точках одного обжигаемого изделия [Bares et al., 1982, p. 211]. Анализ термических профилей обжига в гончарстве Африки установил, что в открытых устройствах разница между минимальной и максимальной температурой в синхронном временном интервале может составлять от 150 до 550 °С. Перепад максимальных температур на внешней и внутренней поверхностях сосуда составляет 94–295 °С [Gosselain, 1992, fig. 6]. Серия экспериментальных костровых обжигов сосудов из глины с примесью кальцита выявила, что синхронные температуры на внешней и внутренней поверхностях и в средней части излома стенок могут показывать разницу до 200 °С и более. В одном случае перепад температур в двух точках средней части излома дна сосуда составил более 300 °С [Magetti et al., 2011]. Эксперименты других исследователей фиксируют разные температуры для разных слоев стенок обожженных сосудов [Thér, Gregor, 2011].

Атмосферный профиль обжига также не имеет стабильных показателей для костра, ямы и простой печи. Неустойчивость состава воздушной среды вокруг обжигаемых изделий в зависимости от соотношения в ней свободного кислорода и углерода особенно характерна для кострового устройства. Внешне это проявляется в изменении окраски поверхности изделий, уже прошедших температурный порог 550–600 °С и находящихся в стадии активного окисления глины. Светлые участки стенок становятся грязно-серыми при попадании на них задымленного воздуха, чернеют от соприкосновения с горящим топливом. Потемнения быстро исчезают, если изделие вновь оказывается в зоне чистого, насыщенного кислородом пламени [Rice, 1987, p. 109]. Цветовые вариации поверхности и излома изделий, обожженных в костре, яме и простой печи, могут быть различны в зависимости от температуры и атмосферной динамики обжига, характера топлива, толщины стенок, состава формовочной массы [Thér, 2004; Thér, Gregor, 2011; Волкова, 2015].

Самый известный прием целенаправленной регуляции атмосферы в обжигательном устройстве – «дымление», позволяющее получать керамику темно-серого и черного цвета. Детальная характеристика этого приема с точки зрения технологии и физико-химических процессов дана А. Шепард. Основное условие – отсутствие свободного доступа кислорода и создание вокруг обжигаемых изделий дымной воздушной среды, насыщенной микрочастицами «твердого» углерода. «Дымление» обычно проводится по завершении основного обжига в окислительной среде [Shepard, 1985, pp. 88–90]. В традиционном гончарстве эта технология практикуется для разных обжигательных устройств [Riegger, 1963; Slye, 1968; Petersham, 1968; Rice, 1987, p. 158].

По данным экспериментов, чернение керамики может быть успешно проведено в яме. После окончания основной окислительной фазы обжига изделия закрываются быстро горящим и дымящим топливом, через некоторое время засыпаются землей и выдерживаются в течение 24 часов [Vuković, 2018]. Есть интересный опыт получения в простой двухкамерной печи сосудов с зачерненной верхней половиной. Эксперимент ставил целью выяснить технологию изготовления двухцветной черно-красной керамики из памятников энеолита Трансильвании. Доказано, что изделия такого рода являлись результатом особого размещения в печи изделий и топлива и тщательной регуляции газовой среды [Bintintan, Gligor, 2016].

Отдельной задачей в рамках опытов с атмосферным режимом обжига является создание условий для получения керамики однородного серого цвета. В традиционном гончарстве такую керамику изготавливают в печах [Willis, 1977]. Обжиг происходит без доступа кислорода в насыщенной углеродом, но не задымленной среде. Технология производства серой керамики отличается от обычного «дымления», или чернения, большей сложностью регуляции атмосферы обжига [Shepard, 1985, pp. 213–223]. Экспериментально была проверена версия о том, что гончарам неолита северной Греции удавалось получать изделия серого цвета в небольших наземных однокамерных куполообразных печах и в печах с обжигательной камерой и топкой-тоннелем. Установлено, что обжиг серой керамики в простых печных устройствах возможен, но требует тщательно отлаженного контроля воздушной среды, в которой находятся изделия и топливо [Vitelly, 1990].

Важный внешний фактор, влияющий на эффективность и результаты основной стадии обжига, – климатические и погодные условия, которые всегда учитываются в традиционном гончарстве и должны приниматься во внимание при проведении эксперимента. Дождливый, ветреный, прохладный сезон препятствует полной просушке изделий после формовки и обеспечению обжига сухим топливом, является причиной повышенной влажности почвы в зоне костра или ямы. Во время обжига в открытых устройствах сырой воздух и ветер отрицательно влияют на процесс горения топлива [Arnold, 1985, pp. 70–71; Rice, 1987, p. 152]. Соответственно, термические и атмосферные профили обжигов, проведенных в одном устройстве, но при разных погодных условиях, будут различаться.

3. *Завершающая стадия.* После окончания времени выдержки изделий при необходимых для термообработки температурах *прекращение* их контакта с топливом и воздушной средой обжигательного устройства может быть быстрым либо постепенным [Livingstone Smith, 2001]. В традиционном гончарстве практикуют оба варианта. Прием быстрого остывания, когда изделия извлекают из еще горящего пламени, более характерен для обжига в открытых устройствах. В традиционном гончарстве раскаленные сосуды могут оставлять до полного охлаждения либо сразу или через короткое время обрабатывать органическими материалами для чернения поверхности [Rice, 1987, p. 163; Gosselain, 1992; May, Tuckson, 2000, p. 38]. При постепенном остывании изделия после окончания процесса горения топлива остаются в обжигательном сооружении от нескольких часов до 1 суток и более [Rice, 1987, pp. 164–165; Molinaro, Bronner, 2001].

В экспериментальных обжигах чаще практикуют постепенное охлаждение [Волкова, 2015; Dimoula et al., 2019]. Этот режим также соблюдается при использовании приема «дымления», когда сосуды на длительное время остаются в насыщенной углеродом среде при не-

высоких температурах [Vuković, 2018]. Интересные результаты дало сравнение минералогических трансформаций в формовочной массе при быстром и постепенном остывании. Петрографическая микроскопия экспериментальных изделий, прошедших обжиг при температуре выше 800 °С, показала, что быстрое остывание вызывает появление сетки трещин на зернах кварца. Этого не происходит при медленном остывании. Полученные данные были адаптированы к анализу археологической керамики [Thér, Gregor, 2011].

Заключение

Наш краткий обзор показывает, что экспериментальный обжиг керамики является эффективным методом для корректировки и углубления наших знаний и представлений об обжиге в древнем гончарстве. К некоторым устоявшимся стандартам интерпретации внешних признаков археологической керамики и ее физико-химических характеристик, полученных аналитическим путем, требуется более критическое отношение. Прежде всего это касается заключений о температурных режимах обжига и о типах обжигательных устройств в изучаемых культурных контекстах. Экспериментальные данные в комплексе с наблюдениями процесса термообработки в традиционном гончарстве показывают, что суждения о термических режимах обжига древней керамики, сделанные на основании «точечных» определений температуры археологических образцов, могут быть ошибочны [Gosselain, 1992; Livingstone, Smith, 2001]. Более правильно говорить о достаточно широких вероятных температурных интервалах обжига древней керамики, которые должны определяться серийными аналитическими измерениями по специальной методике. Надо учитывать и возможные вторичные термические воздействия, которые могут изменять результат первоначального обжига [Thér, Gregor, 2011]. Исследователи предлагают акцентировать внимание не столько на идентификации конкретных температур обжига древней керамики, сколько на оценке ее качества и, соответственно, качества термообработки изделий [Livingstone Smith, 2001; Волкова, Цетлин, 2015; Мыльникова и др., 2019].

Термический профиль и внешние признаки изделий, обожженных в костре, яме, примитивной печи, могут не иметь определенных различий. В этой связи встает вопрос, насколько правомерно интерпретировать открытые устройства (костер, яма) и простые печные конструкции как последовательные этапы эволюции технических средств обжига [Meng Guo, 2017]. Этнография дает немало примеров сосуществования технологии обжига в костре, яме и простой печи в гончарстве определенных этнических групп [Slye, 1968; Livingstone Smith, 2001; Meng, Guo, 2017]. Признаки и свойства археологической керамики далеко не всегда являются надежным основанием для идентификации устройства, в котором она была обожжена. В целом экспериментальные исследования способствуют пониманию обжига керамики как сложного процесса со многими «переменными», что должно учитываться в наших интерпретациях археологических материалов.

Список литературы

- Волкова Е. В. Очаг или кострище? (Экспериментальный обжиг посуды) // Самар. науч. вестник. 2015. № 3. С. 37–55.
- Волкова Е. В. Еще раз об обжиге недосушенных глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // Вестник «История керамики». М.: ИА РАН, 2020. Вып. 2. С. 53–66.
- Волкова Е. В., Цетлин Ю. Б. Некоторые проблемы экспериментального изучения обжига сосудов // Самар. науч. вестник. 2015. № 3. С. 56–62.
- Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Бобров В. В., Стефанов В. И. Керамика эпохи раннего неолита Западной Сибири (результаты термического анализа) // Уральский исторический вестник. 2019. № 4. С. 17–29. DOI 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-17-29
- Поплевко Г. Н. Комплексные экспериментально-трассологические и этнографические исследования керамики: технология изготовления и обжиг // Самар. науч. вестник. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 165–172.

- Arnold D. E.** Ceramic theory and cultural process. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1985, 268 p.
- Bareš M., Lička M., Růžhičková M.** K technologii neolitické keramiky. *Acta Musei Nationalis Pragae, Series A (Historia)*, 1982, vol. 35, no. 3–4, s. 137–227. (на чеш.)
- Bintintan A., Gligor M.** Pottery kiln: A technological approach to Early Eneolithic black-topped production in Transylvania. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 2016, vol. 22, pp. 5–18.
- Colell R. C., Vallès J. P., Cobos N. C., Limón B. J., Cañamero J. M. G., Cerezuela L. C.** The Iron Age Iberian Experimental Pottery Kiln of Verdú, Catalonia, Spain. *EXARC Journal*, 2014, no. 4, pp. 1–13.
- Gosselain O. P.** Bonfire of the Enquiries. Pottery Firing Temperatures in Archaeology: What For? *Journal of Archaeological Science*, 1992, vol. 19, pp. 243–259.
- Hartwell B. N.** The experimental firing of a replica double-flued kiln based on an excavated medieval example from Dawnpatrick. *Ulster Journal of Archaeology*, 1993, vol. 56, pp. 152–162.
- Hein D.** Ceramic Kiln Lineages in Mainland Southeast Asia. In: *Ceramics in Mainland Southeast Asia: Collections in the Freer Gallery of Art and Arthur Sackler Gallery*, 2008, pp. 1–38. URL: <http://SEAsianCeramics.asia.si.edu>
- Daszhkiewicz M., Martian L.** Experimental firing and re-firing. In: Hunt A. (ed.). *The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 477–508.
- Dimoula A., Tsirtsoni Z., Yioni P., Stankidis J., Ntinou M., Prevost-Dermarker S., Papandopoulou E., Valamoti S.-M.** Experimental investigation of ceramic technology and plant cooking in Neolithic northern Greece. *STAR: Science & Technology of Archaeological Research*, 2019, vol. 5, pp. 269–286.
- Livingstone Smith A.** Bonfire II: The Return of Pottery Firing Temperatures. *Journal of Archaeological Science*, 2001, vol. 28, pp. 991–1003.
- Magetti M., Neururer Ch., Ramseyer D.** Temperature evolution inside a pot during experimental surface (bonfire) firing. *Applied Clay Science*, 2011, vol. 53, pp. 500–508.
- May P., Tuckson M.** *The Traditional Pottery of Papua New Guinea*. Honolulu, Hawai'i Press, 2000, 380 p.
- Mayes P.** The firing of a pottery kiln of a Romano-British type at Boston, Lincs. *Archaeometry*, 1961, vol. 4, no. 1, pp. 4–18.
- Meng Guo.** Variability in pottery firing technology: choice or technical development? *Chinese Archaeology*, 2017, vol. 17, pp. 179–186. DOI 10.1515/char-2017-0015
- Molinaro J., Bronner N.** The Pots of Jatumpamba. *Ceramics Monthly*, 2001, no. 8, pp. 53–57.
- Nicholson P. T., Patterson H. L.** Ethnoarchaeology in Egypt: The Ballas pottery project. *Archaeology*, 1985, vol. 38, pp. 52–59.
- Petersham M.** Village Pottery in Ceylon. *Ceramics Monthly*, 1968, no. 5, pp. 12–14.
- Rice P. M.** *Pottery Analysis: A Sourcebook*. Chicago, Chicago Uni. Press, 1987, 559 p.
- Riegger H.** Pottery Making – Indian Style. *Ceramics Monthly*, 1963, no. 5, pp. 22–25.
- Rye O. S.** *Pottery technology: Principles and reconstruction*. Washington, DC: Taraxacum Press, 1981, 154 p.
- Shepard A. O.** *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, DC, Carnegie Institute Press, 1985, 414 p.
- Slye J.** The Traditional Pottery of Nigeria. *Ceramics Monthly*, 1968, no. 2, pp. 12–19.
- Thér R.** Experimental Pottery Firings in Closed Firing Devices from the Neolithic – Hallstatt Period in Central Europe. *euroREA*, 2004, no. 1, pp. 35–82.
- Thér R., Gregor M.** Experimental reconstruction of the pottery firing process of Late Bronze Age pottery from north-eastern Bohemia. In: *Archaeological Ceramics: A Review of Current Research*, BAR International Series, Oxford, Archaeopress, 2011, no. 2193, pp. 128–142.
- Thér R., Kallistová A., Svoboda Z., Kvetina P., Lisá L., Burgert P., Bajer A.** How Was Neolithic Pottery Fired? An Exploration of the Effects of Firing Dynamics on Ceramic Products.

Journal of Archaeological Method & Theory, 2019, vol. 26, pp. 1143–1175. DOI 10.1007/s10816-018-9407-x

- Vitelly K.** Experimental Approaches to Thessalian Neolithic Ceramics: Gray Ware and Ceramic Colour. In: *La Thessalie. Quinze années de recherches archéologiques, 1975–1990. Bilans and Perspectives. Actes du Colloque International*. Lyon, 1990, pp. 143–148.
- Vuković J.** Late Neolithic Vinča Pottery Firing Procedure: Reconstruction of Neolithic Technology through Experiment. *OPVSCVLA Archaeologica*, 2018, vol. 39, pp. 25–35.
- Willis M. D.** Folk Pottery in Saudi Arabia. *Ceramics Monthly*, 1977, no. 1, pp. 35–38.

References

- Arnold D. E.** Ceramic theory and cultural process. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1985, 268 p.
- Bareš M., Lička M., Ružhičková M.** K technologii neolitické keramiky. *Acta Musei Nationalis Pragae, Series A (Historia)*, 1982, vol. 35, no. 3–4, s. 137–227. (in Chezh.)
- Bintintan A., Gligor M.** Pottery kiln: A technological approach to Early Eneolithic black-topped production in Transylvania. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 2016, vol. 22, pp. 5–18.
- Colell R. C., Vallès J. P., Cobos N. C., Limón B. J., Cañamero J. M. G., Cerezuela L. C.** The Iron Age Iberian Experimental Pottery Kiln of Verdú, Catalonia, Spain. *EXARC Journal*, 2014, no. 4, pp. 1–13.
- Gosselain O. P.** Bonfire of the Enquiries. Pottery Firing Temperatures in Archaeology: What For? *Journal of Archaeological Science*, 1992, vol. 19, pp. 243–259.
- Daszhkiewicz M., Martian L.** Experimental firing and re-firing. In: Hunt A. (ed.). *The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 477–508.
- Dimoula A., Tsirtsoni Z., Yioni P., Stankidis J., Ntinou M., Prevost-Dermarker S., Papandopoulou E., Valamoti S.-M.** Experimental investigation of ceramic technology and plant cooking in Neolithic northern Greece. *STAR: Science & Technology of Archaeological Research*, 2019, vol. 5, pp. 269–286.
- Hartwell B. N.** The experimental firing of a replica double-flued kiln based on an excavated medieval example from Dawnpatrick. *Ulster Journal of Archaeology*, 1993, vol. 56, pp. 152–162.
- Hein D.** Ceramic Kiln Lineages in Mainland Southeast Asia. In: *Ceramics in Mainland Southeast Asia: Collections in the Freer Gallery of Art and Arthur Sackler Gallery*, 2008, pp. 1–38. URL: <http://SEAsianCeramics.asia.si.edu>
- Livingstone Smith A.** Bonfire II: The Return of Pottery Firing Temperatures. *Journal of Archaeological Science*, 2001, vol. 28, pp. 991–1003.
- Magetti M., Neururer Ch., Ramseyer D.** Temperature evolution inside a pot during experimental surface (bonfire) firing. *Applied Clay Science*, 2011, vol. 53, pp. 500–508.
- May P., Tuckson M.** *The Traditional Pottery of Papua New Guinea*. Honolulu, Hawai'i Press, 2000, 380 p.
- Mayes P.** The firing of a pottery kiln of a Romano-British type at Boston, Lincs. *Archaeometry*, 1961, vol. 4, no. 1, pp. 4–18.
- Meng Guo.** Variability in pottery firing technology: choice or technical development? *Chinese Archaeology*, 2017, vol. 17, pp. 179–186. DOI 10.1515/char-2017-0015
- Molinaro J., Bronner N.** The Pots of Jatumpamba. *Ceramics Monthly*, 2001, no. 8, pp. 53–57.
- Mylnikova L. N., Molodin V. I., Bobrov V. V., Stefanov V. I.** Keramika epokhi rannego neolita Zapadnoi Sibiri (rezultaty termicheskogo analiza) [Early Neolithic Ceramics of Western Siberia (thermal analysis results)]. *Uralskii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 2019, no. 4, pp. 17–29. DOI 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-17-29
- Nicholson P. T., Patterson H. L.** Ethnoarchaeology in Egypt: The Ballas pottery project. *Archaeology*, 1985, vol. 38, pp. 52–59.
- Petersham M.** Village Pottery in Ceylon. *Ceramics Monthly*, 1968, no. 5, pp. 12–14.

- Poplevko G. N.** Kompleksnye eksperimental'no-trasologicheskie i etnograficheskie issledovaniya keramiki: tekhnologiya izgotovleniya i obzhig [Complex experimental-trasological and ethnographical studies of the ceramics]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2018, vol. 7, no. 3 (24), pp. 165–172. (in Russ.)
- Rice P. M.** Pottery Analysis: A Sourcebook. Chicago, Chicago Uni. Press, 1987, 559 p.
- Riegger H.** Pottery Making – Indian Style. *Ceramics Monthly*, 1963, no. 5, pp. 22–25.
- Rye O. S.** Pottery technology: Principles and reconstruction. Washington, DC: Taraxacum Press, 1981, 154 p.
- Shepard A. O.** Ceramics for the Archaeologist. Washington, DC, Carnegie Institute Press, 1985, 414 p.
- Slye J.** The Traditional Pottery of Nigeria. *Ceramics Monthly*, 1968, no. 2, pp. 12–19.
- Thér R.** Experimental Pottery Firings in Closed Firing Devices from the Neolithic – Hallstatt Period in Central Europe. *euroREA*, 2004, no. 1, pp. 35–82.
- Thér R., Gregor M.** Experimental reconstruction of the pottery firing process of Late Bronze Age pottery from north-eastern Bohemia. In: Archaeological Ceramics: A Review of Current Research, BAR International Series, Oxford, Archaeopress, 2011, no. 2193, pp. 128–142.
- Thér R., Kallistová A., Svoboda Z., Kvetina P., Lisá L., Burgert P., Bajer A.** How Was Neolithic Pottery Fired? An Exploration of the Effects of Firing Dynamics on Ceramic Products. *Journal of Archaeological Method & Theory*, 2019, vol. 26, pp. 1143–1175. DOI 10.1007/s10816-018-9407-x
- Vitelly K.** Experimental Approaches to Thessalian Neolithic Ceramics: Gray Ware and Ceramic Colour. In: La Thessalie. Quinze années de recherches archéologiques, 1975–1990. Bilans and Perspectives. Actes du Colloque International. Lyon, 1990, pp. 143–148.
- Volkova E. V.** Ochag ili kostrishche? (Experimental'nyi obzhig posudy) [Pit-hearth or bonfire? (Experimental firing of ceramic ware)]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2015, no. 3, pp. 37–55. (in Russ.)
- Volkova E. V.** Eshche raz ob obzhige nedosushennykh glinyanykh sosudov (experimental'noe issledovanie) [Once again about the firing of not completely dried clay vessels (experimental research)]. In: Vestnik “Istoriia keramiki” [Bulletin “History of Ceramics”]. Moscow: IA RAS Publ., 2020, vol. 2, pp. 53–66. (in Russ.)
- Volkova E. V., Tsetlin Yu. B.** Nekotorye problem experimental'nogo izucheniya obzhiga sosudov [Some problems of experimental study of ceramic vessels firing]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2015, no. 3, pp. 56–62. (in Russ.)
- Vuković J.** Late Neolithic Vinča Pottery Firing Procedure: Reconstruction of Neolithic Technology through Experiment. *OPVSCVLA Archaeologica*, 2018, vol. 39, pp. 25–35.
- Willis M. D.** Folk Pottery in Saudi Arabia. *Ceramics Monthly*, 1977, no. 1, pp. 35–38.

Информация об авторе

Ирина Сергеевна Жущиховская, доктор исторических наук
Scopus ID 6506351755
WoS ID L-4559-2017

Information about the Author

Irina S. Zhushchikhovskaya, Doctor of Sciences (History)
Scopus ID 6506351755
WoS ID L-4559-2017

Статья поступила в редакцию 22.04.2021;
одобрена после рецензирования 30.06.2021; принята к публикации 10.07.2021
The article was submitted 22.04.2021;
approved after reviewing 30.06.2021; accepted for publication 10.07.2021

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-21-31

Трасологический анализ каменной и костяной индустрии стоянки Костенки 9 (по материалам исследований 2006–2007 годов)

Антон Михайлович Родионов¹

Дарья Сергеевна Толстых²

¹ Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье»
Воронеж, Россия

² Государственный археологический музей-заповедник «Костенки»
Воронеж, Россия

¹ rodionanton@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6165-8178>

² tolstyh1796@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5624-2661>

Аннотация

Рассматриваются материалы верхнепалеолитической стоянки Костенки 9 (Бирючий лог), входящей в состав Костенковско-Борщевского археологического комплекса в среднем течении Дона. По результатам экспериментально-трассологического исследования каменной и костяной индустрии были выявлены два основных направления хозяйственной деятельности населения стоянки. Первое связано с разделкой туш животных, что является логичным и естественно необходимым. Второе направление – обработка дерева, которая имела определенную направленность, связанную с производством орудий охоты, в частности с изготовлением древков копий или дротиков. Анализ изделий из кости уточнил набор приемов обработки, которыми владели обитатели стоянки. Показательно, что при наличии орнаментированных неутилитарных изделий в коллекции отсутствует охотничье вооружение из кости и бивня, что подтверждает наши выводы о том, что оно производилось из дерева. В культурном отношении на основании анализа каменного инвентаря наиболее близкими являются материалы верхних слоев граветтийских стоянок Борщево 5 и Костенки 8 (Тельманская).

Ключевые слова

верхний палеолит, Костенки, граветт, экспериментально-трассологический анализ, каменный инвентарь, костяная индустрия

Благодарности

Авторы выражают благодарность главному хранителю Государственного археологического музея-заповедника «Костенки» А. Е. Дудину за предоставленную возможность работать с материалами

Для цитирования

Родионов А. М., Толстых Д. С. Трасологический анализ каменной и костяной индустрии стоянки Костенки 9 (по материалам исследований 2006–2007 годов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 21–31. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-21-31

Use-Wear Analysis of the Stone and Bone Industry of the Kostenki 9 Site (Based on Materials of 2006–2007 Field Research)

Anton M. Rodionov¹, Daria S. Tolstykh²

¹ Natural, Architectural and Archaeological Museum-Reserve “Divnogorye”
Voronezh, Russian Federation

² State Archaeological Museum-Reserve “Kostenki”
Voronezh, Russian Federation

¹ rodionanton@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6165-8178>

² tolstykh1796@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5624-2661>

Abstract

Purpose. The article discusses the results of a use-wear analysis of artifacts from the Kostenki 9 site (Biriutchii log). The site is located in the Middle Don River valley on the southwest of the Russian Plain. Kostenki 9 is related to the group of Paleolithic sites in the Kostenki-Borshchevo locality. Our investigation indicates that paleoeconomy of the local inhabitants was based on the strategies of high specialization.

Results. The authors highlight the main types of stone implements and the main technological methods of production. The inhabitants of the site mainly used chalk flint. Knapping technique is prismatic, the main type of workpiece is a blade. For the secondary processing of blanks, site's inhabitants most often used steep and semi-steep dull retouching. Less commonly, flat unilateral or bilateral, marginal, deeply protruding onto the blade's dorsal surface. On the basis of use-wear analysis, as well as some experiments, the authors came to the following conclusion: the stone industry of the site has Gravettian features. However, it does not have pronounced diagnostic forms.

Conclusion. The primary type of activity revealed at the Kostenki 9 site is butchering of animal carcasses. Studied use-wear traces on the stone inventory support this conclusion. The second activity represents wood processing. The ancient inhabitants of the Kostenki 9 made the wooden shafts for the darts and spears. Analysis of bone implements revealed several exciting traits. Inhabitants possessed all the basic techniques of bone processing: making grooves and cutting along the circumference. The collection does not include any tools that can be interpreted as hunting bone weapons. This thesis confirms the assumption that the inhabitants of the Kostenki 9 site used wood for tool-making, while the bones and ivory were kept for production of non-utilitarian objects. The cultural identity of the assemblage raises questions. The closest are lithic collections from the Gravettian sites Borshchevo 5 and Kostenki 8.

Keywords

the Upper Paleolithic, the Gravettian, stone and osseous inventories, Kostenki, use-wear analysis

Acknowledgements

The authors are grateful to A. E. Dudin – curator of the Kostenki State Archaeological Museum-Reserve – for the opportunity to work with materials

For citation

Rodionov A. M., Tolstykh D. S. Use-Wear Analysis of the Stone and Bone Industry of Kostenki 9 Site (Based on Material of 2006–2007 Field Research). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 21–31. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-21-31

Введение

Стоянка Костенки 9 (Бирючий лог) расположена на юго-западе Русской равнины в среднем течении Дона и входит в группу верхнепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского археологического района (далее – КБР). Основные работы на памятнике производились в 1959 г. А. Н. Рогачевым, когда было вскрыто 50 кв. м [Палеолит..., 1982, с. 109]. В данной статье рассматривается коллекция, полученная в результате менее масштабных охранных раскопок стоянки в 2006–2007 гг. [Попов, 2006, с. 4]. Обращение к данным материалам продиктовано планомерной работой по изучению граветтийских памятников КБР [Sinitsyn, 2007; Синицын, 2013; Reynolds et al., 2015; Лисицын, Дудин, 2019].

Цель настоящего исследования – выявить направления хозяйственной деятельности населения стоянки путем проведения экспериментально-трасологического анализа индустрии. Одной из первостепенных задач являлось определение основных приемов обработки камня

и кости. Задачей второго этапа было установление функционального назначения орудий, в том числе, путем проведения серии экспериментов.

Для нашего исследования мы применяли методику микро- и макроанализа [Семенов, 1957; Гиря, 1997]. При изучении бивневых предметов применялась методика Г. А. Хлопачева и Е. Ю. Гири [Хлопачев, 2006; Хлопачев, Гиря, 2010]. С учетом опыта предыдущих исследований коллекция анализировалась с помощью бинокулярного микроскопа с косым освещением «МБС-9», поляризационного микроскопа «Полам Р-312», результаты фиксировались фотоаппаратом Nikon D750.

Характеристика каменного инвентаря

В коллекции представлено 316 предметов каменного инвентаря (из них со вторичной обработкой – 165). Обитателями стоянки преимущественно использовался меловой кремний [Попов, 2007, с. 7]. Техника раскалывания призматическая, основной вид заготовки – пластина [Аникович и др., 2008, с. 181]. Выделяются следующие группы: торцовые двухплощадочные нуклеусы – 1 экз.; вторичные нуклеусы торцового скалывания – 1 экз.; острия с притупленными краями – 3 экз.; пластины и фрагменты пластин с ретушью – 38 экз.; скребки – 5 (3 концевых, 1 с плечиком с высокой спинкой, 1 скребок со скошенным лезвием на отщепе); скребла – 2 экз.; резцы – 4 (2 двугранных срединных, 1 угловой и 1 двойной угловой); орудия с чешуйчатой подтеской – 3 экз.; микропластинки с притупленными ретушью краями – 12 экз.

Исходя из последних исследований, С. Н. Лисицын относит памятник к средней стадии развития граветта в КБР [Лисицын, 2011, с. 213–214; Лисицын, Дудин, 2019, с. 94]. Ближайшим аналогом типологического набора Костенок 9 является верхний культурный слой граветтской стоянки Борщево 5 [Аникович и др., 2008, с. 169; Лисицын, 2011, с. 214]. Проанализированные нами материалы 2006–2007 гг. не противоречат данной точке зрения в технико-типологическом аспекте.

Для вторичной обработки заготовок обитателями стоянки чаще всего использовалась крутая и полукрутая притупливающая ретушь, реже плоская односторонняя или двусторонняя, краевая, глубоко заходящая на дорсальную поверхность пластины. Техника резцового скола применялась как для изготовления резцов, так и для оформления проксимальной части пластин и выделения слабовыраженного черешка. Аналогичный прием оформления проксимальной части острий был отмечен на материалах Александровской стоянки (Костенки 4) [Желтова, 2011, с. 227–228] и Ia слоя Тельманской стоянки (Костенки 8) [Рогачев, Аникович, 1984, с. 213; Рогачев, 1957, с. 46], что явилось одним из оснований для предположения не только об однокультурности материалов, но и о единстве поселения [Палеолит..., 1982, с. 101; Аникович и др., 2008, с. 157].

При трасологическом анализе пластин и их фрагментов обратило на себя внимание большое количество следов утилитарного характера, 21 из 41 имела следы использования. Были выделены две большие группы орудий: для обработки (строгания) дерева (9 экз.) (рис. 1, 2), (разделки) мяса и шкур (10 экз.) (рис. 1, 1); а также 2 пластины со следами строгания кости (рис. 2, 1, 3). Общим для всей коллекции пластинчатого инвентаря является наличие большого количества крупных фрагментов с ретушью или следами утилизации (рис. 1, 1, 3).

Причины фрагментации пластин могли быть разными. В 50 % случаев фрагменты имеют явные признаки преднамеренного расщепления, на сломках читаются конусы от ударов и расстрескивание (см. рис. 1, 1, 3). Мотивация такого поведения не до конца ясна, возможно, после продолжительного использования орудие преднамеренно ломалось. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что обитатели стоянки Костенки 9 не испытывали дефицита сырья.

При анализе каменного инвентаря со следами обработки дерева и кости было обращено внимание на четкую локализацию следов в дистальной части пластин вдоль правого края

вентральной поверхности. На всех целых пластинах (3 экз.) линейные следы отклоняются от края на $30\text{--}45^\circ$ (см. рис. 1, 2), что также наблюдается на дистальных фрагментах. Специфическое направление линейных следов не позволяет однозначно интерпретировать способ применения пластин, который обеспечивал необходимую кинематику. Заполировка начинается в 3–5 мм от дистального кончика и продолжается не более 20 мм вдоль одного края (рис. 2, 3). Отсутствие следов на самом кончике пластины свидетельствует о небольшом диаметре заготовки, сопоставимой с древком копья или дротика.

При проведении экспериментальной части исследования выяснилось, что держать пластину как в правой, так и в левой руке без какого-либо приспособления и сформировать в результате производственной деятельности направление линейных следов с углом в $30\text{--}40^\circ$ от края невозможно (рис. 2, 4).

Ввиду всех выяснившихся в результате эксперимента фактов был сделан вывод о том, что обитатели стоянки использовали рукоятки или зажимы, которые фиксировали пластину под определенным углом.

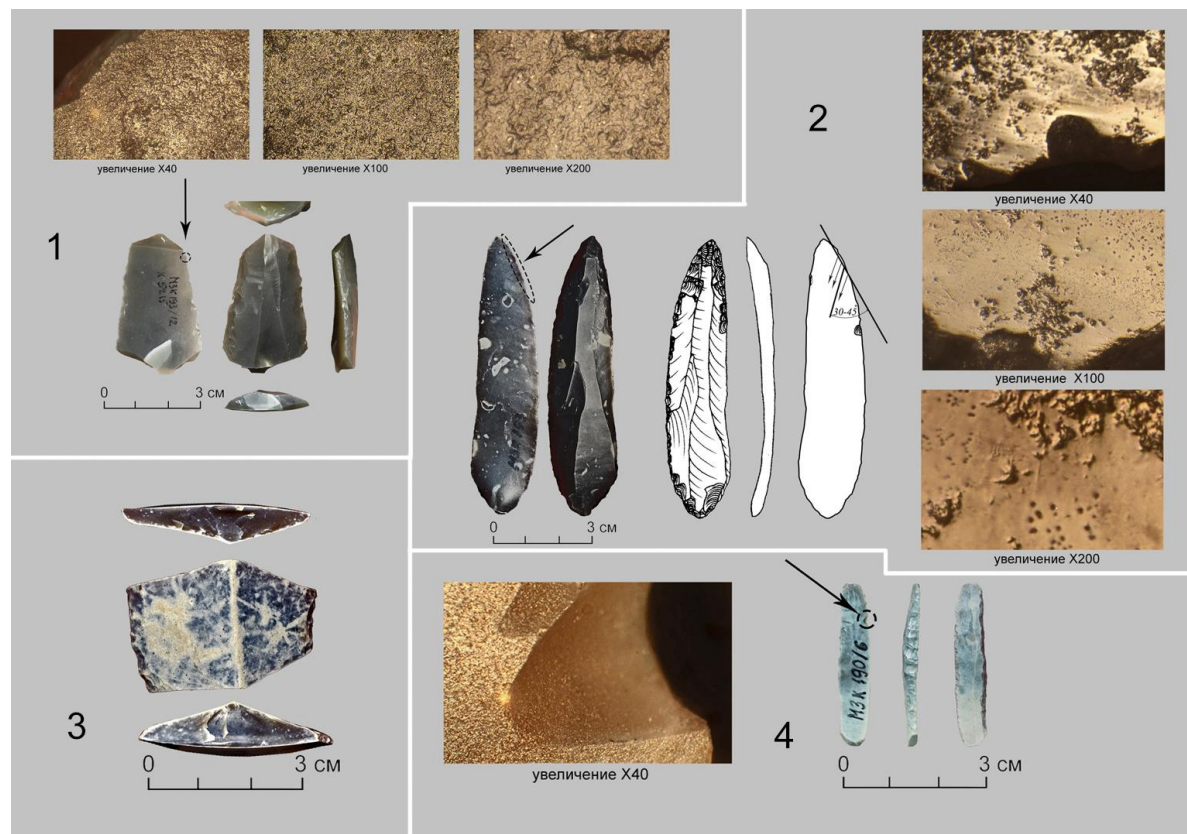

Рис. 1. Находки со стоянки Костенки 9, с микро- и макроследами износа:

1 – медиальная часть пластины с ретушью со следами разделки мяса / шкуры; 2 – пластина со следами обработки (строгания) дерева; 3 – сегмент пластины с ретушью с выраженными признаками преднамеренной фрагментации; 4 – микропластинка с притупленным краем с косонаправленными фасетками на вентральной поверхности (1–4 – черный меловой кремний)

Fig. 1. Tools with micro- and macro use-wear traces from Kostenki 9 site:

1 – mesial part of the blade with traces of skinning/butchering; 2 – blade with traces from wood processing; 3 – segment of retouched blade with traces of fracturing; 4 – backed bladelet with oblique facets on the ventral surface (1–4 – black chalk flint)

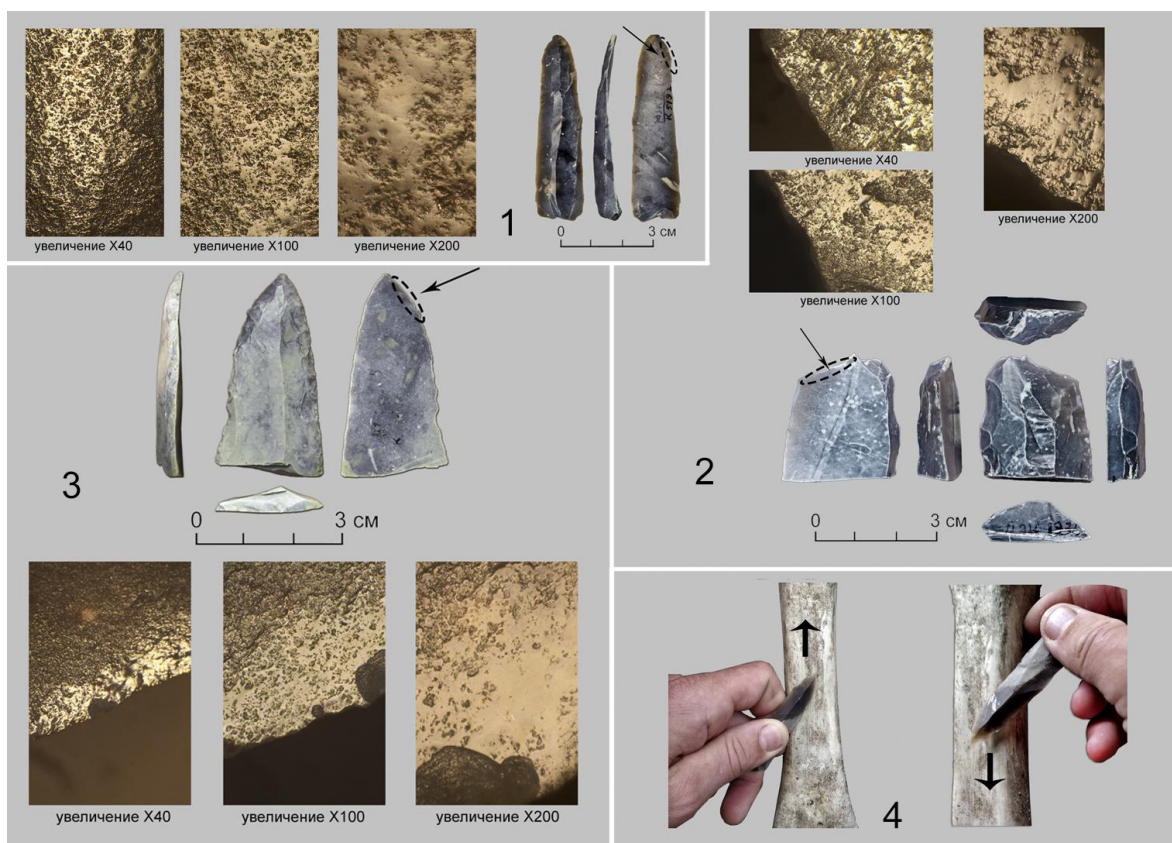

Рис. 2. Находки со стоянки Костенки 9, с микро- и макроследами износа, эксперимент по строганию кости:

1 – пластина со следами строгания кости; 2 – типологический скребок со следами использования в качестве стамески по дереву; 3 – дистальная часть пластины со следами строгания кости; 4 – эксперимент по строганию кости, работа пластиной правой и левой рукой (1–3 – черный меловой кремнь, 4 – трубчатая кость копытного, кремневая пластина)

Fig. 2. Tools with micro- and macro use-wear traces from Kostenki 9 site and bone planning experiment:

1 – blade with traces of bone planning; 2 – typological end-scraper with use-wear character to chisel for wood processing; 3 – distal part of the blade with traces of bone planning; 4 – bone planning experiment: work with the blade using the left and right hand (1–3 – black chalk flint, the tubular bone of ungulates, flint blade)

Аналогичное направление следов было прослежено и на пластинах, которые использовались для обработки кости (см. рис. 2, 1, 3). Данный факт свидетельствует о том, что используемые рукоятки имели универсальный характер.

При анализе скребков следы утилизации были выделены на одном орудии. Контекст расположения следов позволил интерпретировать использование скребка в качестве стамески для обработки дерева (см. рис. 2, 2).

Трасологический анализ микропластин с притупленным краем не выявил каких-либо микропризнаков использования. На трех были обнаружены систематические косонаправленные фасетки на вентральной поверхности (см. рис. 1, 4). Стерильность микроформ и макроследы косвенно свидетельствуют о применении микропластин в качестве вкладышевых наконечников.

Характеристика костяной индустрии

Коллекция археологической кости со стоянки Костенки 9, полученная в результате раскопок в 2006–2007 гг. представлена четырьмя предметами: один из бивня мамонта и три из кости [Попов, 2006, с. 14–15]. Указанные изделия заметно расширили уже имеющиеся представления о костяной индустрии стоянки [Палеолит..., 1982, с. 110].

Первый предмет состоит из двух фрагментов ребра с клиновидными насечками (рис. 3). Ранее они рассматривались самостоятельно [Каталог..., 2016, с. 3]. Оба фрагмента апплицируются по древнему слому; сохранность и окрашенность поверхностей подтверждают наши выводы о том, что это было единое изделие. Его общая длина – 21,6 см. По граням располагаются по три орнаментальных поля, в каждом из которых вырезаны по три клиновидных насечки (в одном случае – две). Группировки насечек располагаются ритмично и «попарно» друг напротив друга по противоположным граням, интервалы между ними по всей длине изделия равномерны и составляют около 5 см. О том, что это единый предмет, свидетельствует наблюдение, связанное с положением заготовки во время нанесения насечек. Очевидно, что они наносились при одинаковом положении ребра по всей стороне, а для создания насечек по второй грани ребро переворачивалось на 180°. Это диагностируется по их форме, исходя из экспериментальных работ, проведенных ранее: место начала прорезания насечки ассоциируется с широкой и тупой точкой начала ведения линии, в то время как сужающийся на нет паз – с концом линии. Нанесение происходило с помощью пластины под углом 65–85° [Толстых, 2019, с. 49–50], вследствие чего насечки слегка сдвинуты на одну из плоскостей ребра.

Рис. 3. Изделие из ребра мамонта с клиновидными насечками со стоянки Костенки 9
Fig. 3. Artefact made from mammoth rib with wedge-shaped cut-marks from the Kostenki 9 site

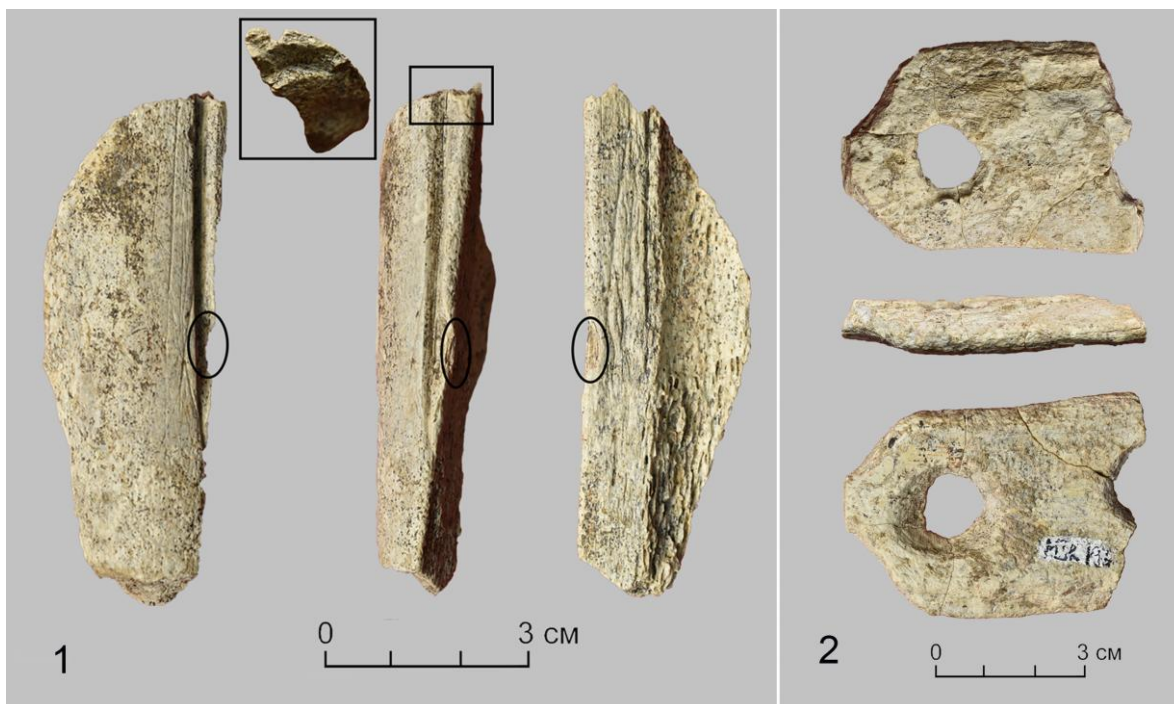

Рис. 4. Предметы костяной индустрии со стоянки Костенки 9:

1 – фрагмент трубчатой кости мамонта с пазом (овалами показано углубление – место приложения орудия для расщепления); 2 – пластина из бивня мамонта с конусовидными отверстиями – предположительно, брошь

Fig. 4. Bone industry of the Kostenki 9 site:

1 – fragment of the mammoth tubular bone with a groove (ellipse shows a pitting – the areas of impact by tool for splitting); 2 – a plate made of mammoth tusk with cone – shaped holes – presumably brooch

Данный прием орнаментации является распространенным в граветтийских костяных индустриях и использовался обитателями стоянки Костенки 8 при изготовлении украшения [Каталог..., 2016, с. 6; Дудин и др., 2019, с. 149], бивневой фибулы из верхнего культурного слоя Александровской стоянки (Костенки 4), а также за пределами КБР, например, на стоянке Хотылево 2 [Хлопачев, 2006, с. 93].

Следующий предмет костяной индустрии представляет собой фрагмент стенки трубчатой кости с частью паза длиной 7,3 см, в самой широкой части – 2,4 см (рис. 4, 1).

На поверхности кости, покрытой компактой, сохранились следы многочисленных порезов, а также ровно прорезанный паз. Перед созданием паза поверхность была подготовлена выскабливанием и шлифовкой, так как только на этом участке кость имеет характерный блеск и лучшую степень сохранности. Длина заготовки, как и паза, определена предположительно, так как ширина и глубина паза в конце заготовки не характерна для законченной линии [Толстых, 2019, с. 49]. Паз имеет длину 4,7 см, толщина прорези в начале ведения линии, т. е. в самой узкой части, – 0,1 см, затем ее ширина постепенно увеличивается до 0,2 см, а также становится глубже (до 0,3 см). Паз имеет V-образное сечение. Вероятно, для его прорезания использовались резцовые формы с узкой рабочей кромкой. Ребро фрагмента со стороны паза имеет ровный заглаженный и скругленный край. Мы предполагаем, что этот край – борт другого паза, который был проделан параллельно первому. В самом широком месте паза есть углубление – место приложения давления при попытке расщепления, внутри которого сохранились песчинки от культурного слоя, что подтверждает наш вывод о том, что кость расщепилась по трещине еще в древности.

Таким образом, исходя из морфологии сколов, а также комплекса следов обработки можно сделать вывод: предмет представляет собой часть крупной трубчатой кости, из которой пытались вырезать стержневидную заостренную заготовку. Вероятно, в процессе отделения заготовки трещина пошла не по заранее подготовленным пазам, в результате чего произошел слом.

Украшения в коллекции представлены, предположительно, брошью – бивневой пластиной с двумя коническими отверстиями (рис. 4, 2). Заготовкой для изделия, интерпретируемого ранее в качестве подвески [Попов, 2006, с. 36], послужила подпрямоугольная пластина из бивня мамонта. Следы первичной обработки не сохранились, что может служить аргументом в пользу того, что обитатели подобрали уже готовую трещиноватую часть бивня. Края заготовки были скруглены и заглажены со всех сторон, возможно, поверхность также обрабатывалась, что не диагностируемо после клеевой пропитки. Сохранившаяся часть изделия имеет длину 5,7 см, ширину 4,2 см, средняя толщина пластины 0,8 см. Форма пластины необычная, сохранившийся край украшен небольшим черешком, который на 0,6 см выделяется от края изделия. Его ширина 1,3 см, толщина 0,7 см.

Затем были сделаны два конических отверстия, на одном из них пластина была обломана. В средней части пластины на расстоянии 1,5 см от черешка было прорезано первое сквозное отверстие. Его диаметр в самой широкой части – 1,7 см, а сквозного отверстия – 1,2 см. Сохранившееся отверстие имеет конический профиль и округлую форму. Его толщина в самой толстой части – 0,7 см. Отверстие было выполнено односторонним прорезанием каменным инструментом, а затем постепенно расширялось. Второе отверстие, сохранившееся на $\frac{1}{3}$, сделано аналогичным приемом. Его предполагаемый диаметр 1,5 см, толщина бивня в его профиле 0,5 см, диаметр сквозного отверстия 1 см.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного анализа каменного инвентаря выявлены два приоритетных направления хозяйственной деятельности населения стоянки Костенки 9 – разделка туш животных и обработка дерева. Наличие серии пластин со специфическими следами от строгания древесины свидетельствует о том, что работа с деревом имела узкую направленность – обработка заготовок диаметром, соотносимым с древками копий и дротиков, а пластинчатые формы использовались с применением универсальных рукояток.

Исследование предметов из кости продемонстрировало, что, несмотря на малочисленность коллекции, обитатели стоянки владели такими технологическими приемами, как изготовление пазов и прорезание по окружности. Показательно то, что при наличии орнаментированных и неутилитарных изделий в коллекции отсутствует охотничье вооружение из кости и бивня (в отличие от наиболее близкого в культурном отношении верхнего слоя Борщево 5 [Янковская, Гордюшина, 2016, с. 230, 239]), что косвенно подтверждает наши выводы о том, что оно производилось из дерева.

Список литературы

- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с.
- Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий (методика микро-макроанализа древних орудий труда). СПб.: ИИМК РАН, 1997. Ч. 2. 198 с.
- Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Родионов А. М., Платонова Н. И. Новые данные о костяной индустрии второго культурного слоя Тельманской стоянки // Верхнедонской археологический сборник. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. Вып. 11. С. 141–154.

- Желтова М. Н.** Острия александровского типа: контекст, морфология, функция // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Х. А. Амирханова. М.: ИА РАН, 2011. С. 226–234.
- Каталог коллекции археологической кости со стоянок Костенки 8 и Костенки 9 / Сост. А. Е. Дудин, ред. И. В. Котлярова. Воронеж: МегаПринт, 2016. 15 с.
- Лисицын С. Н.** Граветтский комплекс стоянки Борщево 5 в Костенковско-Борщевском районе на Дону // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Х. А. Амирханова. М.: ИА РАН, 2011. С. 204–225.
- Лисицын С. Н., Дудин А. Е.** Граветт / эпиграветт в Костенковско-Борщевском районе на Дону: критерии разделения, культурная интерпретация и периодизация // *Camera praehistorica*: научный журнал. 2019. № 1 (2). С. 70–107.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н. Д. Праслова, А. Н. Рогачева. Л.: Наука, 1982. 285 с.
- Попов В. В.** Отчет о работе археологической экспедиции государственного археологического музея-заповедника «Костенки» в 2006 г. // Архив ГАМЗ «Костенки». Воронеж, 2006. 39 с.
- Попов В. В.** Отчет о работе археологической экспедиции государственного археологического музея-заповедника «Костенки» в 2007 г. // Архив ГАМЗ «Костенки». Воронеж, 2007. 23 с.
- Рогачев А. Н.** Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. М.; Л.: АН СССР, 1957. № 59. С. 9–134.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В.** Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР / Отв. ред. П. И. Борисковский. М.: Наука, 1984. С. 162–271.
- Семенов С. А.** Первобытная техника: опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы // МИА. М.; Л., 1957. № 54. 240 с.
- Синицын А. А.** Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 4–32.
- Толстых Д. С.** Гравировка по бивню мамонта по материалам стоянки Костенки 11: трасология и экспериментальные данные // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. М.: ИА РАН, 2019. С. 48–51.
- Хлопачев Г. А.** Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006. 262 с.
- Хлопачев Г. А., Гиря Е. Ю.,** Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.
- Янковская Е. П., Гордюшина В. И.** Опыт консервации предметов из кости акрилат-кремнийорганическими соединениями // Естественные научные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 229–240.
- Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G.** Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation. *Quartär*, 2015, vol. 62, pp. 121–132.
- Sinitsyn A. A.** Variabilité du Gravettien de Kostenki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés. *Paleo*, 2007, vol. 18, pp. 181–202.

References

- Anikov M. V., Popov V. V., Platonova N. I.** Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona v kontekste verkhnego paleolita Evropy [The Palaeolithic of Kostenki-Borshchevo Area in the Context of the Upper Palaeolithic of Europe]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2008, 304 p. (in Russ.)
- Dudin A. E.** (comp.), **Kotlyarova I. V.** (ed.). Katalog kollektsii arkhеologicheskoi kosti so stoyanok Kostenki 8 i Kostenki 9 [Catalog of the archaeological bone collection from the sites of Kostenki 8 and Kostenki 9]. Voronezh, MegaPrint, 2016, 15 p. (in Russ.)
- Dudin A. E., Pustovalov A. Yu., Rodionov A. M., Platonova N. I.** Novie dannie o kostyanoi industrii vtorogo kulturnogo sloya Telmanskoi stoyanki [New data on the bone industry of the second cultural layer of the Telmanskaya site]. In: Verkhnedonskoi arkhеologicheskii sbornik. Lipetsk, LSPU Pres, 2019, vol. 11, pp. 141–154. (in Russ.)
- Girya E. Yu.** Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii (metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda) [Technological analysis of stone industries (Methods of micro-macroanalysis of ancient tools)]. St. Petersburg, IHMK RAS, 1997, pt. 2, 198 p. (in Russ.)
- Khlopachev G. A.** Bivnevyie industrii verkhnego paleolita Vostochnoy Evropy [Tusk industry of the Upper Paleolithic in Eastern Europe]. St. Petersburg, Nauka, 2006, 261 p. (in Russ.)
- Khlopachev G. A., Girya E. Yu.** Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoi Evropy i Sibiri: priemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke (po arkhеologicheskim i eksperimental'nym dannym) [Secrets of ancient carvers of Eastern Europe and Siberia: treatment techniques of ivory and reindeer antler in the stone age]. St. Petersburg, Nauka, 2010, 144 p. (in Russ.)
- Lisitsyn S. N.** Gravettiiskii kompleks stoyanki Borshchevo 5 v Kostenkovsko-Borshchevskom raione na Donu [The Gravettian Complex of the Site Borshchevo 5 in the Kostenki-Borshchevo Region on the Don]. In: Paleolit i Mezolit Vostochnoi Evropy [Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe]. Collection of Art. in honor of the 60th anniversary of Kh. A. Amirkhanov. Moscow, IA RAS, 2011, pp. 204–225. (in Russ.)
- Lisitsyn S. N., Dudin A. E.** Gravett / epigravett v Kostenkovsko-Borshchevskom raione na Donu: kriterii razdeleniya, kul'turnaya interpretatsiya i periodizatsiya [The Gravettian / Epigravettian in the Kostenki-Borshchevo locality on the Don – the division criteria, cultural interpretation and periodization]. *Camera praehistorica*, 2019, vol. 1 (2), pp. 70–107. (in Russ.)
- Popov V. V.** Otchet o rabote arkhеologicheskoi ekspeditsii gosudarstvennogo arkhеologicheskogo muzeya-zapovednika “Kostenki” v 2006 g. [Report on the work of the archaeological expedition of the State archaeological museum-reserve “Kostenki” in 2006]. In: Arkhiv GAMZ “Kostenki”. Voronezh, 2006, 23 p. (in Russ.)
- Popov V. V.** Otchet o rabote arkhеologicheskoi ekspeditsii gosudarstvennogo arkhеologicheskogo muzeya-zapovednika “Kostenki” v 2007 g. [Report on the work of the archaeological expedition of the State archaeological museum-reserve “Kostenki” in 2007]. In: Arkhiv GAMZ “Kostenki”. Voronezh, 2007, 39 p. (in Russ.)
- Praslov N. D., Rogachev A. N.** (eds.). Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona na Donu. 1879–1979. Nekotorye itogi polevykh issledovaniy [The Palaeolithic of Kostenki-Borshchevo Area on the River Don. 1879–1979. Some Results of Field Investigations]. Leningrad, Nauka, 1982, 285 p. (in Russ.)
- Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G.** Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation. *Quartär*, 2015, vol. 62, pp. 121–132.
- Rogachev A. N.** Mnogosloinnye stoyanki Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona na Donu i problema razvitiia kul'tury v epokhu verkhnego paleolita na Russkoi ravnine [Multilayered sites of Kostenki-Borshchevo Area on the Don and the Problem of Cultural Development in the Upper

- Palaeolithic on the Russian Plain]. In: MIA. Moscow; Leningrad: Nauka, 1957, vol. 59. pp. 9–134. (in Russ.)
- Rogachev A. N., Anikovich M. V.** Pozdnii paleolit Russkoi ravniny i Kryma [The Upper Palaeolithic of the Russian Plain and Crimea]. In: Boriskovsky P. I. (ed.). Paleolit SSSR [Paleolithic of the USSR]. Moscow, Nauka, 1984, pp. 162–271. (in Russ.)
- Semenov S. A.** Pervobytnaya tekhnika: opyt izucheniya drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty [Prehistoric technology: an experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear]. In: MIA. Moscow; Leningrad, 1957, vol. 54, pp. 240. (in Russ.)
- Sinitsyn A. A.** Gravett Kostenok v kontekste gravetta Vostochnoi Evropy [The Gravettian of Kostenki in the Context of the Gravettian of Eastern Europe]. In: Problemy zaseleniia severozapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy). St. Petersburg, ElekSis, 2013, pp. 4–32. (in Russ.)
- Sinitsyn A. A.** Variabilité du Gravettien de Kostenki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés. *Paleo*, 2007, vol. 18, pp. 181–202.
- Tolstykh D. S.** Gravirovka po bivnyu mamonta po materialam stoyanki Kostenki 11: trasologiya i eksperimental'nye dannye [Engraving on a mammoth tusk based on materials from Kostenki 11 site: trasology and experimental data]. In: Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh [New materials and methods of archaeological research: from criticism of the source to generalization and interpretation of data]. Moscow, IA RAS, 2019, pp. 48–51. (in Russ.)
- Yankovskaya E. P., Gordyshina V. I.** Opyt konservatsii predmetov iz kosti akrilat-kremniiorganicheskimi soedineniyami [The experience of preservation of paleontological objects with acrylate-silicon compound]. In: Estestvennonauchnye metody v izuchenii i sokhranении pamyatnikov Kostenkovsko-Borshchevskogo arkheologicheskogo raiona [Natural science methods in the study and preservation of monuments of the Kostenkovsko-Borshchevsky archaeological district]. Voronezh, VSU Press, 2017, pp. 229–240. (in Russ.)
- Zheltova M. N.** Ostriya aleksandrovskego tipa: kontekst, morfologiya, funkciya [Point of Alexandrov type: context, morphology, function]. In: Paleolit i Mezolit Vostochnoi Evropy [Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe]. Collection of Art. in honor of the 60th anniversary of Kh. A. Amirkhanov. Moscow, IA RAS, 2011, pp. 226–234. (in Russ.)

Информация об авторах

Антон Михайлович Родионов, кандидат исторических наук
Дарья Сергеевна Толстых, аспирантка Института археологии РАН

Information about Authors

Anton M. Rodionov, Candidate of Sciences (History)
Daria S. Tolstykh, Postgraduate Student of Institute of Archaeology RAS

*Статья поступила в редакцию 08.06.2020;
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 08.06.2020;
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 903

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-32-43

Палеолитическое местонахождение Три Скалы в Западном Забайкалье как базовый лагерь древних охотников-собирателей

Юлия Евгеньевна Антонова¹

Василий Иванович Ташак²

Алексей Михайлович Клементьев³

¹ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

³ Институт земной коры
Сибирского отделения Российской академии наук
Иркутск, Россия

¹ yulya_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6941-0305>

² tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

³ klem-al@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-7072>

Аннотация

В 2015 г. началось изучение нового многослойного местонахождения в Западном Забайкалье, получившем наименование Три Скалы. На основе анализа каменной индустрии установлена близость Трёх Скал с палеолитическими местонахождениями толбагинской культуры раннего этапа верхнего палеолита, в которой выражено производство орудий на крупных каменных пластинах. Большинство крупных местонахождений этой культуры демонстрирует представительный орудийный набор и разнообразную хозяйственную деятельность на древних поселениях. Поэтапный анализ различных элементов (по мере их выявления и изучения) палеолитических уровней местонахождения Три Скалы приводил к неоднозначным выводам в плане интерпретации функциональной нагрузки древней стоянки: стоянка-мастерская; стоянка как место забоя и первичной разделки животных. Детальный анализ всех составляющих палеолитического местонахождения позволяет сделать вывод о том, что Три Скалы – это базовый лагерь населения, ориентированного на охоту, сопровождаемую разноплановой хозяйственной деятельностью.

Ключевые слова

ранний верхний палеолит, Западное Забайкалье, каменная индустрия, остеология, функция местонахождения

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения *Homo sapiens* в Азии»

Для цитирования

Антонова Ю. Е., Ташак В. И., Клементьев А. М. Палеолитическое местонахождение Три Скалы в Западном Забайкалье как базовый лагерь древних охотников-собирателей // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 32–43. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-32-43

Paleolithic Site Tri Skaly in Western Transbaikalia as a Hunter-Gatherers' Base Camp

Yuliya E. Antonova¹, Vasiliy I. Tashak², Aleksey M. Klementiev³

¹ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

³ Institute of the Earth's Crust
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Irkutsk, Russian Federation

¹ yulya_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6941-0305>

² tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

³ klem-al@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-7072>

Abstract

Purpose. In 2015 a new archaeological site Tri Skaly were found in the lower part of the Khilock River basin (Western Transbaikalia). This site is of a large interest in the sense of investigations concerned early stages of the Upper Palaeolithic in Transbaikalia, because it is westernmost among similar sites and located in the area where such sites were not known earlier. The purpose of this investigation is defining the functional purpose of the ancient settlement. Discrete approach to the data analysis lead to the controversial conclusions. The article presents the results of the complex approach to the investigations of palaeolithic cultural horizons at Tri Skaly archaeological site.

Results. In the Tri Skaly collection the most representative and various part of the archaeological finds consists of the stone artifacts typical for the early Upper Paleolithic period. On the basis of the stone industry consideration the affinity with the Tolbaga culture's Paleolithic sites is proposed; it is reflected in the production of tools on the large blades. The well-investigated sites of this culture show the representative toolkit and the multi-way economic activity at the ancient settlement. The obvious predominance of primary knapping products over retouched items suggests the use of the area as a workshop, or camp workshop if we take into consideration the presence of some structural elements of the cultural horizon. Paleontological materials demonstrate the overwhelming majority of the *Equus Ferus* bones, the distal ends of the legs. This fact leads to the conclusion that this area was used as the kill and butchering site. At the same time, we have evidence that allows us to interpret bones as possible kitchen debris, not only wastes from butchering. In addition, a toolkit includes various types of tools related to different activities.

Conclusion. The detailed analysis and synthesis of all available components from the Paleolithic site Tri Skaly (stone industry, palaeontological finds) evidence about multi-way economic activity here in Upper Palaeolithic. Based on this we conclude Tri Skaly site is a periodically used base hunting camp with a full cycle of stone processing and tool production and evidences of non-utilitarian activity.

Keywords

early Upper Paleolithic, Western Transbaikalia, stone industry, osteology, functional use of a site

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00198 "The formation of Initial Upper Paleolithic culture in eastern Central Asia and South Siberia: polycentrism or transfer of cultural traditions along the northern route of *Homo sapiens* dispersal in Asia"

For citation

Antonova Yu. E., Tashak V. I., Klementiev A. M. Paleolithic Site Tri Skaly in Western Transbaikalia as a Hunter-Gatherers' Base Camp. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 32–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-32-43

Введение

Определение функционального назначения памятника эпохи палеолита осложнено множеством взаимосвязанных факторов, начиная от условий залегания материалов и степени их инситуальности, заканчивая вариативностью каменной индустрии. Каменный ассамбляж место-

нахождения наряду с палеонтологическими находками является основным источником используемых данных. Нередко при определении функционала памятника акцент делается на информацию, полученную при исследовании одной составляющей археологического объекта. Подобное акцентирование может стать основой обобщающих выводов. Учитывая, что в стандартном случае раскопками получена лишь небольшая часть информации по памятнику, мы имеем дело с фрагментами общей картины использования памятника.

В предлагаемой статье ставится цель показать неоднозначность оценки археологического местонахождения при дискретном и комплексном подходах к его исследованию на примере местонахождения раннего верхнего палеолита Три Скалы в Западном Забайкалье. Верхний палеолит Забайкалья характеризуется поликультурными процессами, однако наибольшее количество памятников начального и раннего верхнего палеолита отнесено исследователями к толбагинской культуре, характеризующейся производством крупных пластин и орудий на них. Опорные памятники этой культуры характеризуются как долговременные / зимние охотничьи поселения, например местонахождения (комплексы) Подзвонкой [Antonova et al., 2020], и весенне-летние охотничьи лагеря, например Каменка (А) [Лбова и др., 2009]; поселение Толбага интерпретируется двояко – зимнее долговременное поселение [Константинов, 1994] и летне-осенний охотничий лагерь [Vasiliev, Rybin, 2009]. Местонахождение Три Скалы, открытое в 2015 г. [Ташак, Антонова, 2016], по характеристикам каменной индустрии относится к толбагинской культуре. Каменная индустрия на первый взгляд характеризует памятник как мастерскую. Первичный анализ палеонтологических находок позволяет говорить о временном охотничьем лагере. В то же время совокупность всех данных указывает на разные виды человеческой жизнедеятельности, свидетельствующие о поселенческом характере памятника. Этим и определяется актуальность настоящего исследования, целью которого является определение функциональной характеристики местонахождения Три Скалы на основе комплексной оценки имеющегося массива данных.

Объект исследований

Геоархеологический объект Три Скалы расположен у южного подножия крайних юго-западных отрогов хребта Цаган-Дабан – территория Селенгинского среднегорья в Западном Забайкалье. Площадь местонахождения ограничена с востока и запада двумя распадками, с севера прикрыта скалистыми отрогами, а на юге обращена в сторону широкой и протяженной по линии восток-запад (около 140 км) долины небольшой речки Сухары, в 4 км восточнее ее устья (рис. 1, 1). Участок с местонахождением представляет собой три выположенные площадки у подножия скалистых горных склонов. В раскопе площадью 45 кв. м выявлено шесть стратиграфических подразделений, из которых пять слоев рыхлых отложений общей мощностью до 170 см (рис. 1, 2).

Палеолитические материалы в верхней части рыхлых отложений 2-го, 3-го литологических слоев (далее – л. с.) переотложены.

В верхней части 4-го л. с. отчетливо прослеживаются следы солифлюкционных подвижек грунта. Начиная с нижнего уровня 4-го л. с., в его подошве, фиксируются отдельные элементы горизонта (горизонтов) обитания, представленные в виде компактных скоплений однотипных артефактов, производственные зоны, компактные скопления костей животных. В подошве 4-го л. с. обнаружены своеобразные продолговатые «пятна», внедренные в кровлю слоя 5, которые представляют собой зольно-углистые включения в слой, смешанные с мелкими обломками костей животных и подстилаемые тонкими прослоями прокаленного грунта (рис. 1, 3, 4). Можно предположить, что это участок горизонта обитания с разводимым здесь крупным костром.

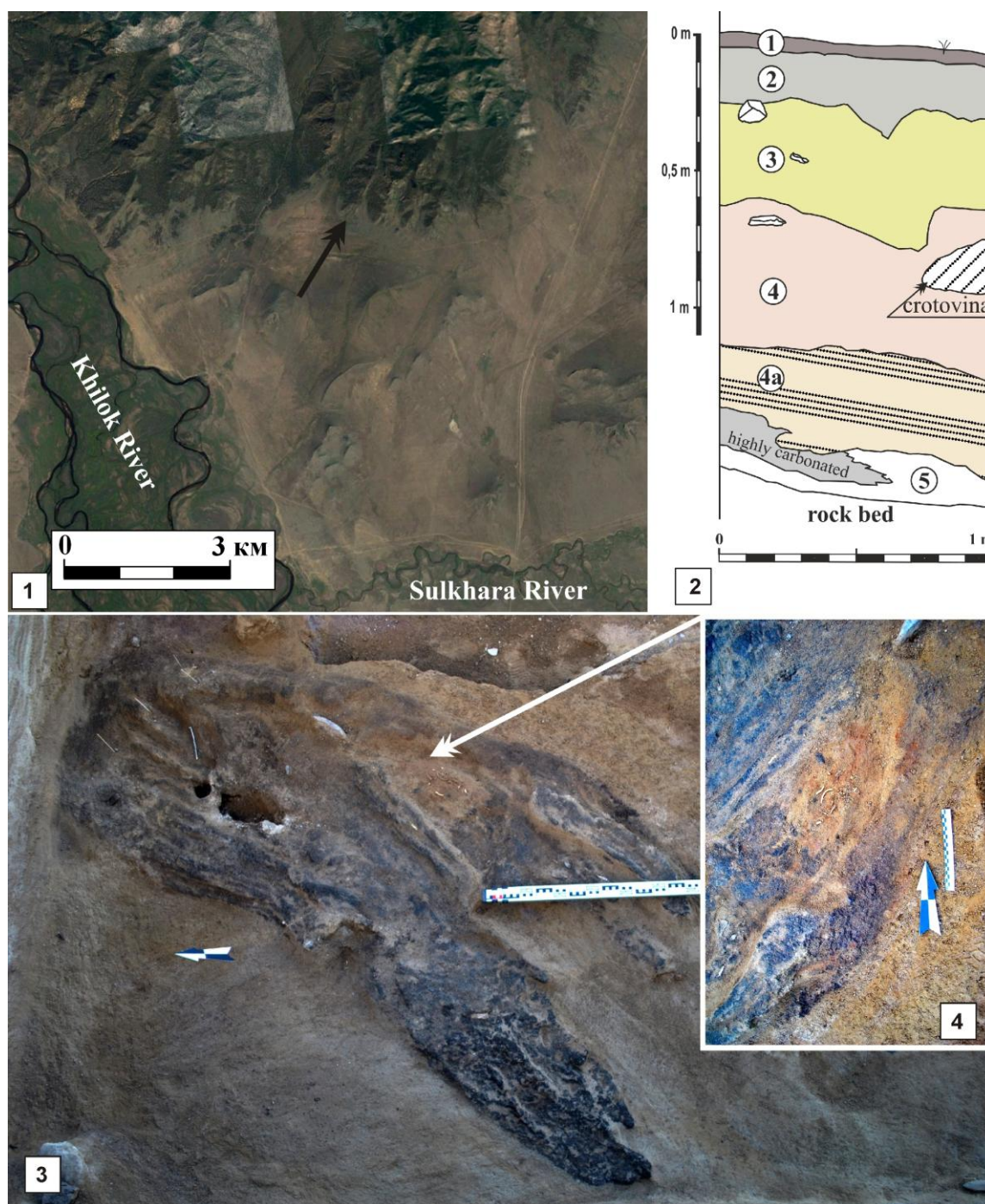

Рис. 1. Местонахождение Три Скалы (Западное Забайкалье):

1 – расположение памятника; 2 – стратиграфическая колонка (1 – супесь каштановая; 2 – супесь темно-каштановая; 3 – супесь бледно-коричневая; 4 – супесь палевая, пылеватая; 4a – супесь палевая, пылеватая с песчаными линзами; 5 – супесь темно-палевая, опесчаненная с линзами карбонизации); 3 – фрагмент культурного горизонта с углистым пятном в слое 5

Fig. 1. Tri Skaly site (Western Transbaikalia):

1 – site location; 2 – stratigraphic profile (1 – chestnut brown sandy loam; 2 – dark- chestnut brown sandy loam; 3 – pale- brown sandy loam; 4 – pale-yellow pulverous sandy loam; 4a – pale-yellow pulverous sandy loam with sandy lenses; 5 – dark pale-yellow sandy loam with lenses of carbonatization); 3 – the fragment of the cultural layer with the coal-black area in the layer 5

На основании единственной на данный момент радиоуглеродной даты, полученной для Трёх Скал [Антонова, Ташак, 2018a], нижний уровень слоя 4 датирован $25\,780 \pm 580$ л. н. (ЛУ-8743), что соответствует калиброванному возрасту 31 125–29 002 л. н., согласно калибровочной программе OxCal 4.4, с вероятностью 95,4 % [Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2020]. Имеющиеся данные позволяют соотносить время функционирования древней стоянки с периодом не ранее позднего этапа каргинского интерстадиала.

Каменная индустрия

В коллекции, отражающей каменную индустрию Трёх Скал, представлено 1 837 находок из слоев 3–5, без учета микроотщепов и таких же по размерам обломков. Из них сколы всех типов представлены 1 589 экземплярами.

Исследования петрографии каменного сырья Трёх Скал [Антонова, Ташак, 2018b] показали, что здесь среди неокатанных кусков сырья наиболее массово представлены аргиллиты различного состава и цвета, несколько реже встречаются туфы. Окатанное сырье представлено различными алевритами, кремнями, яшмоидами. При использовании аргиллитов с исходной болванки в процессе декорткации снимался значительный его слой низкого качества до тех пор, пока не достигалось ядро болванки с необходимыми для изготовления орудий качествами. В связи с этим значительную часть крупных отщепов из темно-серого аргиллита следует отнести к категории отходов. Наличие таких отщепов, а также сколов декорткации галечного сырья указывает на то, что сырье транспортировалось на территорию местонахождения, где осуществлялось его расщепление, включая начальную стадию. В целом на местонахождении использовалось сырье местного происхождения, встречающееся в непосредственной близости от стоянки либо доставлявшееся на стоянку с берегов р. Хилок (4,5–5 км).

Всего в слоях 3–5 Трёх Скал представлен 51 нуклеус и их фрагменты. Кроме этого, здесь найдено 37 артефактов, среди которых неопределимые обломки нуклеусов, нуклеидные изделия, апробированные куски сырья. Большинство нуклеусов демонстрирует параллельную систему расщепления, при этом около $\frac{2}{3}$ всех нуклеусов двухплощадочные со встречным скалыванием.

Среди сколов 392 целые и фрагментированные пластины, что составляет 24,7 % от числа всех сколов. Пластины Трёх Скал морфологически аналогичны пластинам индустрий, объединяемых в рамках толбагинской археологической культуры [Константинов, 1994, с. 51]. Среди отщепов устойчиво выделяется группа пластинчатых отщепов. Помимо них можно выделить небольшую серию крупных отщепов овальных, подквадратных или прямоугольных очертаний.

В составе рассмотренной коллекции выделено 226 орудий и сколов с ретушью утилизации. В их числе 130 (57,5 %) изготовлено на пластинах, это целые или фрагментированные орудия, 96 экземпляров (42,5 %) – орудия на отщепах, краевых сколах и пр. Из них 79 орудий на отщепах, треть из которых пластинчатые.

Орудийный набор типичен для местонахождений раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья и на данный момент исследований составляет 12,3 % от общего количества артефактов. Количественно представительны: долотовидные – 17 экз.; скребки – 23 экз., из них 12 – концевые на пластинах и фрагментах пластин, а также 5 концевых скребков в комбинации с краевой ретушью или долотовидным орудием; 16 пластин и отщепов с пологой краевой ретушью – ножевидные орудия. Резцы немногочисленны, всего выявлено 6 орудий, из них 4 самостоятельных и 2 комбинированных с другими категориями орудий, например резец и скребок. Скребла (включая комбинированные) представлены всего 14 экз. всех типов.

Палеонтологические материалы

Большинство определимых костей животных (см. таблицу), связанных с плейстоценовыми уровнями залегания артефактов, обнаружено в подошве 4-го л. с., где они сконцентрированы на площади 2 × 2 м.

Состав остеологической коллекции палеолитических уровней
местонахождения Три Скалы
Composition of the osteological collection from the Palaeolithic levels
of the Tri Skaly site

Кость	4-й слой			5-й слой		
		правая	левая		правая	левая
<i>Equus ferus</i> :						
Нижняя челюсть, фрагмент	1					
Отдельные зубы	3			2		
Плечевая кость дистальный фрагмент					1	
Лучевая кость проксимальный фрагмент			1			
дистальный фрагмент			1			
Локтевая кость проксимальный фрагмент			1			
Пястная кость, целая проксимальный фрагмент		1 2				
Грифельная кость	2					
Большая берцовая дистальный фрагмент			1			
астргал	1			1		
кости заплюсны	3					
<i>Bos/Bison</i> , пяточная кость	1					
<i>Procapra gutturosa</i> : метаподий, дис- тальный фрагмент				1		
Крупное копытное, фрагменты кос- тей	21			19		
Неопределимые	51			76		
Всего	190					

В 5-м л. с. кости в основном представлены мелкими и неопределимыми обломками. Определимые фрагменты костей единичны. Здесь найдено и костяное орудие, сильно фрагментированное, но полностью восстановленное. В 4-м л. с. обнаружены кости крупных и мелких копытных, доля определимых остатков составляет 12,1 %. Количественно преобладают кости дикой лошади (*Equus ferus*). Кроме этого идентифицированы: крупный бык (*Bos* или *Bison*) и дзерен (*Procapra gutturosa*). Помимо костей животных в 4-м л. с. обнаружены фрагменты скорлупы яиц страусов. Являлись ли сами страусы объектами охоты, определить по имеющимся данным не представляется возможным. Обычно в палеолитических местона-

хождениях Забайкалья кости страусов отсутствуют, а скорлупа яиц встречается как сырье для изготовления бусин и подвесок [Ташак, 2016, с. 146–148; Зоткина и др., 2018]. В этой связи наиболее приемлемой представляется версия о том, что древним населением Трёх Скал производился сбор скорлупы как сырья для неутилитарных поделок.

Среди костных останков доминируют дистальные отделы конечностей (метаподии, заплюсневые). Дентальные элементы (мандибула, зубы) единичны. От передней конечности лошади имеются остатки локтевых суставных сочленений (блок плечевой, эпифизы локтевой и лучевой костей), которые также не являются ценными в пищевом отношении. Такие показатели весьма специфичны и обычно интерпретируются как факты существования охотничьего лагеря по добыче и первичной разделке жертв [Binford, 1981]. Кроме этого, в коллекции присутствует небольшое количество мелких фрагментов ребер млекопитающего средних размеров.

Обсуждение

Состав каменных орудий Трёх Скал разнообразен и связан не только с процессами разделки и обработки мяса. Например, в процентном отношении количество долотовидных и тесловидных изделий в материалах Трёх Скал (7,5 %) превышает такой показатель в материалах Каменки (А) – 3,9 % и Хотыка (3-й уровень) – 1,2 %¹, и близко количеству долотовидно-тесловидных изделий в материалах Юго-Восточного комплекса Подзвонкой – 7,8 %². Кроме этого, в индустрии Трёх Скал количество нуклеусов составляет 4 % от всех артефактов, а, например, в многочисленной коллекции каменных артефактов Восточного комплекса Подзвонкой доля определимых нуклеусов составляет менее одного процента от всех каменных находок. Данное соотношение наглядно характеризует раскопанный участок Трёх Скал как место, где не только изготавливались орудия, но массово представлено первичное расщепление.

По данным анализа костных остатков, учитывая MNI (Minimal number of individuals), можно говорить о разделке как минимум (или всего) одной лошади, одного быка и одного дзерена на указанной площадке. Состав охотничьих видов животных в целом согласуется с таковым на других опорных местонахождениях толбагинской культуры. Кости лошади составляют значительную часть остеологических коллекций на всех памятниках этой культуры [Лбова и др., 2009; Клементьев, 2011; Ташак, 2016; Vasiliev, Rybin, 2009; Antonova et al., 2020]. Количество добываемого дзерена было значительно меньше в Толбаге и в Юго-Восточном комплексе Подзвонкой, чем в других памятниках [Antonova et al., 2020]. Кроме этого, на Подзвонкой наблюдается равнозначное по отношению к лошади, а на Толбаге даже превышающее, количество добычи аргали. Отсюда местонахождение Три Скалы по составу добываемых животных ближе к таким памятникам, как Каменка и Хотык, которые характеризуются как сезонные охотничьи лагеря преимущественно летнего времени [Лбова и др., 2009].

Следует отметить, что определимые кости дзерена и быка среди остеологических находок Трёх Скал малочисленны и в общей массе определимых костей составляют незначительную долю. Учитывая это, можно предполагать на данном участке первичную разделку единственной особи лошади и случайность попадания сюда костей других животных, что характерно для мест добычи и первичной разделки туш животных, использовавшихся единственный раз [Biondi, 2000]. В этом плане наблюдаются общие черты с местонахождениями, характеризующимися как места добычи и первичной разделки животных. Основной набор маркирующих черт таких местонахождений хорошо представлен в описании остеологической коллекции ранневерхнепалеолитического местонахождения Костенки [Hoffecker et al., 2010]. На первый взгляд Три Скалы демонстрирует отсутствие других частей скелета помимо ма-

¹ Процентный состав рассчитан по данным: [Лбова, 2000].

² Процентный состав публикуется впервые.

лощенных в пищевом отношении частей конечностей и единичных зубов. Именно поэтому с позиции оценки остеологической коллекции был сделан акцент на том, что раскопанный участок демонстрирует уже отсортированные, выброшенные костные материалы, по сути являющиеся отходами разделки туш. На этом основании сделано первичное предположение, что более ценные и калорийные части туш были транспортированы на базовую стоянку или в охотничий лагерь для дальнейшей обработки.

Детальное обследование всех остеологических остатков из места их концентрации дает дополнительную информацию, которая позволяет кардинально изменить мнение о характере местонахождения. Например, выраженная фрагментация костей в целом не соответствует представлениям о характере костных остатков с места забоя. Помимо этого, во-первых, большинство фрагментов представляет собой не случайные обломки, образовавшиеся при растрескивании костей уже в погребенном состоянии, а намеренно фрагментированные кости (рис. 2, 1), несущие на поверхности следы рубки и порезы, оставленные в процессе расчленения туш и срезания мяса (рис. 2, 1а). Выделяются фрагменты, образованные поперечным и продольным рассечением, а также костяные отщепы, полученные оббивкой в первую очередь трубчатых костей. Во-вторых, некоторые обломки костей несут на поверхности следы нагрева, который определяется по изменению цвета на некоторых участках костей в результате их нагрева при приготовлении пищи [Shipman et al., 1984; Barkai et al., 2017]. Конкретно для Трёх Скал такое изменение цветности представлено в виде ограниченных коричневатых пятен на разных частях костей. На этом основании можно утверждать, что здесь находятся не только отходы первичной разделки туш, но и кухонные отходы. Часть костей из места их концентрации становилась сырьем для изготовления орудий. Подтверждением этому служит находка орудия из подошвы 4-го л. с. на крупном костяном отщепе (рис. 2, 2, 2а). Орудие ситуационное – изготовлено, вероятно, для выполнения текущей задачи, а затем выброшено.

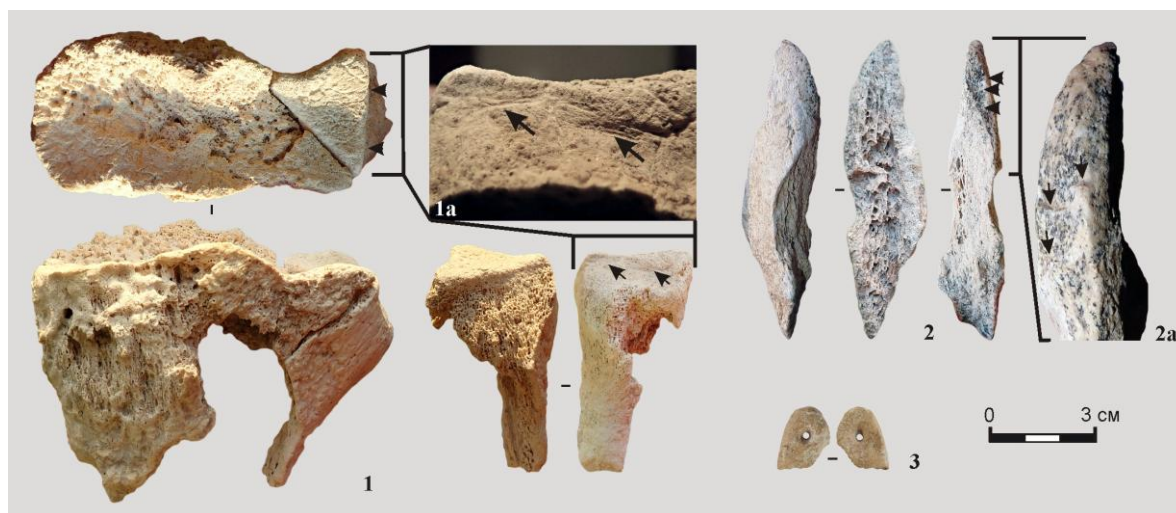

Рис. 2. Местонахождение Три Скалы:

1 – фрагмент кости крупного млекопитающего и апплицирующий к нему фрагмент, полученный в результате разрубания, со следами других ударов (1а); 2 – костяное орудие; 3 – фрагмент каменной подвески с биконическим сверлением

Fig. 2. Tri Skaly site:

1 – the bone fragment (large mammal) and applied to it bone fragment obtained in the result of the cutting with the traces of other strikes (1а); 2 – bone tool; 3 – the fragment of the stone pendant with the biconical drill operation

В подошве слоя 4 найдена поврежденная шлифованная каменная подвеска с отверстием биконического сверления (рис. 2, 3) и потенциальные заготовки для неутилитарных поделок в виде фрагментов скорлупы яиц страусов (какое-либо другое использование этого сырья в Забайкалье никак не засвидетельствовано). В комплексе такие данные указывают на разнонаправленную деятельность, осуществлявшуюся на местонахождении.

Определение базовых стоянок или долговременных поселений вызывает определенные сложности. Как было подмечено Bicho и Cascalheira [2020], в этом вопросе нет единства используемых критериев и определений. В качестве основных критериев для определения долговременных поселений используются: организация пространства вокруг очагов, наличие дополнительных зон отходов и разносторонняя деятельность (последнее отражается в орудийных наборах каменной и костяной индустрии) [Fitzhugh, 2002; Vaquero, 2012; Bicho, Cascalheira, 2020]. Каменная индустрия составляет значительную часть материалов, привлекаемых для интерпретаций. Облик каменной индустрии зависит не только от функционала памятника, его культурно-хронологической принадлежности, но и от некоторых естественных факторов (например, доступность каменного сырья и его физические свойства могут определять вариабельность в каменной индустрии памятников одной культуры), применяемых адаптивных стратегий древнего человека. Всё это определяет многоплановый характер базовых стоянок, невозможность определить «шаблон» каменной индустрии, характерной для поселений такого типа. То же может относиться и к палеонтологическим материалам, при рассмотрении которых Бинфорд отмечал высокую степень вариабельности среди базовых стоянок (резиденций) [Binford, 1978, p. 487].

Именно синтез разноплановых данных, учет реконструируемых поведенческих стратегий (в отношении Трёх Скал – сырьевые стратегии) позволяют нам говорить о полифункциональной хозяйственной активности на местонахождении Три Скалы.

Заключение

Таким образом, результаты поэтапного и дискретного анализа различных элементов, составляющих геoarхеологический объект Три Скалы, могут стать основой противоречивых выводов: место забоя промысловых животных и первичной разделки туш; стоянка-мастерская, ориентированная на первичное расщепление каменного сырья; базовый лагерь охотников-собирателей.

С позиции рассмотрения Трёх Скал как стоянки-мастерской следует учесть, что она не связана непосредственно с массовым проявлением каменного сырья, с опорой на которое мог бы формироваться такой тип местонахождения. Сырьё имеется в окрестностях стоянки, но оно рассеяно по долине. Кроме этого, сюда транспортировалось сырьё, вероятнее всего, с берега Хилка, а это в 4,5 км от местонахождения. Всё это позволяет считать, что наличие сырья в окрестностях не стало основным критерием при выборе места для стоянки.

Древняя стоянка не была ориентирована исключительно на охотничью деятельность, об этом свидетельствуют различные категории каменного инвентаря, подразумевающие разнообразную функциональную нагрузку. Анализ остеологической части коллекции не дает однозначного ответа по вопросу о характеристике типа местонахождения. Вероятнее всего, на раскопанном участке выявлена периферия зоны выброса костей животных, в том числе кухонных отходов. Кости из менее ценных в пищевом отношении частей туш выбрасывались целыми или разбитыми на крупные фрагменты. Подвеска из камня, а также фрагменты скорлупы яйца страуса свидетельствуют о наличии неутилитарной деятельности на памятнике.

Вся совокупность данных свидетельствует о разноплановой хозяйственной активности на этой стоянке в эпоху верхнего палеолита, что и позволяет верхнепалеолитические горизонты Трёх Скал рассматривать как базовый, периодически возобновляемый охотничий лагерь

с полным циклом обработки камня и производства орудий и свидетельствами неутилитарной деятельности.

Список литературы

- Антонова Ю. Е., Ташак В. И.** Геоархеологический объект Три Скалы: первые результаты хронологических исследований // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018а. № 7. С. 180–186.
- Антонова Ю. Е., Ташак В. И.** Сырьевой состав каменной индустрии палеолитических слоев стоянки Три Скалы (Западное Забайкалье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018б. Т. 1. С. 13–15.
- Зоткина Л. В., Павленок Г. Д., Ташак В. И.** Технология производства бусин из скорлупы яиц страуса в финальном палеолите Западного Забайкалья // *Stratum Plus*. 2018. № 1. С. 181–198.
- Клементьев А. М.** Ландшафты бассейна реки Уды (Забайкалье) в позднем неоплейстоцене (по фауне крупных млекопитающих): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2011. 18 с.
- Константинов М. В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ: ИОН БНЦ СО РАН; Чита: ЧГПИ, 1994. 179 с.
- Лбова Л. В.** Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.
- Лбова Л. В., Рыбин Е. П., Клементьев А. М.** Характер поселений и использование каменного сырья в ранней поре верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам стоянок Каменка и Хотык) // С. Н. Бибииков и первобытная археология. СПб.: ИИМК РАН, 2009. С. 240–253.
- Ташак В. И.** Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2016. 175 с.
- Ташак В. И., Антонова Ю. Е.** Три Скалы – новое археологическое местонахождение в Западном Забайкалье (предварительное сообщение) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. № 5. С. 145–152.
- Antonova Yu. E., Tashak V. I., Kobylkin D. V.** Palaeoenvironmental and hunting activity of the Upper Palaeolithic population in Western Transbaikalia: A case study on the Podzvonkaya Settlement, South Siberia. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2020, vol. 30, pp. 131–144.
- Barkai R., Rosell J., Blasco R., Gopher A.** Fire for a Reason: Barbecue at Middle Pleistocene Qesem Cave, Israel. *Current Anthropology*, 2017, vol. 58 (S16), pp. S314–S328.
- Bicho N., Cascalheira J.** Use of Lithic Assemblages for the Definition of Short-Term Occupations in Hunter-Gatherer Prehistory. In: Short-Term Occupations in Paleolithic Archaeology. Interdisciplinary Contributions to Archaeology. Springer, Cham, 2020, pp. 19–38. DOI 10.1007/978-3-030-27403-0_2
- Binford L. R.** *Nunamiut ethnoarchaeology*. New York, Academic Press, 1978, 509 p.
- Binford L. R.** *Bones: Ancient Men and Modern Myths*. New York, Academic Press, 1981, 320 p.
- Biondi V. Sh.** Palaeolithic and Mesolithic kill-butcher sites: the hard evidence. *Anthropologie et Préhistoire*, 2000, no. 111, pp. 327–334.
- Bronk Ramsey C.** Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 2009, no. 51 (1), pp. 337–360.
- Fitzhugh B.** Residential and Logistical Strategies in the Evolution of Complex Hunter-Gatherers on the Kodiak Archipelago. In: Beyond Foraging and Collecting. Fundamental Issues in Archaeology. Boston, Springer, 2002, pp. 257–304.

- Hoffecker J., Kuzmina I. E., Syromyatnikova E., Anikovich M. V., Sinitsyn A., Popov V. V., Holliday V.** Evidence for kill-butchery events of early Upper Paleolithic age at Kostenki, Russia. *Journal of Archaeological Science*, 2010, vol. 37, pp. 1073–1089.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C. et al.** The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 2020, no. 62 (4), pp. 725–757.
- Shipman P., Foster G., Schoeninger M.** Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage. *Journal of Archaeological Science*, 1984, vol. 11 (4), pp. 307–325.
- Vaquero M.** Neandertal behavior and temporal resolution of archeological assemblages. In: *High Resolution Archaeology and Neanderthal Behavior: Time and Space in level J in Abric Romaní (Capellades, Spain)*. Netherlands, Springer, 2012, pp. 1–16.
- Vasiliev S. G., Rybin E. P.** Tolbaga: Upper Paleolithic Settlement Patterns in the Trans-Baikal Region. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2009, no. 37 (4), pp. 13–34.

Reference

- Antonova Yu. E., Tashak V. I.** Geoarkheologicheskii ob'ekt Tri Skaly: pervye rezul'taty khronologicheskikh issledovaniï [Geoarcheological object Tri Skaly: the first results of chronological studies]. *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoeology, Cultures*, 2018, no. 7, pp. 290–297. (in Russ.)
- Antonova Yu. E., Tashak V. I.** Syr'evoy sostav kamennoj industrii paleoliticheskikh sloev stoyanki Tri Skaly (Zapadnoe Zabaykal'e) [Raw Material of Stone Industry in Palaeolithic Layers at the Tri Skaly Site (Western Transbaikalia)]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2018, vol. 1, pp. 13–15. (in Russ.)
- Antonova Yu. E., Tashak V. I., Kobylkin D. V.** Palaeoenvironmental and hunting activity of the Upper Palaeolithic population in Western Transbaikalia: A case study on the Podzvonkaya Settlement, South Siberia. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2020, vol. 30, pp. 131–144.
- Barkai R., Rosell J., Blasco R., Gopher A.** Fire for a Reason: Barbecue at Middle Pleistocene Qesem Cave, Israel. *Current Anthropology*, 2017, vol. 58 (S16), pp. S314–S328.
- Bicho N., Cascallheira J.** Use of Lithic Assemblages for the Definition of Short-Term Occupations in Hunter-Gatherer Prehistory. In: *Short-Term Occupations in Paleolithic Archaeology. Interdisciplinary Contributions to Archaeology*. Springer, Cham, 2020, pp. 19–38. DOI 10.1007/978-3-030-27403-0_2
- Binford L. R.** *Bones: Ancient Men and Modern Myths*. New York, Academic Press, 1981, 320 p.
- Binford L. R.** *Nunamiut ethnoarchaeology*. New York, Academic Press, 1978, 509 p.
- Biondi V. Sh.** Palaeolithic and Mesolithic kill-butchering sites: the hard evidence. *Anthropologie et Préhistoire*, 2000, no. 111, pp. 327–334.
- Bronk Ramsey C.** Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 2009, no. 51 (1), pp. 337–360.
- Fitzhugh B.** Residential and Logistical Strategies in the Evolution of Complex Hunter-Gatherers on the Kodiak Archipelago. In: *Beyond Foraging and Collecting. Fundamental Issues in Archaeology*. Boston, Springer, 2002, pp. 257–304.
- Hoffecker J., Kuzmina I. E., Syromyatnikova E., Anikovich M. V., Sinitsyn A., Popov V. V., Holliday V.** Evidence for kill-butchery events of early Upper Paleolithic age at Kostenki, Russia. *Journal of Archaeological Science*, 2010, vol. 37, pp. 1073–1089.
- Klementiev A. M.** Landshafty basseyna reki Udy (Zabaykal'e) v pozdnem neopleystotsene (po faune krupnykh mlekopitayushchikh) [Landscapes of the Uda River (Transbaikalia) in the Late Pleistocene (on the fauna of large mammals)]. *Cand. Geogr. Sci. Syn. Diss.* Irkutsk, 2011, 18 p. (in Russ.)

- Konstantinov M. V.** Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikalskoi Azii [The Stone Age of the Eastern region of Baikal Asia]. Ulan-Ude, Buryat scientific center SB RAS Publ.; Chita, ChSPU Press, 1994, 179 p. (in Russ.)
- Lbova L. V.** Paleolit severnoi zony Zapadnogo Zabaikaliya [Paleolithic of the Northern Part of Western Transbaikalia]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, 240 p. (in Russ.)
- Lbova L. V., Rybin E. P., Klementiev A. M.** Kharakter poselenii i ispol'zovanie kamennogo syr'ya v rannei pore Verkhnego paleolita Zapadnogo Zabaikal'ya (po materialam stoyanok Kamenka i Khotyk) [The Nature of the Settlements and the Use of Stone Raw Materials in the Early Period of the Upper Paleolithic of the Western Transbaikalia (according to the materials of the Kamenka and Khotyk sites)]. In: S. N. Bibikov i pervobytnaya arkheologiya [S. N. Bibikov and Primitive Archaeology]. St. Petersburg, IIMC RAS, 2009, pp. 240–253 (in Russ.)
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C. et al.** The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 2020, no. 62 (4), pp. 725–757.
- Shipman P., Foster G., Schoeninger M.** Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage. *Journal of Archaeological Science*, 1984, vol. 11 (4), pp. 307–325.
- Tashak V. I.** Vostochnyi kompleks paleoliticheskogo poseleniya Podzvonkaya v Zapadnom Zabaykalie [East Complex of Paleolithic Settlement Podzvonkaya in the Western Transbaikalia Region]. Irkutsk, V. B. Sochava IG SB RAS Publ., 2016, 175 p. (in Russ.)
- Tashak V. I., Antonova Yu. E.** Tri Skaly – novoe arkheologicheskoe mestonakhozhdenie v Zapadnom Zabaikal'e (predvaritel'noe soobshchenie) [Tri Skaly – a new archaeological location in Western Transbaikalia (preliminary report)]. *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures*, 2016, no. 5, pp. 145–152. (in Russ.)
- Vaquero M.** Neandertal behavior and temporal resolution of archeological assemblages. In: High Resolution Archaeology and Neandertal Behavior: Time and Space in level J in Abric Romaní (Capellades, Spain). Netherlands, Springer, 2012, pp. 1–16.
- Vasiliev S. G., Rybin E. P.** Tolbaga: Upper Paleolithic Settlement Patterns in the Trans-Baikal Region. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2009, no. 37 (4), pp. 13–34.
- Zotkina L. V., Pavlenok G. D., Tashak V. I.** Tekhnologiya proizvodstva busin iz skorlupy yaits strausa v final'nom paleolite Zapadnogo Zabaikal'ya [Technology of ostrich eggshell bead production in the final Palaeolithic of Western Transbaikalia]. *Stratum Plus*, 2018, no. 1, pp. 181–198. (in Russ.)

Информация об авторах

Юлия Евгеньевна Антонова, младший научный сотрудник

Василий Иванович Ташак, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Алексей Михайлович Клементьев, кандидат географических наук, научный сотрудник

Information about the Authors

Yuliya E. Antonova, Junior Researcher

Vasiliy I. Tashak, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher

Aleksey M. Klementiev, Candidate of Sciences (Geography), Researcher

Статья поступила в редакцию 15.02.2021;

одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021

The article was submitted 15.02.2021;

approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021

Обзорная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-44-59

Костяные игольники верхнего палеолита Сибири: обзор данных

Александр Юрьевич Федорченко¹

Наталья Евгеньевна Белоусова² ✉

Максим Борисович Козликин³

Михаил Васильевич Шуньков⁴

¹⁻⁴ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ winteralex2008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

² consacrer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

³ kmb777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

⁴ shunkov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Аннотация

Игольники относят к категории костяного инструментария «пассивного характера», служившего для хранения тонких костяных орудий типа игл или шильев. Являясь значимым элементом технологии пошива сложной одежды, игольники наряду с иглами выступают маркером технологических инноваций, распространение которых в верхнем палеолите способствовало активному заселению человеком территории Северной Евразии. Задачи настоящего исследования состояли в анализе и систематизации опубликованных и архивных данных по верхнепалеолитическим игольникам Сибирского региона, обобщении имеющихся сведений по проблемам интерпретации данной категории швейного инструментария, их археологического, технологического и культурно-хронологического контекстов. Костяные игольники сибирских стоянок, разделенные сотнями и тысячами километров, показывают заметное сходство в размерах, морфологии, технологии производства и способах орнаментации. Впервые появляясь в раннем верхнем палеолите, они редки на сибирских стоянках и далеко не всегда сопутствуют даже массовым находкам игл.

Ключевые слова

Сибирь, Алтай, верхний палеолит, игольники, иглы с ушком, швейные технологии

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность»

Для цитирования

Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Козликин М. Б., Шуньков М. В. Костяные игольники верхнего палеолита Сибири: обзор данных // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 44–59. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-44-59

© Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Козликин М. Б., Шуньков М. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 44–59

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 44–59

The Upper Palaeolithic Bone Needle Cases of Siberia: An Overview

Alexander Yu. Fedorchenko¹, Natalia E. Belousova² ✉
Maxim B. Kozlikin³, Michael V. Shunkov⁴

¹⁻⁴ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ winteralex2008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

² consacrer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

³ kmb777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>

⁴ shunkov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1388-2308>

Abstract

Purpose. Needle cases belong to “passive” bone tools, which store thin bone tools such as eyed needles or awls. Being an essential element of the technology of sewing complex clothing, needle cases and needles act as a marker of technological innovations, the spread of which in the Upper Palaeolithic contributed to the active population of the territory of Northern Eurasia. This study's objectives were to analyse and systematise published and archived data on the Upper Palaeolithic needle cases of Siberia and generalise the available information on the problems of interpreting the considered category of sewing kits, their archaeological, technological, cultural and chronological contexts.

Results. The study results clearly show that the finds of bone needle cases have been identified and analysed in the materials of a minimal number of archaeological sites with different chronologies and associated with several cultural generations of the Upper Palaeolithic. Bone needle cases of Siberian sites, separated by hundreds and thousands of kilometres, show noticeable similarities in size, morphology, production technology, and ornamentation methods.

Conclusion. Appearing for the first time in the Early Upper Palaeolithic, they are rare in Siberian sites and do not always accompany even mass finds of needles.

Keywords

Siberia, Altai, The Upper Palaeolithic, needle cases, eyed needles, sewing technology

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-78-10125 “The dynamics of cultural development and human colonization of Altai at the onset of the Upper Paleolithic: life support strategies, paleotechnologies, mobility”

For citation

Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Kozlikin M. B., Shunkov M. V. The Upper Palaeolithic Bone Needle Cases of Siberia: An Overview. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 44–59. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-44-59

Введение

Изобретение костяной иглы с ушком стало одной из важнейших технологических инноваций, способствовавших относительно быстрому заселению человеком территории Северной Евразии в условиях ледниковой эпохи [Деревянко и др., 2016; Питулько, Павлова, 2019]. Наряду с иглами, шильями и проколками одним из значимых элементов верхнепалеолитического швейного инструментария выступали игольники – изделия в виде полых трубочек удлиненной формы, которые использовались для хранения игл и других мелких предметов [Averbouh, 1993]. Подобная интерпретация игольников традиционно основывается на примерах совместного обнаружения этих артефактов в едином контексте с иглами и шильями. Находки игольников с иглами внутри сравнительно редки для памятников верхнего палеолита Евразии [Поликарпович, 1968; Питулько, Павлова, 2019], однако отчетливо фиксируются в материалах мезолита [Ошибкина, 2017], неолита [Дьяконов, 2012; Бердникова, Воробьева, 2012; Гусев, 2014] и более поздних эпох [Бородовский, 1997]. В европейской франко- и англоязычной историографии для наименования полых изделий из трубчатых костей с одним или двумя усеченными концами зачастую используется функционально нейтральный термин

«трубки» или «трубочки» [Averbouh, 1993]. Помимо игольников, в эту группу включают украшения [Синицын, 2016; Shunkov et al., 2020], музыкальные инструменты [Münzel et al., 2002; Кожевникова и др., 2011], рукояти [Семенов, 1950; Barge-Mahieu et al., 1993], контейнеры для охры [Lerooy-Prost, 1979].

В последние годы заметен возросший интерес исследователей к проблематике швейных технологий палеолитической эпохи [d'Errico et al., 2018; Питулько, Павлова, 2019; Федорченко, Белоусова, 2021]. Анализу верхнепалеолитических «трубочек» и «пронизок» уделяется внимание в работах по фоноинструментам каменного века Евразии [Лбова, Кожевникова, 2016, с. 69–78, 162–165]. Кратко вопросы интерпретации подобных изделий, происходящих, в частности, с Алтая и Забайкалья, обсуждаются в работе Д. Райта с соавторами [Wright et al., 2014]. Серия публикаций посвящена изучению игольников со стоянок каменного века Восточной Сибири [Кириллин, Пеньков, 1999; Дьяконов, 2012; Питулько, Павлова, 2019]. Однако коллекция игольников, известных в верхнем палеолите Сибирского региона, гораздо шире и не исчерпывается находками, которые фигурируют в упомянутых работах.

Цель данного исследования заключалась в обобщении имеющихся сведений относительно проблем интерпретации известных верхнепалеолитических игольников Сибири, их археологического, технологического и культурно-хронологического контекстов.

Материалы и методы исследования

Материалами для исследования послужили опубликованные и архивные источники, содержащие сведения об игольниках и сопутствующих категориях костяных артефактов, происходящих из верхнепалеолитических памятников Алтая (Денисова пещера), Енисея (Новоселово VII), Забайкалья (Варварина гора), Средней Лены (пещера Хайыргас), Яно-Инди-гирской низменности (Янская стоянка) и Камчатки (Ушки I) ¹. Нами учитывались опубликованные данные экспериментального моделирования и технологического анализа полых изделий из трубчатой кости верхнего палеолита Евразии (рис. 1). Также в работе мы опирались на собственный опыт технологических и трасологических исследований сибирских палеолитических артефактов из кости.

Результаты исследования

Наиболее ранние примеры использования костяных игл с ушком в качестве специализированных инструментов для пошива теплой одежды отмечаются на территории Евразии в эпоху MIS 3 [d'Errico et al., 2018]. Большинство известных игл этого времени представлены единичными находками и малыми сериями, возраст которых редко превышает 40 000 кал. лет. Статус наиболее древних изделий оспаривают находки из нескольких регионов. На роль древнейших претендуют иглы Мезмайской пещеры на Кавказе, где подобным изделиям сопутствует уникальный в своем роде орнаментированный игольник [Голованова, 2017]. В Сибири иглы каргинского времени известны на Алтае [Деревянко и др., 2016], в Забайкалье [Константинов, 1994] и в Яно-Инди-гирской низменности [Питулько, Павлова, 2019]. Для каждого из этих регионов отмечены и достаточно ранние находки изделий, интерпретируемых как игольники.

В современной историографии именно Алтай нередко рассматривается в качестве ключевого региона при обсуждении проблем возникновения и распространения верхнепалеолитических швейных технологий [d'Errico et al., 2018; Федорченко, Белоусова, 2021]. Особое место в таких дискуссиях отводится Денисовой пещере, в материалах которой выявлена

¹ Авторы выражают благодарность Р. М. Харитонову, выполнившему графическую прорисовку анализируемых в данной работе игольников.

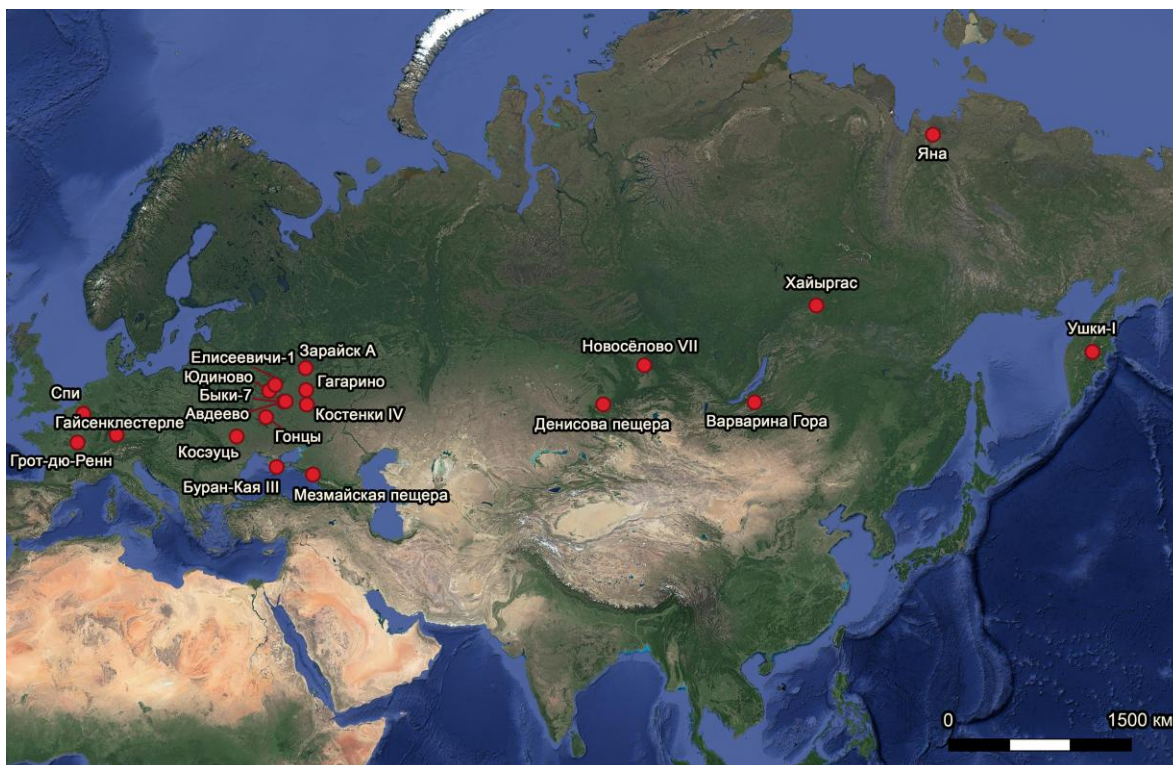

Рис. 1. Расположение палеолитических памятников, упоминаемых в работе
Fig. 1. Location of the Palaeolithic sites mentioned in the article

выразительная и очень древняя серия игл, шильев и проколов из кости. Швейный инструментарий стоянки дополняют два фрагмента игольников, обнаруженные в литологическом слое 11 центрального зала [Шуников и др., 2016]. Имеющиеся AMS-определения позволяют датировать находки в диапазоне от 42 900 до 32 150 некал. л. н. [Douka et al., 2019]. Один игольник (рис. 2, 1) был выполнен из кости млекопитающего размера косули *Capreolus pygargus*. Фрагмент подпрямоугольной формы ($37,7 \times 14,8 \times 7,1$ мм) обладает прямым профилем и вогнуто-выпуклым сечением. На одном конце артефакта отмечены следы кругового резания, внешняя поверхность предмета украшена орнаментом в виде удлиненных поперечных параллельных и частично замкнутых линий с V-образным профилем. Другой игольник ($31,7 \times 16,3 \times 4,2$ мм) не имеет орнамента и выполнен из кости крупной птицы, размера глухаря, *Tetrao urogallus*; форма, поперечное сечение и характер обработки орудия в целом аналогичны предыдущему. Оба изделия продольно и поперечно фрагментированы. Реконструируемые параметры игольников, главным образом диаметр окружности и минимальная длина, позволяют говорить о более крупных, в сравнении с пронизками Денисовой пещеры, исходных размерах этих артефактов. Обнаружение в едином контексте с упомянутыми предметами нескольких игл, включая целый экземпляр [Деревянко и др., 2016], может являться дополнительным аргументом в пользу их интерпретации в качестве футляров.

Наиболее поздние верхнепалеолитические свидетельства использования игл с ушком на Алтае отмечены в позднеплейстоценовых отложениях слоев 10–11 пещеры Каминная [Деревянко, Гричан, 1990]. В раннеголоценовых комплексах данного памятника иглы фиксируются в едином контексте с орнаментированными игольниками [Ефремов, 2006].

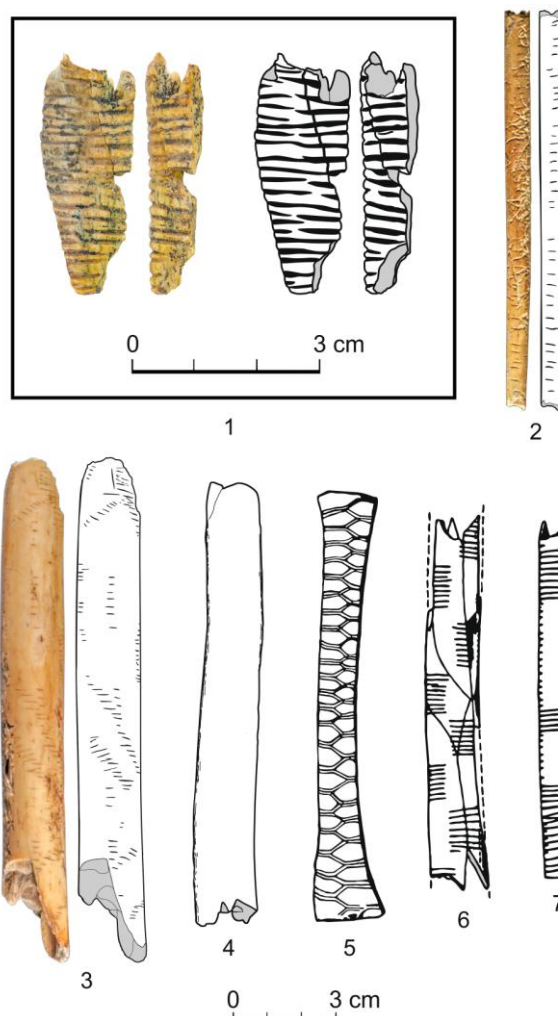

Рис. 2. Костяные игольники верхнего палеолита (1–4) и мезолита (5–7) Сибири (2 – по: [Питулько, Павлова, 2019, рис. 5]; 3 – по: [Питулько и др., 2012, рис. 13]; 4 – по: [Окладников, 1978, рис. 58]; 5–7 – по: [Степанов и др., 2003, рис. 5])

Fig. 2. The Upper Palaeolithic (1–4) and Mesolithic (5–7) bone needle cases of Siberia (2 – by: [Pitulko, Pavlova, 2019, fig. 5]; 3 – by: [Pitulko et al., 2012, fig. 13]; 4 – by: [Okladnikov, 1978, fig. 58]; 5–7 – by: [Stepanov et al., 2003, fig. 5])

Типологически близок к комплексам алтайских стоянок костяной инструментарий енисейских памятников Сабаниха и Куртак-4, где выявлены наиболее ранние для данного региона специализированные орудия для пошива сложной одежды – шилья и иглы с ушком, возраст которых может составлять от 27 700 до 20 700 некал. л. [Лисицын, 2000]. Полые изделия из трубчатой кости, которые могли бы рассматриваться в качестве игольников, на памятниках Енисея достаточно редки. Похожие предметы встречаются в материалах афонтовской и кокоревакской культур заключительной стадии верхнего палеолита. В коллекции стоянки Новоселово VII описан фрагмент крупного орудия ($19 \times 13 \times 14$ мм) из диафиза трубчатой кости млекопитающего, сохранившего участок с концентрическими следами от пиления [Абрамова, 1979б, с. 161, рис. 68, 6]. Серия более мелких полых изделий цилиндрической формы, в том числе украшенных короткими круговыми нарезками, выявлена на памятниках Афонтова гора II и Кокорево II, однако, согласно интерпретации авторов, артефак-

ты тяготеют к категории пронизок [Абрамова, 1979а, с. 85, табл. XXIV: 2–6]. В каждом из отмеченных комплексов полым изделиям из трубчатой кости сопутствуют иглы с ушком.

Одни из древнейших в Сибири наборы швейных инструментов выявлены на памятниках начала верхнего палеолита в Забайкалье [Федорченко, Белоусова, 2021]. В коллекции стоянки Варварина гора присутствует одно изделие в виде трубки (рис. 2, 3), рассматриваемое как игольник (Окладников, 1978, с. 18, 107, рис. 58). Данный предмет (135 × 15–17 мм) выполнен из диафиза голени волка, его концы поперечно фрагментированы ударом каменного отбойника. Признаки усеечения резанием или пилением отсутствуют. Характер следов модификации позволяет предположить, что освобождение диафиза кости в данном случае могло быть направлено на извлечение костного мозга. Подобный прием достаточно распространен для материалов Варваринной горы (Окладников, 1978, с. 117, 119, 120), поэтому атрибуция указанного артефакта в качестве игольника требует дополнительного подтверждения. Артефакты из трубчатой кости, зафиксированные на стоянке Каменка-А и рассматриваемые в качестве свистков [Кожевникова и др., 2011], могут являться бусинами-пронизками – с точки зрения технологии производства и характера износа они аналогичны пронизкам из Денисовой пещеры [Shunkov et al., 2020].

Имеющиеся археологические данные указывают на то, что одни из наиболее массовых в Евразии серий верхнепалеолитических инструментов для пошива теплой одежды, включая иглы и игольники, происходят с территории Северо-Восточной Азии [Степанов и др., 2003; Питулько и др., 2012]. Крупнейшая в Сибири коллекция артефактов подобного рода выявлена на Янской стоянке, ее возраст составляет 28 500–27 200 некал. л. [Питулько и др., 2012]. Иглы и шилья этого комплекса выполнены из кости крупных млекопитающих и бивня мамонта с использованием техник строгания и шлифовки, сверления и полировки; серия орудий украшена короткими штрихами или точками [Питулько, Павлова, 2019]. Обширную коллекцию швейного инструментария дополняют четыре игольника из трубчатых костей млекопитающих. Авторами раскопок отмечается, что один артефакт (рис. 2, 2), украшенный линиями из коротких нарезок, был зафиксирован совместно с целой орнаментированной иглой [Там же, с. 168–169, рис. 5]. Другое изделие (рис. 2, 3), выполненное из кости волка, имеет спиральный орнамент из коротких тонких штрихов, образующих узкую ленту [Питулько и др., 2012, с. 63]. Пространственный анализ позволил установить, что игольники залегали в контексте культурного слоя совместно с иглами и шильями, что может указывать на параллельное использование этих орудий в процессе работы [Питулько, Павлова, 2019, с. 52].

Единичные игольники присутствуют в комплексах сартанского времени Северо-Восточной Азии. В слоях 6 и 5 (16 000–13 150 некал. л. н.) пещеры Хайыргас на Средней Лене наряду с шильями и иглами было выявлено два фрагментированных игольника [Степанов и др., 2003]; один из артефактов украшен параллельными насечками [Дьяконов, 2012]. Семь игольников (рис. 2, 5–7) было получено из раннеголоценового слоя 4 данного памятника; артефакты украшают концентрические нарезки, ряды коротких насечек, а также Y-образный геометрический орнамент [Кириллин, Пеньков, 1999; Степанов и др., 2003]. Один фрагмент игольника из трубчатой кости крупной птицы был выявлен в слое VI памятника Ушки I на Камчатке (Диков, 1987, с. 17). Изделие зафиксировано при исследовании углубленного жилища в составе заполнителя очага. Возраст находки составляет около 10 860–10 040 некал. л.

Обсуждение

Наиболее ранние игольники Северной Азии находят аналогии в широком контексте евразийского верхнего палеолита. К западу от Сибири древнейшие находки простых и орнаментированных изделий из крупных полых костей отмечены в материалах пещерных памятников Грот-дю-Ренн во Франции [d’Errico et al., 1998], Спи в Бельгии [Wright et al., 2014],

Гайсенклёстерле в Германии [Teyssandier, Liolios, 2003], Буран-Кая III в Крыму [Laroulandie, d'Erriço, 2004] и Мезмайская на Кавказе [Голованова, 2017]. В последнем случае один из игольников обнаружен в контексте с иглами (рис. 3, 1). Его возраст оценивается в пределах 33 000–32 000 некал. л.

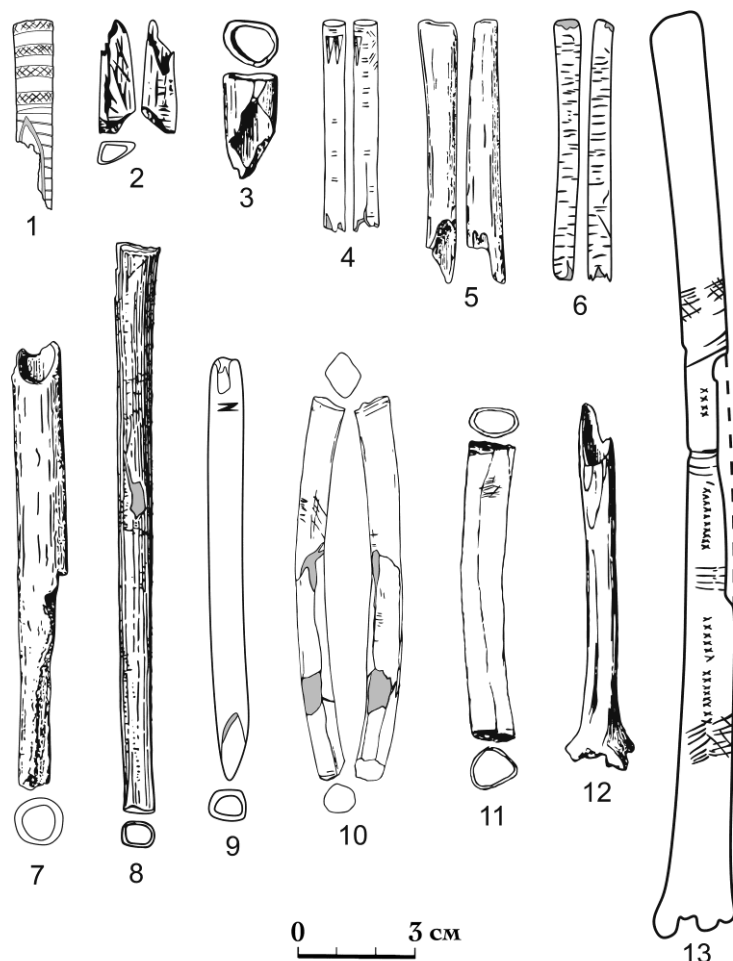

Рис. 3. Верхнепалеолитические костяные игольники Кавказа (1) и Восточной Европы (2–13):

1 – пещера Мезмайская (по: Голованова, 2017, рис. 2); 2 – Быки-7 (по: [Ахметгалева, 2015, рис. 24]); 3, 12 – Костенки IV, нижний культурный горизонт (по: [Рогачев, 1955, табл. XLVIII]); 4, 8 – Гагарино (по: [Тарасов, 1979, рис. 56–57]); 5, 7 – Костенки IV, верхний культурный горизонт (по: [Рогачев, 1955, табл. XLVIII]); 6, 9 – Косзуй (по: [Коваленко, Кройтор, 2016, рис. 4]); 10 – Зарайск-А (по: [Амирханов и др., 2009, рис. 5]); 11 – Гонцы (по: [Ахметгалева и др., 2014, рис. 4]); 13 – Авдеево (по: [Абрамова, 1962, табл. XXX]).

Fig. 3. The Upper Palaeolithic bone cases of the Caucasus (1) and Eastern Europe (2–13):

1 – Mezmaiskaya Cave (by: [Golovanova, 2017, fig. 2]); 2 – Byki-7 (by: [Akhmetgaleeva, 2015, fig. 24]); 3, 12 – Kostenki IV, lower cultural horizon (by: [Rogachev, 1955, pl. XLVIII]); 4, 8 – Gagarino (by [Tarasov, 1979, fig. 56–57]); 5, 7 – Kostenki IV, upper cultural horizon (by: [Rogachev, 1955, pl. XLVIII]); 6, 9 – Koseuts (by: [Kovalenko, Kroytor, 2016, fig. 4]); 10 – Zaraysk-A (by: [Amirkhanov et al., 2009, fig. 5]); 11 – Gontsy (by: [Akhmetgaleeva et al., 2014, fig. 4]); 13 – Avdeev (by: [Abramova, 1962, pl. XXX])

На территории Восточной Европы одна из крупнейших коллекций игольников выявлена на стоянке Авдеево – свыше 56 изделий, выполненных преимущественно из кости птиц, реже – волка; 14 предметов найдены целыми, 23 украшены орнаментом [Булочникова, 2011]. На одном игольнике (рис. 3, 13) присутствует композиция из симметрично расположенных черточек, рядов крестиков и косых клеток [Абрамова, 1962, с. 33]. Этот артефакт также рассматривался в качестве флейты [Гвоздовер, 1953]. Изделия схожей морфологии отмечены в других граветтийских комплексах региона. В коллекции стоянки Зарайск А выявлено четыре игольника (рис. 3, 10), изготовленных из диафизов трубчатых костей крупных птиц путем пиления / резания [Амирханов и др., 2009, с. 200, 231–232]. На стоянке Гагарино обнаружен игольник с орнаментом из треугольников и коротких парных нарезок (рис. 3, 4) [Абрамова, 1962, с. 29]. В коллекции данного памятника также выявлено изделие (рис. 3, 8) с обрезанными эпифизами и отверстием в медиальной части, его рассматривают в качестве манка или свирели [Тарасов, 1979, с. 110–111]. Небольшая коллекция трубочек известна на стоянке Костенки IV: фрагмент игольника из кости крупной птицы и целый артефакт из кости зайца со следами резания и заполировки – в материалах нижнего слоя (рис. 3, 3, 12), два орудия из кости птицы и песка с признаками заглаженности на срезанных краях – в верхнем культурном горизонте [Рогачев, 1955, с. 84, табл. XXVI: 6, 9; 148, табл. XXVI: 14, 15]. Во всех упомянутых выше комплексах игольникам сопутствуют иглы. Их возраст составляет около 23 000–20 000 некал. л.

В материалах поздней стадии верхнего палеолита Восточной Европы также известны находки простых и орнаментированных игольников. На стоянке Косэуць зафиксировано четыре изделия (рис. 3, 6, 9), изготовленных из диафизов трубчатых костей птиц и мелких млекопитающих путем преднамеренного усечения; два предмета украшены короткими поперечными нарезками [Коваленко, Кройтор, 2016]. Одна из наиболее многочисленных коллекций полых предметов из трубчатой кости этого времени отмечена на памятнике Юдиново [Григорьева, 2001–2002]. Здесь выявлено 61 полое изделие из кости песка, которые рассматриваются в качестве игольников или пронизок. Единичные орнаментированные игольники выявлены в материалах стоянок Быки-7 (рис. 3, 2) и Гонцы (рис. 3, 11) [Ахметгалеева, 2015, с. 161; Ахметгалеева и др., 2014]. Аналогично памятникам предшествующей эпохи во всех обсуждаемых случаях игольники составляют единый комплекс с иглами и другим швейным инструментарием. В верхнем палеолите Русской равнины известна пока лишь одна находка футляра из трубчатой кости с иглой внутри – это коллекция стоянки Елисеевичи-1 [Поликарпович, 1968, с. 110].

Для изготовления известных верхнепалеолитических костяных игольников Сибири и Восточной Европы применялся устойчивый набор приемов. Операционная последовательность производства являлась относительно короткой и состояла из нескольких этапов. Заготовками игольников выступали трубчатые кости промысловых млекопитающих и крупных птиц. Начальная стадия изготовления предполагала освобождение диафиза кости. Имеющиеся данные позволяют судить об использовании двух основных приемов для реализации этой задачи. Первый и наиболее распространенный предполагал глубокое круговое пиление / резание свежей кости с последующим удалением эпифизов путем слома в руках оператора; второй – фрагментация кости ударным способом, – доподлинно фиксируется в археологической летописи значительно реже. При использовании первого способа на последующей стадии производства нередко осуществлялось выравнивание краев полученных изделий подрезанием или строганием. Финальный этап предполагал нанесение орнамента в виде рядов коротких и более длинных параллельных насечек, реже – V-образных линий, крестиков или клеток. Подобные геометрические узоры на верхнепалеолитических инструментах нередко рассматриваются в качестве знаков собственности или своеобразной линейной разметки, используемой при пошиве одежды [Питулько, Павлова, 2019], а также стилистической имитации швейных швов [Демещенко, 2006].

Результаты трасологических исследований игольников каменного века Евразии показывают, что подобные артефакты могут не иметь диагностических следов утилизации [Кунгурова и др., 2008; Ахметгалеева, 2015, с. 161] или же располагать признаками заглаженности и залощенности от контакта с одеждой или кожей человека [Алексашенко, 2002]. Такой тип износа не является специфическим и часто фиксируется на пронизках [Shunkov et al., 2020] и так называемых свистках [Кожевникова и др., 2011], что нередко затрудняет корректную идентификацию последних. Определенные сведения о способах употребления игольников могут быть получены из этнографических данных по народам Сибири и Северной Америки. Исследователями описаны два наиболее распространенных способа употребления костяных трубочек в качестве футляров для хранения игл. Первый основывался на использовании совместно с затычками из дерева, бересты и других материалов. Второй способ предполагал накалывание игл на длинную полоску кожи, которая, в свою очередь, продевалась через трубочку [Окладников, 1950, с. 276; 1955, с. 134–136; Гусев, 2017]. «Архетипичность» морфологии игольников вкупе с относительной простотой их использования позволяют предполагать, что этнографические сценарии могли быть вполне употребимы и в эпоху верхнего палеолита. Использование футляров из кости согласно второму сценарию должно было способствовать образованию на внутренних поверхностях этих изделий протяженных зон износа с признаками заполировки и стертости. Подобный характер утилизации может выступать одним из критериев идентификации трубочек в качестве игольников и их отличия от морфологически схожих музыкальных инструментов.

Заключение

В настоящий момент костяные игольники могут рассматриваться в качестве значимого, но при этом одного из наименее изученных элементов швейного инструментария верхнего палеолита. Результаты обзора данных по теме исследования указывают на то, что изделия этого типа на текущий момент выявлены и проанализированы в материалах довольно ограниченного числа сибирских памятников. Массовые находки игл с ушком и других инструментов из кости для пошива одежды в коллекциях верхнепалеолитических стоянок Сибири слабо коррелируют с немногочисленными экземплярами игольников; кроме того, эти категории зачастую не пересекаются в географическом отношении. Известные на сегодняшний день сибирские игольники имеют различные культурно-хронологические контексты. В качестве древнейших можно рассматривать единичные изделия раннего верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры на Алтае. Представительная коллекция, позволяющая уверенно интерпретировать находки рассматриваемого типа, зафиксирована в материалах Янской стоянки. На памятниках средней стадии верхнего палеолита Сибирского региона изделия для хранения швейных инструментов не выявлены. Редкие находки игольников отмечены в индустриях позднего верхнего палеолита на Енисее, Верхней Лене и Камчатке. В целом, опираясь на имеющиеся данные, можно отметить, что костяные игольники сибирских стоянок, разделенные сотнями и тысячами километров, свидетельствуют об универсальности сценариев их производства и демонстрируют заметное сходство в своей морфологии, размерах, способах орнаментации.

Список литературы

- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979а. 157 с.
Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979б. 200 с.
Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 86 с.
Алексашенко Н. А. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) // Уральский исторический вестник. 2002. № 8. С. 184–198.

- Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Лев С. Ю.** Обработанная кость стоянки Зарайск А // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф, 2009. С. 187–288.
- Ахметгалеева Н. Б.** Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта, 2015. 254 с.
- Ахметгалеева Н. Б., Сергин В. Я., Машенко Е. Н.** Обработанная кость из раскопок 1970–1980-х гг. поселения Гонцы (Украина, Полтавская область) // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 152–187.
- Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А.** Особенности многослойных геoarхеологических объектов в нижнем течении р. Белой (юг Байкальской Сибири) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2012. № 1. С. 54–72.
- Бородовский А. П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
- Булочникова Е. В.** Пространственное распределение обработанной кости и кости со следами использования стоянки Авдеево // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии. СПб.: Наука, 2011. С. 48–68.
- Гвоздовер М. Д.** Обработка кости и костяных изделий Авдеевской стоянки // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Вып. 39. С. 192–236.
- Голованова Л. В.** Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 169–184.
- Григорьева Г. В.** Каменные и костяные изделия верхнепалеолитического поселения Юдиново (исследования последних лет) // Stratum Plus. 2001–2002. № 1. С. 427–451.
- Гусев С. В.** Раскопки поселения Уненен на Восточной Чукотке (древнекиитобойная культура) в 2007–2014 гг. // Археология Арктики. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. Вып. 2. С. 205–212.
- Гусев Ан. В.** Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг. // Археология Арктики. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Вып. 4, т. 2. С. 4–103.
- Демещенко С. А.** Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры // РА. 2006. № 1. С. 5–16.
- Деревянко А. П., Гричан Ю. В.** Исследование пещеры Каминная: предварительные итоги раскопок в 1983–1988 гг. (Плейстоценовая толща). Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1990. 60 с.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Павленок Г. Д., Белоусова Н. Е.** Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок 2016 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 72–75.
- Дьяконов В. М.** Игольники и иглы в археологии Якутии: вопросы аналогий и феномен персистентности в культурном развитии // Седьмые Гродековские чтения. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2012. Вып. 3. С. 23–36.
- Ефремов С. А.** Предметы из кости эпохи неолита – энеолита пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 11, ч. 1. С. 137–140.
- Кириллин А. С., Пеньков А. В.** Неолитические игольники-календари Якутии // Молодая археология и этнология Сибири. XXXIX РАЭСК. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1999. Вып. 1. С. 101–104.
- Коваленко С., Кройтор Р.** Производственный и хозяйственный инвентарь из кости, рога и бивня с многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць // Revista Arheologică. Ser. noua. 2016, vol. 12, no. 1–2, pp. 283–295.

- Кожевникова Д. В., Лбова Л. В., Волков П. В.** Простейшие аэрофоны в комплексах раннего верхнего палеолита (материалы Забайкалья) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 5: Археология и этнография. С. 155–161.
- Константинов М. В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. 265 с.
- Кунгурова Н. Ю., Базалийский В. И., Вебер А. В.** Функции орудий из погребений могильника Шаманка II (предварительные результаты) // Изв. лаборатории древних технологий. 2008. № 1 (8). С. 57–64.
- Лбова Л. В., Кожевникова Д. В.** Формы знакового поведения в палеолите: музыкальная деятельность и фоноинструменты. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. 244 с.
- Лисицын Н. Ф.** Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 230 с.
- Окладников А. П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1 и 2. 411 с.; 1955. Ч. 3. 373 с.
- Ошибкина С. В.** Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М.: ИА РАН, 2017. 140 с.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю.** Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь // *Stratum Plus*. 2019. № 1. С. 157–224.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В.** Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. 2012. Вып. 2. С. 33–102.
- Поликарпович К. М.** Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968. 204 с.
- Рогачев А. Н.** Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 164 с.
- Семенов С. А.** Верхнепалеолитические костяные рукоятки // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 132–138.
- Синицын А. А.** Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. СПб.: Экстрапринт, 2016. С. 320–337.
- Степанов А. Д., Кириллин А. С., Воробьев С. А., Соловьева Е. Н., Ефимов Н. Н.** Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг.) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 98–113.
- Тарасов Л. М.** Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979. 168 с.
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.** Хронология и культурная атрибуция древнейших костяных игл верхнего палеолита Сибири // *Stratum Plus*. 2021. № 1. С. 217–257.
- Шуныков М. В., Федорченко А. Ю., Козликин М. Б., Белоусова Н. Е., Павленок Г. Д.** Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из Центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 23. С. 221–224.
- Averbouh A.** Fiches tubes et étuis. In: Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs. Treignes, CEDARC, 1993, pp. 99–113.
- Barge-Mahieu H., Beldiman C., Buisson D., Camps-Farber H., Choi S.-Y., Nandris J. G., Peltier A., Provenzano N., Ramseyer D.** Fiche générale manches. In: Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs. Treignes, CEDARC, 1993, pp. 23–97.
- d'Errico F., Doyon L., Zhang S., Baumann M., Lázníčková-Galetová M., Gao X., Chen F., Zhang Y.** The Origin and Evolution of Sewing Technologies in Eurasia and North America. *Journal of Human Evolution*, 2018, vol. 125, pp. 71–86.

- d'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J.** Neanderthal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and Its Interpretation. *Current Anthropology*, 1998, vol. 39, no. 1, pp. 1–44.
- Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Mafessoni F., Kozlikin M. B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R., Pääbo S., Kelso J., Higham T.** Age Estimates for Hominin Fossils and the Onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*, 2019, vol. 565, pp. 640–644.
- Laroulandie V., d'Errico F.** Worked Bones from Buran-Kaya III level C and their Taphonomic Context. In: *The Paleolithic of Crimea, III. The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea*. Liège, 2004, pp. 83–94.
- Leroy-Prost C.** L'industrie Osseuse Aurignacienne. Essai régional de classification: Poitou, Charentes, Périgord (suite). *Gallia Préhistoire*, 1979, vol. 22 (1), pp. 205–370.
- Münzel S., Seeberger F., Hein W.** The Geißenklösterle Flute – Discovery, Experiments, Reconstruction. In: *The Archaeology of Sound: Origin and Organisation*. Leidorf, Rahden / Westf., 2002, pp. 107–118.
- Shunkov M. V., Fedorchenko A. Yu., Kozlikin M. B., Derevianko A. P.** Initial Upper Palaeolithic Ornaments and Formal Bone Tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 47–67.
- Teyssandier N., Liolios D.** Defining the Earliest Aurignacian in the Swabian Alp: the Relevance of the Technological Study of the Geißenklösterle (Baden-Württemberg, Germany) Lithic and Organic Productions. In: *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisboa, Instituto Português de Arqueologia, 2003, vol. 33, pp. 179–197.
- Wright D., Nejman L., d'Errico F., Králík M., Wood R., Ivanov M., Hladilová S.** An Early Upper Palaeolithic Decorated Bone Tubular Rod from Pod Hradem Cave, Czech Republic. *Antiquity*, 2014, vol. 88, pp. 30–46.

Список источников

- Диков Н. Н.** Отчет о полевых исследованиях на Чукотке и Камчатке в 1986 г. Архив ИА РАН. 1987. Ф. 1. Р. 1. № 11389.
- Окладников А. П.** Научный отчет о раскопках палеолитического поселения на Варваринной горе (Бурятская АССР, Заиграевский район) в 1977 году. Архив ИАЭТ СО РАН. 1978. Ф. 1. № 49.

References

- Abramova Z. A.** Paleolit Eniseia. Afontovskaya kul'tura [Palaeolithic of the Yenisei River. The Afontovo Culture]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 157 p. (in Russ.)
- Abramova Z. A.** Paleolit Eniseia. Kokorevskaya kul'tura [Palaeolithic of the Yenisei River. The Kokorevo Culture]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 200 p. (in Russ.)
- Abramova Z. A.** Paleoliticheskoye iskusstvo na territorii SSSR [Palaeolithic Art in the USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1962, 86 p. (in Russ.)
- Akhmetgaleeva N. B.** Kamennyy vek Poseym'ya: verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Byki-7 [Stone Age of Poseymnia: The Upper Palaeolithic Site of Byki-7]. Kursk, Mechta Publ., 2015, 254 p. (in Russ.)
- Akhmetgaleeva N. B., Sergin V. Ya., Mashchenko E. N.** Obrabotannaya kost' iz raskopok 1970–1980-kh gg. poseleniya Gontsy (Ukraina, Poltavskaya oblast') [Artefacts of processed bones from the excavations of 1977–1985 at the Gontsy Upper Palaeolithic site (Ukraine, Poltava Region)]. *KSIA*, 2014, iss. 235, pp. 152–187. (in Russ.)

- Aleksashenko N. A.** Kozhevennoye proizvodstvo na Yamale (arkheologiya i etnografiya) [Leather Production in Yamal (archaeology and ethnography)]. *Ural Historical Journal*, 2002, no. 8, pp. 184–198. (in Russ.)
- Amirkhanov Kh. A., Akhmetgaleeva N. B., Lev S. Yu.** Obrabotannaya kost' stoyanki Zaraysk A [The Processed Bone from Zaraysk A Site]. In: *Issledovaniya paleolita v Zarayske. 1999–2005* [Studies of the Palaeolithic in Zaraysk. 1999–2005]. Moscow, Paleograf Publ., 2009, pp. 187–288. (in Russ.)
- Averbouh A.** Fiches tubes et étuis. In: *Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs*. Treignes, CEDARC, 1993, pp. 99–113.
- Barge-Mahieu H., Beldiman C., Buisson D., Camps-Farber H., Choi S.-Y., Nandris J. G., Peltier A., Provenzano N., Ramseyer D.** Fiche générale manches. In: *Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs*. Treignes, CEDARC, 1993, pp. 23–97.
- Berdnikova N. E., Vorobieva G. A.** Osobennosti mnogosloynnykh geoarkheologicheskikh ob'yektov v nizhnem techenii r. Beloy (yug Baykal'skoy Sibiri) [Features of Multilayered Geoarchaeological Objects in the Lower Reaches of the Belaya river (South of Baikalian Siberia)]. *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture*, 2012, no. 1, pp. 54–72. (in Russ.)
- Borodovsky A. P.** Drevneye kostoreznoye delo yuga Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina II tys. do n. e. – pervaya polovina II tys. n. e.) [An Ancient Bone Carving Business in the South of Western Siberia (the second half of the 2nd millennium BC – the 1st half of the 2nd millennium BC)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1997, 224 p. (in Russ.)
- Bulochnikova E. V.** Prostranstvennoe raspredelenie obrabotannoy kosti i kosti so sledami ispol'zovaniya stoyanki Avdeevo [Spatial Distribution of the Processed bone and Bone with Traces of the Use of the Avdeevo site]. In: *Predmety vooruzheniya i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh Severnoy Evrazii* [Weapons and Art Made from Bone in the Prehistoric Cultures of Northern Eurasia]. St. Petersburg, Nauka, 2011, pp. 48–68. (in Russ.)
- d'Errico F., Doyon L., Zhang S., Baumann M., Lázníčková-Galetová M., Gao X., Chen F., Zhang Y.** The Origin and Evolution of Sewing Technologies in Eurasia and North America. *Journal of Human Evolution*, 2018, vol. 125, pp. 71–86.
- d'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J.** Neanderthal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and Its Interpretation. *Current Anthropology*, 1998, vol. 39, no. 1, pp. 1–44.
- Demeshchenko S. A.** Osobennosti ukrasheniy kostenkovsko-avdeyevskoy kul'tury [Personal ornaments of Kostenki-Avdeevo culture: specific features]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2006, no. 1, pp. 5–16. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Grichan Yu. V.** Issledovaniye peshchery Kaminnaya: Predvaritel'nyye itogi raskopok v 1983–1988 gg. (Pleistotsenovaya tolshcha) [Exploration of the Kaminnaya cave: Preliminary results of excavations in 1983–1988 (Pleistocene strata)]. Novosibirsk, IHPP SB RAS Publ., 1990, 60 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Fedorchenko A. Yu., Pavlenok G. D., Belousova N. E.** Kostyanaya igla nachala verkhnego paleolita iz tsentral'nogo zala Denisovoy peshchery (po materialam raskopok 2016 goda) [Early Upper Palaeolithic Bone Needle from the Main Chamber of Denisova Cave (based on research data from the 2016 excavations)]. In: *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 22, pp. 72–75. (in Russ.)
- Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Mafessoni F., Kozlikin M. B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R., Pääbo S., Kelso J., Higham T.** Age Estimates for Hominin Fossils and the Onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*, 2019, vol. 565, pp. 640–644.

- Dyakonov V. M.** Igol'niki i igly v arkhologii Yakutii: voprosy analogiy i fenomen persistentnosti v kul'turnom razvitii [Needle Cases and Needles in the Archaeology of Yakutia: questions of analogies and the phenomenon of persistence in cultural development]. In: Sed'mye Grodekovskie chteniia [7th Grodekov's Readings]. Khabarovsk, Khabarovskiy krayevoy muzey im. N. I. Grodekova Publ., 2012, vol. 3, pp. 23–36. (in Russ.)
- Efremov S. A.** Predmety iz kosti epokhi neolita – eneolita peshchery Kaminnaya (Severo-Zapadnyy Altay) [Bone items from the Neolithic – Eneolithic Age of the Kaminnaya cave (North-Western Altai)]. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2006, vol. 11, pt. 1, pp. 137–140. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E.** Chronology and Cultural Attribution of the Earliest Upper Palaeolithic Bone Needles of Siberia. *Stratum Plus*. 2021, no. 1, pp. 217–257. (in Russ.)
- Golovanova L. V.** Kostyanyye izdeliya v srednem i verkhnem paleolite Kavkaza [Bone Items in the Middle and Upper Palaeolithic Periods in the Caucasus]. *KSIA*, 2017, no. 246, pp. 169–184. (in Russ.)
- Grigorieva G. V.** Kamennyye i kostyanyye izdeliya verkhnepalaeoliticheskogo poseleniya Yudinovo (issledovaniya poslednikh let) [Stone and bone items of the Yudinovo Upper Palaeolithic site (recent studies)]. *Stratum Plus*, 2001–2002, no. 1, pp. 427–451. (in Russ.)
- Gusev An. V.** Kolleksiya izdeliy iz kosti i roga po materialam raskopok 1993–1995, 2006–2015 gg. [Collection of items made of bone and antler based on materials from excavations in 1993–1995, 2006–2015]. In: Arkheologiya Arktiki [Archaeology of the Arctic]. Ekaterinburg, Delovaya Pressa, 2017, iss. 4, vol. 2, pp. 4–203. (in Russ.)
- Gusev S. V.** Raskopki poseleniya Unenen na Vostochnoy Chukotke (drevnekitoboynaya kul'tura) v 2007–2014 gg. [Excavations of the Unenen settlement in Eastern Chukotka (ancient whale culture) in 2007–2014]. In: Arkheologiya Arktiki [Archaeology of the Arctic]. Ekaterinburg, Delovaya Pressa, 2014, iss. 2, pp. 205–212. (in Russ.)
- Gvozdover M. D.** Obrabotka kosti i kostyanykh izdeliy Avdeyevskoy stoyanki [Processing of Bone and Osseous items from the Avdevo Site]. In: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR [Materials and Studies in the Archaeology of the USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1953, vol. 39, pp. 193–226. (in Russ.)
- Kirillin A. S., Penkov A. V.** Neoliticheskiye igol'niki-kalendari Yakutii [Neolithic Needle Cases – Calendars of Yakutia]. In: Molodaya arkheologiya i etnologiya Sibiri. XXXIX RAESK [Young Archaeology and Ethnology of Siberia. XXXIX RAESK]. Chita, ZSPU Press, 1999, vol. 1, pp. 101–104. (in Russ.)
- Konstantinov M. V.** Stone Age of the eastern region of Baikal Asia [Kamennyy vek vostochnogo regiona Baykal'skoy Azii]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1994, 265 p. (in Russ.)
- Kovalenko S., Kroytor R.** Proizvodstvennyy i khozyaystvennyy inventar' iz kosti, roga i bivnya s mnogoslownoy stoyanki verkhnego paleolita Koseuts' [Industrial and Household Equipment Made of Bone, Antler and Ivory from the Koseuti Upper Palaeolithic Multilayered Site]. *Revista Arheologică. Ser. Noua*, 2016, vol. 12, no. 1–2, pp. 283–295. (in Russ.)
- Kozhevnikova D. V., Lbova L. V., Volkov P. V.** Prosteyshiy aerofony v kompleksakh rannego verkhnego paleolita (materialy Zabaykal'ya) [The Simplest Aerophones in the Complexes of the Early Upper Palaeolithic (materials of Transbaikalia)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 155–161. (in Russ.)
- Kungurova N. Yu., Bazaliysky V. I., Weber A. V.** Funktsii orudiy iz pogrebeniy mogil'nika Shamanka II (predvaritel'nyye rezul'taty) [Functions of Tools from the Burials of the Shamanka II Burial Ground (preliminary results)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy [Bulletin of the Ancient Technologies Laboratory]*, 2008, no. 1 (8), pp. 57–64. (in Russ.)
- Laroulandie V., d'Errico F.** Worked Bones from Buran-Kaya III level C and their Taphonomic Context. In: The Paleolithic of Crimea, III. The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea. Liège, 2004, pp. 83–94.

- Lbova L. V., Kozhevnikova D. V.** Formy znakovogo povedeniya v paleolite: muzykal'naya deyatel'nost' i fonoinstrumenty [Forms of Musical Behavior in the Palaeolithic: Musical activity and Phono Instruments]. Novosibirsk, NSU Press, 2016, 244 p. (in Russ.)
- Leroy-Prost C.** L'industrie Osseuse Aurignacienne. Essai régional de classification: Poitou, Charentes, Périgord (suite). *Gallia Préhistoire*, 1979, vol. 22 (1), pp. 205–370.
- Lisitsyn N. F.** Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurech'ia [Upper Palaeolithic of the Chulym-Yenisei Interfluve]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2000, 230 p. (in Russ.)
- Münzel S., Seeberger F., Hein W.** The Geißenklösterle Flute – Discovery, Experiments, Reconstruction. In: *The Archaeology of Sound: Origin and Organisation*. Leidorf, Rahden / Westf, 2002, pp. 107–118.
- Okladnikov A. P.** Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya. Istoriko-arkheologicheskoye issledovaniya [Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region. Historical and Archaeological Research]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, pt. 1 and 2, 411 p.; 1955, pt. 3, 373 p. (in Russ.)
- Oshibkina S. V.** Iskusstvo epokhi mezolita (po materialam kul'tury veret'ye) [The Art of the Mesolithic (Based on the Materials of the Veretie culture)]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 140 p. (in Russ.)
- Pitulko V. V., Pavlova E. Yu.** Verkhnepaleoliticheskoye shveynoye proizvodstvo na Yanskoy stoyanke, Arkticheskaya Sibir' [Upper Palaeolithic Sewing Kit from the Yana Site, Arctic Siberia]. *Stratum Plus*, 2019, no. 1, pp. 157–224. (in Russ.)
- Pitulko V. V., Pavlova E. Yu., Nikolskiy P. A., Ivanova V. V.** Yanskaya stoyanka: material'naya kul'tura i simvolicheskaya deyatel'nost' verkhnepaleoliticheskogo naseleniya Sibirskoy Ark-tiki [Material Culture and Symbolic Behavior of the Upper Palaeolithic Settlers of Arctic Siberia (with particular reference to the Yana site)]. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik [Russian Archaeological Annual]*, 2012, no. 2, pp. 33–102. (in Russ.)
- Polikarpovich K. M.** Paleolit Verkhnego Podneprov'ya [Palaeolithic of the Upper Dnepr]. Minsk, Nauka i Tekhnika, 1968, 204 p. (in Russ.)
- Rogachev A. N.** Aleksandrovskoye poseleniye drevnekamennogo veka u sela Kostenki na Donu [Aleksandrovsk settlement of the Old Stone Age near the Kostenki village on the Don]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1955, 164 p. (in Russ.)
- Semenov S. A.** Verkhnepaleoliticheskiye kostyanyye rukoyatki [Upper Palaeolithic Bone Handles]. *KSIIMK*, 1950, iss. 35, pp. 132–138. (in Russ.)
- Shunkov M. V., Fedorchenko A. Yu., Kozlikin M. B., Belousova N. E., Pavlenok G. D.** Kostyanyye orudiya i ukrasheniya rannego verkhnego paleolita iz Tsentral'nogo zala Denisovoy peshchery: kollektsiya 2016 goda [Bone Tools and Ornaments from the Early Upper Palaeolithic Deposits in the Main Chamber of Denisova Cave: 2016 Collection]. In: *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 23, pp. 221–224. (in Russ.)
- Shunkov M. V., Fedorchenko A. Yu., Kozlikin M. B., Derevianko A. P.** Initial Upper Palaeolithic Ornaments and Formal Bone Tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 47–67.
- Sinitsyn A. A.** Ranniy verkhniy paleolit Vostochnoy Yevropy: ukrasheniya i voprosy estetiki [Early Upper Palaeolithic of Eastern Europe: ornaments and questions of aesthetics]. In: *Verkhniy paleolit: obrazy, simvol, znaki [Upper Palaeolithic: Images, Symbols, Signs]*. St. Petersburg, Extraprint, 2016, pp. 320–337. (in Russ.)
- Stepanov A. D., Kirillin A. S., Vorobiev S. A., Solovieva E. N., Efimov N. N.** Peshchera Khayyr-gas na Sredney Lene (rezul'taty issledovaniy 1998–1999 gg.) [Haiyrgas Cave on the Middle Lena (research results 1998–1999)]. In: *Drevniye kul'tury Severo-Vostochnoy Azii. Astroarkheologiya. Paleoinformatika [The Ancient cultures of Northeast Asia. AstroArchaeology. Paleoinformatics]*. Novosibirsk, Nauka, 2002, pp. 98–113. (in Russ.)

- Tarasov L. M.** Gagarinskaya stoyanka i ee mesto v paleolite Evropy [Gagarinskaya Site and its Place in the Palaeolithic of Europe]. Leningrad, Nauka, 1979, 168 p. (in Russ.)
- Teysandier N., Liolios D.** Defining the Earliest Aurignacian in the Swabian Alp: the Relevance of the Technological Study of the Geißenklösterle (Baden-Württemberg, Germany) Lithic and Organic Productions. In: The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Lisboa, Instituto Português de Arqueologia, 2003, vol. 33, pp. 179–197.
- Wright D., Nejman L., d’Errico F., Králík M., Wood R., Ivanov M., Hladilová S.** An Early Upper Palaeolithic Decorated Bone Tubular Rod from Pod Hradem Cave, Czech Republic. *Antiquity*, 2014, vol. 88, pp. 30–46.

List of Sources

- Dikov N. N.** Otchet o polevykh issledovaniyakh na Chukotke i Kamchatke v 1986 g. [Report on field research in Chukotka and Kamchatka in 1986]. Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. 1987. F. 1. R. 1. No. 11389.
- Okladnikov A. P.** Nauchnyy otchet o raskopkakh paleoliticheskogo poseleniya na Varvarinoy gore (Buryatskaya ASSR, Zaigraevskiy rayon) v 1977 godu [Scientific report on the excavations of a Paleolithic settlement on Varvarina Gora (Buryat ASSR, Zaigraevsky District) in 1977]. Arkhiv IAET SO RAN [Archive of IAET SB RAS]. 1978. F. 1. No. 49.

Информация об авторах

Александр Юрьевич Федорченко, младший научный сотрудник
Наталья Евгеньевна Белоусова, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Максим Борисович Козликин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Михаил Васильевич Шуньков, доктор исторических наук, заведующий отделом, главный научный сотрудник

Information about the Authors

Alexander Yu. Fedorchenko, Junior Researcher
Natalia E. Belousova, Candidate of Sciences (History), Researcher
Maxim B. Kozlikin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher
Michael V. Shunkov, Doctor of Sciences (History), Head of Department, Chief Researcher

*Статья поступила в редакцию 06.04.2020;
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 06.04.2020;
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 903.7.031

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-60-72

Новые данные о наскальном искусстве Восточного Памира

Лидия Викторовна Зоткина¹

Бобомулло Саидмуродович Бобомуллоев²

Алексей Константинович Солодейников³

Ирина Васильевна Аболонкова⁴

Светлана Владимировна Шнайдер⁵

Нуритдин Назурлоевич Сайфулоев⁶

^{1,5} Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

^{1,5} Международная лаборатория «Археозоология в Сибири
и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований –
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

^{2,6} Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Национальной академии наук Таджикистана
Душанбе, Таджикистан

³ Музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш»
Уфа, Россия

⁴ Кузбасский музей-заповедник «Томская писаница»
Кемерово, Россия

¹ lidiazotkina@gmail.com, <https://0000-0002-1912-3882>

² bobo_bobomullo@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-6242-2087>

³ solodey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4102-7264>

⁴ abolonirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2033-7850>

⁵ sveta.shnayder@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

⁶ sayfulloev.nuritdin@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8540-2145>

Аннотация

До недавнего времени считалось, что заселение человеком высокогорий Памира началось не древнее эпохи раннего голоцена. Однако последние исследования, и в том числе датирование стратифицированных комплексов, таких как Истыкская пещера, показали, что человек начал заселение этого региона еще в конце плейстоцена. Образцы наскальной живописи, впервые обнаруженные в конце 1950-х гг., относятся к важнейшим свидетельствам присутствия человека здесь в древности. Несмотря на то что прямых аналогий росписям Восточного Памира на сопредельных территориях найдено не было, В. А. Ранов считал, что такие памятники наскального искусства, как Шахты, Куртеке и Найзаташ, следует относить к каменному веку. В настоящее время хронологический диапазон этого периода на рассматриваемой территории стал еще шире. Таким образом, наскальные рисунки могут оказаться даже древнее, чем ранее предполагалось на основе данных археологии. Если еще недавно в высокогорьях Памира были известны всего несколько пунктов наскального искусства, то исследования последних лет показали, что таких памятников на этой территории больше, и их малочисленность можно связать лишь с недостаточной изученностью Восточного Памира.

Ключевые слова

Восточный Памир, наскальное искусство, крашенные изображения, редокументирование

© Зоткина Л. В., Бобомуллоев Б. С., Солодейников А. К., Аболонкова А. В.,
Шнайдер С. В., Сайфулоев Н. Н., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 60–72

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 60–72

Благодарности

Полевые работы на памятниках Шахты, Куртеке и Пещера им. Жукова проведены при поддержке госзадания «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды» (FWZG-2022-0008); документирование и постобработка фотографий наскальных изображений – при поддержке гранта РФФИ № 20-09-00387 «Наскальная живопись Восточного Памира: хронология, атрибуция, контекст»

Для цитирования

Зоткина Л. В., Бобомуллов Б. С., Солодейников А. К., Аболонкова А. В., Шнайдер С. В., Сайфулов Н. Н. Новые данные о наскальном искусстве Восточного Памира // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 60–72. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-60-72

New Data on the Rock Paintings of Eastern Pamir

Lydia V. Zotkina¹, Bobomullo S. Bobomulloev²
 Alexey K. Solodeynikov³, Irina V. Abolonkova⁴
 Svetlana V. Shnaider⁵, Nuritdin N. Sayfulloev⁶

^{1,5} Institute of Archaeology and Ethnography
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Novosibirsk, Russian Federation

^{1,5} ArchaeoZOOlogy in Siberia and Central Asia – ZooSCAN,
 National Center of the Scientific Research – Institute of Archaeology and Ethnography
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
 International Research Laboratory, IRL 2013
 Novosibirsk, Russian Federation

^{2,6} A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography
 of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
 Dushanbe, Republic of Tajikistan

³ Museum-reserve “Cave Shulgan-Tash”
 Ufa, Russian Federation

⁴ Kuzbass Museum-reserve “Tomskaya Pisanitsa”
 Kemerovo, Russian Federation

¹ lidiazotkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

² bobo_bobomullo@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-6242-2087>

³ solodey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4102-7264>

⁴ abolonirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2033-7850>

⁵ sveta.shnayder@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

⁶ sayfulloev.nuritdin@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8540-2145>

Abstract

Purpose. Until recently, it was thought that colonization of the highlands of Pamir by humans had started in the early Holocene. But some recent investigations, especially dating of well-stratified archeological sites such as Istyk cave, demonstrate that humans appeared in the region in the late Pleistocene period. One of the important pieces of evidence of humankind's presence in an area all around the world is the rock art. Despite that there are no direct comparisons to rock art of East Pamir, V. A. Ranov considered rock art sites of Shakhty, Kurteke and Nayzatash belonging to the Stone Age.

Results. We started redocumenting known rock art sites, using our experience and new technological approaches, which was beyond reach for V. A. Ranov and other investigators of 20th century. Also, some new rock art locations were found in the same area, and they gave us quite different graphical representations than those that were discovered in the middle of 20th century. One of the most urgent problems to solve for us is finding parallels to zoomorphic depictions and to the non-figurative ones in nearby regions and in other areas of rock art distribution. And still, we obviously know just a few samples of rock art varieties that existed in the East Pamir. Some of them were ruined due to natural factors, some of them could still be waiting to be discovered.

Conclusion. So far, we are just in the beginning of the next stage of investigation of the East Pamir rock art and archeological remains as evidence of human presence in the region.

Keywords

Eastern Pamir, rock art, paintings, redocumenting

Acknowledgements

The field works on the sites of Shakhty, Kurteke and the Zhukov's cave was carried out with the support of FWZG-2022-0008 "Central Asia in Ancientry: Stone Age archaeological cultures in a changing natural environment"; the documentation and post-processing of the rock art photographs were carried out with the support of the RFBR project no. 20-09-00387 "Rock art of the East Pamir: chronology, context and attribution"

For citation

Zotkina L. V., Bobomulloev B. S., Solodeynnikov A. K., Abolonkova I. V., Shnayder S. V., Sayfuloev N. N. New Data on the Rock Paintings of Eastern Pamir. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 60–72. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-60-72

Введение

Восточный Памир привлекал человека в древности, о чем свидетельствуют десятки археологических памятников на этой территории. Благодаря холодному и аридному климату здесь отмечается уникальная сохранность археологических материалов [Ранов, 1975]. Этот регион известен также не имеющим прямых аналогий наскальным искусством. Композиция из грота Шахты, изображающая сцену охоты, приобрела мировую известность, ведь это один из редких примеров наскального искусства в условиях высокогорья (более 4 тыс. м над у. м.) [Ранов, 1961б].

Наибольший вклад в изучение наскального искусства Таджикистана, Западного и Восточного Памира внес В. А. Ранов [1960; 1961а; 1961б; 1964]. Исследователи отмечают, что основная концентрация наскальных изображений связана, как правило, с древними караванными путями, а также с могильниками, крепостями и другими археологическими объектами. Но даже беглый взгляд на карту распространения местонахождений с наскальным искусством показывает, что на Западном Памире (Бадахшан) их концентрация гораздо больше, особенно это касается берегов р. Пяндж и ее главных притоков [Ранов, Гурский, 1966; Ранов, 2016, рис. 1]. В. А. Ранов объясняет это тем, что климатические условия на данной территории более благоприятны (максимальная высота распространения памятников с наскальной живописью – 3 500 м над у. м.) по сравнению с Восточным Памиром (4 200 м над у. м.).

К сожалению, сегодня Высокогорный Памир остается слабо изученным с точки зрения археологии вообще, и особенно в контексте исследований наскального искусства. В 2018 и 2019 гг. были проведены разведки, в результате которых выявлены ранее не известные пункты с крашеными наскальными изображениями. Настоящая статья посвящена обобщению имеющихся на сегодня данных о памятниках наскального искусства Восточного Памира, а также введению в научный оборот нескольких новых пунктов, открытых в ходе полевых работ 2019 г. (рис. 1).

Методы

Фотофиксация изображений, выполненных минеральным красителем, проводилась при помощи камер Nikon D750 и Sony ILCE-6500 и объективов Nikkor AF-S 60 mm f/2.8G ED Micro, Nikkor AF-S 105 mm f/2.8G IF-ED VR Micro. Фотофиксация осуществлялась в разных масштабах (общий вид, макродетали) и с различным освещением (естественный дневной свет, вспышка). Для увеличения контраста и уточнения контуров некоторых изображений, полученные фотографии обрабатывались одним из способов – программа DStretch и метод пигментных карт – или обоими, в зависимости от задач [Солодейников, 2020; Миклашевич, Солодейников, 2013].

Редокументирование памятников наскального искусства Восточного Памира

Грот Шахты (рис. 2, 1–3). Одним из самых известных и наиболее полно изученных памятников высокогорий Памира является открытый в 1958 г. В. А. Рановым грот Шахты. Он находится в 40 км юго-восточнее пос. Мургаб на абсолютной высоте 4200 м над у. м. Памят-

ник расположен по левому борту ущелья Шахты. Навес сформирован двумя стенками с отрицательным наклоном, образующими небольшое углубление подтреугольной формы (ширина в предвходовой части 7,5 м, глубина 6 м, высота около 25–30 м) [Ранов, 2016, с. 45]. Предположительно, когда этот памятник использовался человеком, козырек был более массивным, а затем обрушился. Грот ориентирован на восток и в целом хорошо освещен. Однако попадания прямого солнечного света на южную стену, где сохранились наскальные рисунки, в течение дня не отмечается. На всех других участках стен грота фиксируются свидетельства интенсивного шелушения поверхности скалы. Панно с наскальными изображениями расположено на высоте около 1,5–2 м.

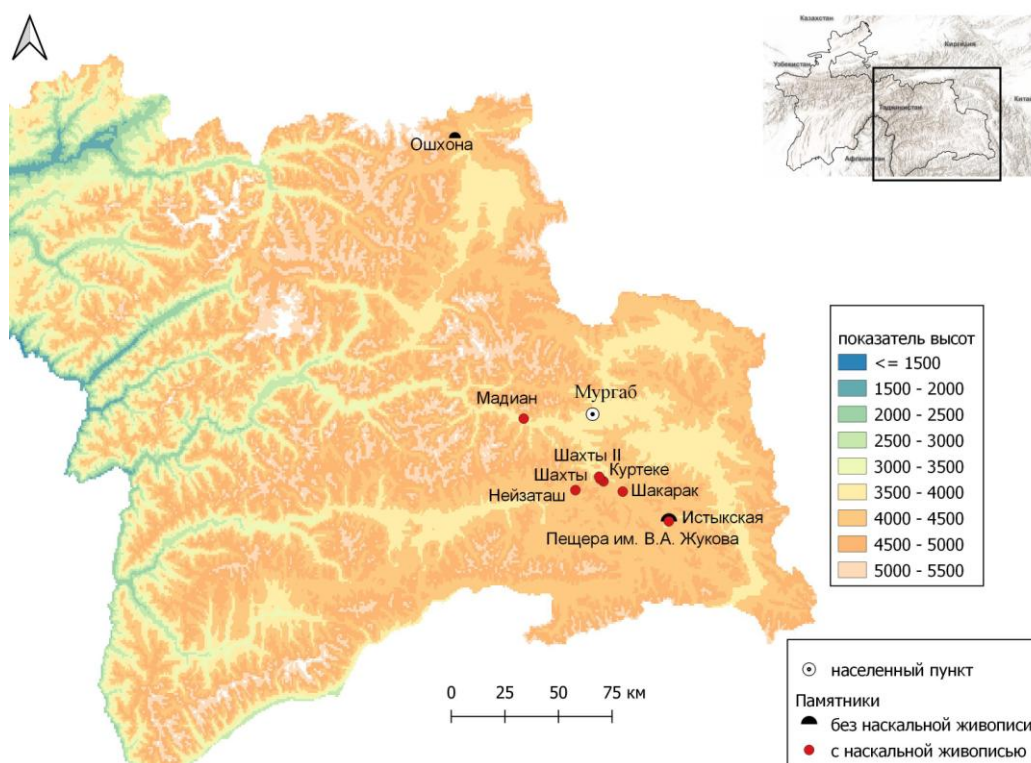

Рис. 1. Карта памятников наскального искусства Восточного Памира
Fig. 1. Map of Eastern Pamir with indications of rock art sites

Как считал В. А. Ранов, эти рисунки были выполнены единовременно и представляли собой композицию, которую исследователь интерпретировал как сцену охоты с участием медведей и / или кабанов и антропоморфного персонажа, замаскированного под птицу [Ранов, 2016, с. 45–47]. На крайнем правом рисунке изображены стрелы, что подкрепляет идею В. А. Ранова о том, что здесь передана сцена охоты. Прямых аналогий с изображениями из грота Шахты на Памире или сопредельных территориях обнаружено не было [Там же, с. 50–53], поэтому В. А. Ранов, подчеркивая косвенность этих данных, предлагает предварительную датировку эпохой мезолита – раннего неолита (8–5 тыс. лет до н. э.) на основе общих сведений о времени заселения Восточного Памира, актуальных на момент написания основных работ по гроту Шахты. Кроме того, раскопки под навесом позволили исследователю выделить культурный слой каменного века [Ранов, 1961а, с. 80–81]. В. А. Ранов подчеркивал, что только наличие стоянки на памятнике не является достаточным основанием для датировки рисунков, однако позволяет предполагать ранний возраст изображений [Ранов, 1961а, с. 81; 2016, с. 54].

Редокументирование грота Шахты показало, что, возможно, панно было выполнено не единовременно, и композиция сформировалась в разные периоды (рис. 2, 3а–г). На это указывает неодинаковое состояние сохранности линий, образующих разные изображения. Возможно, есть и подновления.

Куртеке (рис. 2, 4–6). Памятник расположен в той же долине, недалеко от грота Шахты на абсолютной высоте 3 980 м над у. м. Объект представляет собой отторженец в долине Куртеке-сая, длина которого 100 м, высота от 15–20 м, он отделяется от скалы небольшой 20-метровой «протокой», заполненной аллювием. Археологический памятник приурочен к небольшой нише (длина 12 м, ширина 3,5 м), где присутствуют наскальные изображения, выполненные красной краской. Объект был обнаружен и изучался в 1960 г. под руководством В. А. Ранова. На основе анализа археологического материала памятник был отнесен к эпохе неолита – бронзовому веку [Ранов, 1960; 1964]. В 2018 г. силами российско-таджикской экспедиции проводились небольшие зачистки на памятнике. Было выделено два литологических слоя и получена серия радиоуглеродных датировок, которые укладываются в диапазон от 3,5 до 13,5 тыс. л. н. [Жилич и др., 2019].

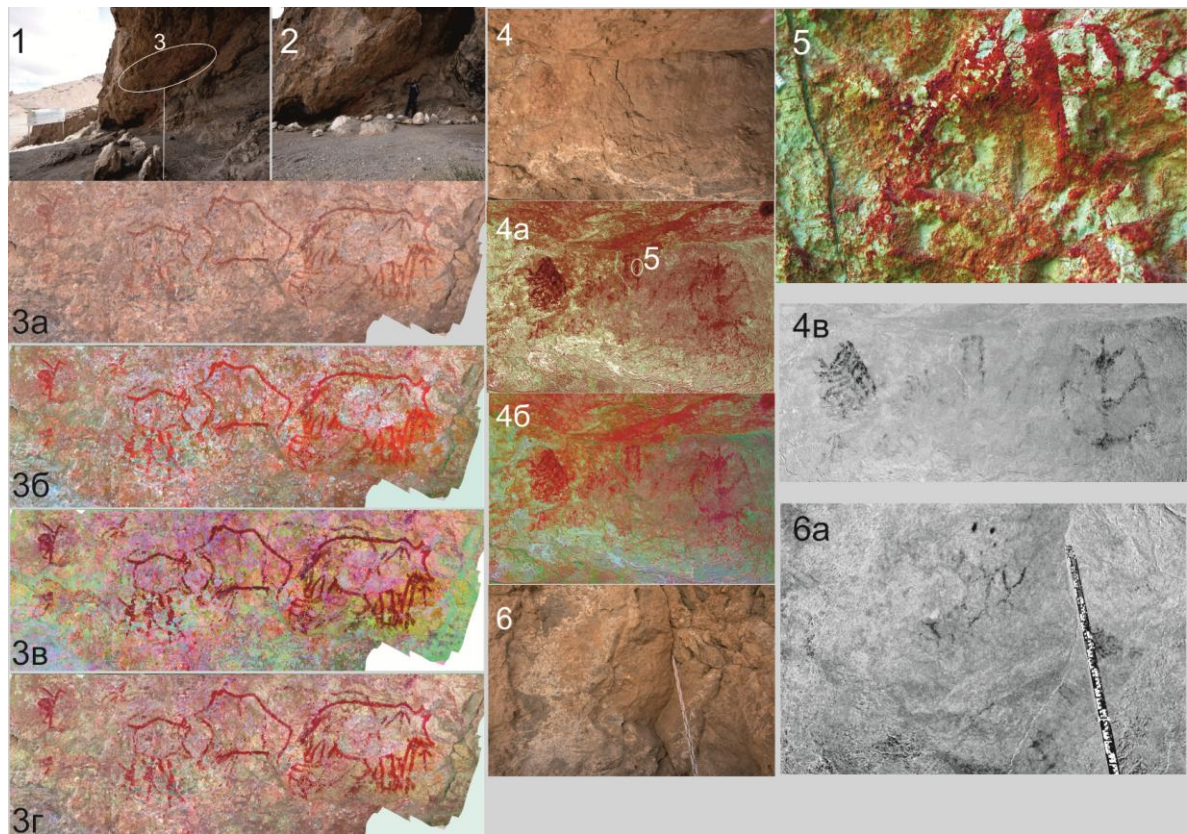

Рис. 2 (фото). Памятники Шахты и Куртеке:

1, 2 – общие виды на грот Шахты; 3а – общий вид на композицию грота Шахты; 3б, в, г – общий вид на композицию, обработанный при помощи DStretch; 4, 6 – общие виды на плоскости с изображениями памятника Куртеке; 5 – фрагмент поверхности изображения (DStretch) с памятника Куртеке; 4а, б, в, 6а – обработанные с помощью плагина DStretch и по методу пигментных карт изображения с памятника Куртеке (фото Л. В. Зоткиной)

Fig. 2 (photo). Sites Shakhty and Kurteke:

1, 2 – general views of the panel of Shakhty rock shelter; 3a – general view on the composition of Shakhty; 3b, v, g – result of DStretch digital post-processing of the composition of Shakhty; 4, 6 – general views of the panels on the site Kurteke; 5 – fragment of a surface with an image on the Kurteke site; 4a, b, v, 6a – result of DStretch and Pigment maps digital post-processing of compositions of the site Kurteke (photo by L. Zotkina)

В. А. Ранов отмечал, что, как и в гроте Шахты, здесь сохранилась лишь незначительная часть рисунков, однако состояние сохранности росписей Куртеке хуже. Это может быть обусловлено отсутствием выраженного козырька. Исследователь отмечает две группы изображений: на северной и восточной стенах на высоте около 1,5 м от дневной поверхности. К первой группе В. А. Ранов относил пятна минерального пигмента, по которым уже невозможно установить контуры изображений, ко второй – так называемых танцующих антропоморфных персонажей, переданных схематично [Ранов, 2016, с. 56]. Благодаря современным методам обработки фотографий, удалось восстановить образы, которые не поддаются определению при осмотре непосредственно на памятнике. Это три абстрактных символа, интерпретация которых пока затруднительна (рис. 2, 4а–в).

Еще один памятник, где были обнаружены наскальные изображения, – это писаница у перевала *Найзаташ*. В. А. Ранов, к сожалению, не исследовал и даже не посещал этот объект. В обобщающей работе 2016 г. этот памятник описан настолько полно, насколько это было возможно¹ [Там же, с. 57].

Таким образом, до недавнего времени на территории Восточного Памира было известно всего три местонахождения наскального искусства с росписями. Исследователи не раз отмечали, что изображения, обнаруженные в высокогорьях Памира, не имеют прямых аналогий ни на Западном Памире, ни в соседних регионах. При этом очевидно, что, несмотря на своеобразие крашенных изображений на рассматриваемой территории, для выделения отдельной локальной традиции в наскальном искусстве недостаточно материалов. Однако эта проблема скорее всего связана не с их отсутствием, а с недостаточной изученностью региона.

Новые пункты с наскальными рисунками

Благодаря возобновлению исследований наскального искусства Памира были выявлены и зафиксированы новые объекты с изображениями, выполненными минеральными красителями (рис. 3). В ходе полевого сезона 2019 г. было проведено две разведки, в результате которых найдены новые пункты с наскальным искусством. Первая проведена Б. С. Бобомуллоевым, научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Б. С. Бобомуллоев открыл три новых памятника: *грот Шакарак* (рис. 3, 4) *Мадиян* (рис. 3, 5) и *грот Шахты II* (рис. 3, 6). Вторая разведка проводилась Памирским отрядом ИАЭТ СО РАН параллельно с проведением археологических раскопок в долине р. Сулистык на памятниках Истыкская пещера, Истык-2-Нур, Истык-3. В ходе второй разведки была открыта небольшая пещера с наскальной живописью, которую назвали *Пещера им. В. А. Жукова* (рис. 3, 1–3).

Памятник располагается в непосредственной близости от Истыкской пещеры, в 30 м над ней. Высота входа в настоящее время составляет 2,4 м, ширина – 6 м. В плане она имеет форму неправильного треугольника, в предвходовой части максимальная высота пещеры 3,4 м, ширина 2,6 м, длина 10 м, имеет южную экспозицию. На дальней фронтальной стенке пещеры зафиксировано два нефигуративных мотива – пятна минеральной красной краски подовальной формы с четкими границами распространения пигмента (см. рис. 3, 1–3).

Они были условно названы горизонтальным и вертикальным мотивами, расположены один над другим на небольшом расстоянии друг от друга (не более 1 см). Вертикальный – сверху. Оба изображения имеют схожую форму и размеры.

Горизонтальный мотив (рис. 3, 2) представляет собой небольшое пятно довольно яркой краски. Границы изображения хорошо фиксируются, не расплываются, вокруг мотива не удалось зафиксировать никаких других окрашенных участков, даже на микроуровне. Это го-

¹ Первооткрыватель памятника биолог В. Ф. Селезнев трагически погиб, поэтому В. А. Ранов не посещал памятник лично и сделал описания по предоставленным ему данным и одному слайду с наскальными изображениями.

ворит о том, что первоначальные очертания рисунка не модифицированы разрушением. Возможно, это был геометрический мотив, значение которого сегодня сложно установить.

На некоторых участках изображения присутствуют кальцитовые (?) натеки. Причем на периферии в левой части рисунка оттенок более темный и насыщенный. Возможно, из-за кальцита пигмент выглядит иначе.

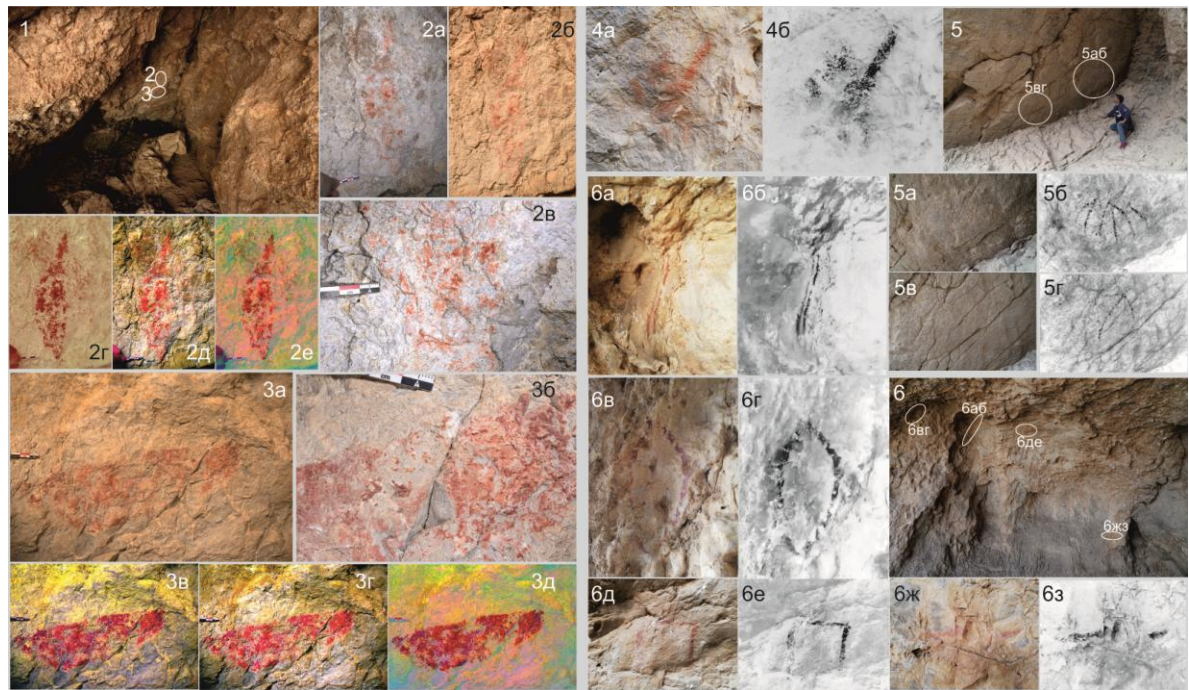

Рис. 3 (фото). Изображения новых памятников наскального искусства Восточного Памира:

1 – общий вид на фронтальную стенку с изображениями в Пещере им. Жукова; 2 – вертикальный мотив из пещеры Жукова (фото с разным освещением, обработанные в DStretch); 3 – горизонтальный мотив из Пещеры им. Жукова (фото с разным освещением, обработанные в DStretch); 4 – геометрические символы из грота Шакарак (фото и пигментная карта); 5 – изображения из грота Мадиян (фото и пигментная карта); 6 – изображения из грота Шахты II (фото и пигментная карта) (фото 1–3 Л. В. Зоткиной; 4–6 Б. С. Бобомуллоева)

Fig. 3 (photo). Paintings from new rock art sites in Eastern Pamir:

1 – general view on the front panel in Zhukov's cave (photos with different lightening and DStretch); 2 – vertical motif from Zhukov's cave (photos with different lightening and DStretch); 3 – horizontal motif Zhukov's cave (photos with different lightening and DStretch); 4 – image from Bezmyanny rock-shelter (photos without scale and pigment map); 5 – images from Madian rock-shelter (photos without scale and pigment map); 6 – images from Shakhty II rock-shelter (photos without scale and pigment map) (photos 1–3 by L. Zotkina; 4–6 by B. Bobomullov)

Вертикальный мотив (см. рис. 3, 1) выполнен гораздо менее яркой краской, красновато-кирпичного оттенка, менее интенсивной. Участков с пигментом сохранилось мало, только небольшие пятнышки, расположенные рядом друг с другом, чаще на выступающих участках рельефа поверхности скалы. Границы фигуры менее четкие по сравнению с горизонтальным мотивом, часто видны мельчайшие частицы краски, которые выступают за пределы интенсивно покрашенных участков, что может указывать на большие первоначальные размеры изображения. Цвет не насыщенный, видимо, из-за менее интенсивного окрашивания: даже на участках, где краска хорошо покрывает всю поверхность, практически не фиксируется шелушение. Пигмент распределен не равномерно (рис. 3, 2в). Поверх вертикального мотива также отмечаются фрагменты кальцитового натека, хотя менее плотного.

Непосредственно под изображениями в центральной части пещеры был заложен шурф площадью 1×1 м на глубину 0,85 м. Здесь выделено два литологических слоя. Первый имеет мощность 0,5 м и сложен светло-серой супесью, верхняя часть заполнена пометом животных, обнаружены железный нож, две бусины из синего лазурита на нитке, кости животных *Ovis / Capra*, несколько из них имеют следы порезов. Второй стерильный слой представлен красной плотной глиной с чешуйчатой структурой, на уровне 0,69 м от дневной поверхности обнаружен фрагмент дерева. Подошва слоя не достигнута, вскрытая мощность составляет 0,4 м. Полученный образец дерева был датирован и показал возраст 11 255–10 775 кал. л. (GV-02648)².

Грот в долине Мадиян (рис. 3, 5). Это широкая долина, которая располагается к западу от пос. Мургаб, куда продолжает свое течение одноименная река. Памятник был обнаружен на правом берегу р. Мургаб, справа от дороги. Его абсолютная высота над уровнем моря – 3 560 м. Грот подтреугольной формы располагается на высоте примерно 25 м от долины и заметен издали. Высота входа составляет 6,5 м, ширина – 7 м, глубина – 6,5 м. По мере углубления внутреннее пространство сужается. Грот естественного происхождения, но есть основания полагать, что северная стена его была выдолблена для увеличения площади.

На входе по левой стенке, которая имеет относительно ровную поверхность (см. рис. 3, 5), и отрицательный наклон около 45° , фиксируются рисунки, выполненные красной минеральной краской. Из-за плохой сохранности изображения можно рассмотреть только вблизи. Пигмент сконцентрирован на двух участках плоскости на расстоянии друг от друга в 1,2 м. Длина сохранившихся линий разная: от 20–25 см до 40–50 см, ширина около 3–4 см. На первом участке зафиксировано шесть вертикальных, слегка изогнутых линий, некоторые из них соединяются (рис. 3, 2а, б). На втором участке с трудом прослеживаются две соединяющиеся вертикальные линии (рис. 3, 2вг). Между двумя этими мотивами сохранились красноватые пятна. Возможно, в древности рисунками была покрыта более значительная площадь скальной поверхности. В гроте Мадиян были обнаружены лишь нефигуративные мотивы, которые сложно интерпретировать однозначно. При проведении небольшой зачистки в предвходовой части грота были найдены два пластинчатых отщепы.

Грот Шахты II был обнаружен на расстоянии около 1 км севернее знаменитого грота Шахты (см. рис. 1). В связи с тем что новые рисунки находятся в непосредственной близости от памятника Шахты у подножья этого же хребта, новый пункт был назван Шахты II (рис. 3, 6). Грот имеет полуовальную форму, ориентирован на юго-запад. Он расположен на высоте 3 950 м над у. м. Размеры грота: высота современного входа – 2,5–3 м, глубина – 3 м, ширина – 6 м. Стены неровные, на некоторых участках заметны кальцитовые образования. Рисунки нанесены на северной (фронтальной) и западной стенах. Учет изображений велся слева направо и сверху вниз. Были выделены верхний, средний и нижний уровни. На верхнем обнаружено 4 изображения, которые располагаются в один ряд на высоте около 2 м от пола. Первый мотив зафиксирован при входе в грот, в левом верхнем углу. Эта фигура овальной формы – самое крупное изображение на памятнике (рис. 3, 6а, г). Границы линий четко прослеживаются, верхняя половина рисунка уходит в потолок. Высота фигуры 38 см, ширина 18 см, ширина линий 2–3 см. Краска насыщенного бордового цвета.

Следующий мотив находится на этой же высоте, на расстоянии примерно 1 м в южной угловой части грота. Здесь отчетливо сохранились две параллельные линии, ориентированные вертикально (рис. 3, 6а, б). Длина сохранившегося фрагмента изображения 27 см. Интересно, что данный мотив располагается на границе изменения рельефа поверхности. Возможно, таким образом древний художник подчеркнул естественную форму скалы, напомнившую ему знакомый образ.

² Калибровка была сделана по базе INTCAL20 [Reimer et al., 2020] и OxCal, версия 4.4, с использованием доверительного интервала 95,4 %

На расстоянии около 35 см на том же уровне на фронтальной стенке зафиксирована горизонтальная линия, длина которой составляет 19 см, а ширина – 4–5 см, верхняя граница четко прослеживается, нижняя – расплывчатая (рис. 3, бд, е). С левой стороны контур линии был утрачен вместе со свежим сколом скальной корки. Справа окончание рисунка имеет относительно четкую границу, что указывает на отсутствие повреждений в этой части.

На расстоянии около 40 см на этой же высоте сохранилась фигура П-образной формы (рис. 3, бж, з). Длина изображения 21 см, длина «ножек» разная: 22 и 19 см. В обоих случаях «ножки» имели продолжение, которое было утрачено из-за выветривания, что подтверждается наличием микрофрагментов скальной поверхности с пигментом. Здесь же, на расстоянии 10 и 50 см, зафиксированы более крупные красные пятна. Это может свидетельствовать о том, что изначально высота П-образной фигуры составляла не менее 0,5 м.

В средней части стены только в одном месте зафиксирована концентрация сравнительно больших пятен краски. В остальном на разных участках фиксируются бессистемно расположенные мелкие красные точки. На нижнем уровне изображения зафиксированы ближе к северному углу грота, на высоте 0,5 м от дневной поверхности. Здесь отмечаются большие красные пятна, которые, вероятно, изначально образовывали сплошную горизонтальную линию.

В гроте Шахты II рисунки располагаются на высоте от 0,5 до 2 м от уровня дневной поверхности практически до самого потолка грота. Исходя из этого можно предположить, что в древности рисунками была покрыта более значительная площадь стен. На данный момент все зафиксированные изображения в пункте Шахты II можно отнести к геометрическим мотивам, однако большинство из них сохранились фрагментарно. Характер рельефа стен указывает на интенсивную десквамацию, в результате которой утрачены фрагменты некоторых рисунков. Нельзя исключать, что эти же естественные процессы выветривания стали причиной утраты и других изображений.

Грот Шакарак находится примерно в 13 км юго-восточнее пункта Шахты II, на правой стороне по дороге в долину р. Истык до перевала, недалеко от урочища Шакарак. Объект располагается у подножия растянувшегося с юга на север хребта на высоте 4 150 м над у. м.

В центре грота, в нижней части скалы отчетливо сохранилось большое пятно красного пигмента (рис. 3, 4). Трудно установить, что именно изображено, но фиксируется линия шириной 3–4 см и длиной 15 см. Судя по мелким красным пятнам, разбросанным ниже и выше рисунка, на плоскости могло быть выполнено больше изображений, которые, к сожалению, не сохранились.

Как опубликованные в середине XX в., так и недавние открытия памятников наскального искусства на Восточном Памире показывают, что в этом регионе наскальное искусство отличается своеобразием. Оно заключается в первую очередь в преобладании использования минеральных пигментов для создания изображений, что крайне редко встречается на территории Средней Азии. Кроме того, рисунки фиксируются на стенах навесов и небольших пещер, что может быть обусловлено либо намеренным выбором древних художников, либо лучшей сохранностью защищенных участков скалы по сравнению с открытыми плоскостями. Хотя хронологическая атрибуция многих наскальных изображений Восточного Памира остается под вопросом (Шахты, Куртеке, Найзаташ), исследователи считают их ранними и относят к каменному веку [Ранов, 2016, с. 43–44, 51–54, 56–57, 59–60].

Дискуссия

Как показывают исследования наших предшественников, большой проблемой является поиск аналогий с рисунками Восточного Памира в наскальном искусстве сопредельных территорий. Это связано во многом со своеобразием рассматриваемых памятников и воспроизведенных на них образов. Часто делается акцент именно на приемах создания изображений – нанесение росписей на стенах гротов минеральными красителями (см. например, [Мосолова,

1983, с. 28]). Эту особенность не стоит считать достаточным основанием для подтверждения древнего возраста рисунков. Ведь по всему миру известно немало примеров поздних изображений, выполненных и в пещерах, и при помощи минеральных пигментов (поздний пласт в пещере Руффињак (Дордонь, Франция), Кавказская писаница (Минусинский район Красноярского края, Россия) и мн. др.) [Chevillot et al., 2019; Миклашевич, Солодейников, 2013].

Прямых аналогий в наскальном искусстве Средней Азии с рисунками Восточного Памира пока не известно. Поэтому особенно важно обратиться к общему археологическому контексту, что позволит обозначить возможные культурные связи между населением рассматриваемой территории и соседних регионов. Таким образом, можно наметить основные направления для более детального поиска аналогий.

Согласно предложенным ранее построениям, территория Восточного Памира могла быть заселена в период верхнего палеолита. Находки этой эпохи были представлены единичными артефактами, найденными вне контекста. Множество стратифицированных объектов исследователями однозначно относились к эпохе раннего голоцена, и именно этот период был признан всеми исследователями как время начального заселения Восточного Памира [Ранов, 1975].

В 2017 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН в рамках серии международных проектов было возобновлено изучение высокогорных памятников Центральной Азии, и проводилось изучение археологических объектов на территории Восточного Памира. Работы на высокогорном Памирском плато были сосредоточены на изучении Истыкской пещеры. Данные именно этого объекта важны в контексте настоящего исследования, поскольку памятник располагается в непосредственной близости от Пещеры им. В. А. Жукова и в 20 км от гротов Шакарар, Шахты, Шахты II и Куртеке.

В Истыкской пещере выделяется два культурных горизонта, которые относятся к каменному веку. В контексте раскрытия вопросов наиболее раннего присутствия человека в регионе особый интерес представляют материалы нижнего горизонта, который датируется в пределах 13,8–10 тыс. л. н. [Shnaider et al., 2020]. Второй культурный горизонт характеризуется преобладанием микропластинчатого расщепления. Аналогичные индустрии известны на севере Восточного Памира на памятнике Ошхона и на археологических объектах вдоль р. Маркансу. Для Ошхоны в настоящий момент получена серия радиоуглеродных датировок в пределах 8,6–7,2 тыс. л. н. [Fedorchenko et al., 2020].

Таким образом, последние данные о времени начала заселения человеком Восточного Памира не противоречат гипотезе об отнесении некоторых изображений в гротах к каменному веку. Результаты проведенных археологических раскопок на памятниках наскального искусства Куртеке и Пещера им. В. А. Жукова также не противоречат этой гипотезе. Серия имеющихся радиоуглеродных датировок для грота Куртеке укладывается в диапазон 13,5–3,5 тыс. л. н. [Жилич и др., 2019]. Датирование нижнего горизонта Пещеры им. В. А. Жукова показало, что она могла быть доступна для человека уже 11,2–10,7 тыс. л. н.

Заключение

Новые данные о времени заселения Восточного Памира являются косвенными аргументами в пользу возможной датировки наскальной живописи на этой территории каменным веком. За последние годы увеличилось количество памятников наскального искусства региона, репертуар которых по большей части можно отнести к геометрическим символам. В ряде случаев это может быть связано с тем, что сохранились лишь фрагменты рисунков, и нельзя исключать, что изображения первоначально выглядели иначе. С другой стороны, некоторые росписи хорошей сохранности были намеренно выполнены неfigurативными (например, Пещера им. В. А. Жукова).

Новые методы работы с плохо сохранившимися изображениями позволяют сформировать гораздо более детальное представление о наскальных изображениях, что дает дополнительные материалы для понимания более масштабных процессов заселения Восточного Памира.

Список литературы

- Жилич С. В., Шнайдер С. В., Рудая Н. А.** К вопросу о выделении пыльцы культурных злаков на археологических памятниках на примере памятника Куртеке (Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 388–395. DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.388-395
- Миклашевич Е. А., Солодейников А. К.** Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.
- Мосолова Л. М.** К вопросу о датировке пещеры Ак-Чункур // Культура и искусство Киргизии: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Л., 1983. С. 27–29.
- Ранов В. А.** Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире // Археологические работы в Таджикистане. 1960. № 8. С. 6–26.
- Ранов В. А.** Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г. // Археологические работы в Таджикистане. 1961а. Вып. 6 (1958 год). С. 31–35.
- Ранов В. А.** Рисунки каменного века в гроте Шахты // СЭ. 1961б. № 6. С. 70–81.
- Ранов В. А.** Следы писаниц в навесе Куртеке // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1964. Т. 96, вып. 1. С. 67–69.
- Ранов В. А.** Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. М., 1975. С. 137–167.
- Ранов В. А.** Бегущие по скалам: наскальные рисунки Памира. Душанбе: Дониш, 2016. 412 с.
- Ранов В. А., Гурский А. В.** Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // СЭ. 1966. № 2. С. 110–119.
- Солодейников А. К.** Методы работы с плохо различимыми цветными изображениями // Universum Humanitarium. 2020. № 1. С. 214–231.
- Chevillot Ch., Plassard F., Hiliart E., Geneviève V., Rolland J.** Rouffignac, une grotte-sanctuaire du IIe Âge du Fer. *Documents d'Archéologie et d'Histoire Périgourdines*, 2019, vol. 34, pp. 117–152.
- Fedorchenko A. Yu., Taylor W. T. T., Sayfullov N. N., Brown S., Rendu W., Krivoschapkin A. I., Douka K., Shnayder S. V.** Early occupation of High Asia: New insights from the ornaments of the Oshhona site in the Pamir mountains. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 174–187.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., Plicht J. van der, Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S.** The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 2020, vol. 62, pp. 725–757. DOI 10.1017/RDC.2020.41
- Shnayder S. V., Kolobova K. A., Filimonova T. G., Taylor W., Krivoschapkin A. I.** New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 139–154. DOI 10.1016/j.quaint.2018.10.001

References

- Chevillot Ch., Plassard F., Hiliart E., Geneviève V., Rolland J.** Rouffignac, une grotte-sanctuaire du IIe Âge du Fer. *Documents d'Archéologie et d'Histoire Périgourdines*, 2019, vol. 34, pp. 117–152.
- Fedorchenko A. Yu., Taylor W. T. T., Sayfulloev N. N., Brown S., Rendu W., Krivoschapkin A. I., Douka K., Shnayder S. V.** Early occupation of High Asia: New insights from the ornaments of the Oshhona site in the Pamir mountains. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 174–187.
- Miklashevich E. A., Solodeinikov A. K.** Novye vozmozhnosti dokumentirovaniya naskal'nykh izobrazhenii, vypolnennykh kraskoi (na primere Kavkazskoi pisanitsy v Minusinskoi kotlovine) [New possibilities for documenting painted rock art images (by the example of Kavkazskaya rock art site in the Minusinsk basin)]. *Nauchnoe obozreniye Sayano-Altaya* [Sayan-Altay Scientific Review], 2013, no. 1 (5), pp. 176–191. (in Russ.)
- Mosolova L. M.** K voprosu o datirovke peshchery Ak-Chunkur [To the problem of dating of Ak-Chunkur cave]. In: *Kul'tura i iskusstvo Kirgizii* [Culture and art of Kyrgyzia]. Abstracts of All-Union scientific conference. Leningrad, 1983, pp. 27–29. (in Russ.)
- Ranov V. A.** Raskopki pamyatnikov pervobytno-obshchinnogo stroya na Vostochnom Pamire [Excavations of hunters-gatherers sites in East Pamir] *Arheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archeological jobs in Tajikistan], 1960, no 8, pp. 6–26. (in Russ.)
- Ranov V. A.** Izuchenie pamyatnikov kamennogo veka na Vostochnom Pamire v 1958 g. [Studies of Stone age Rock art sites in Eastern Pamir in 1958]. *Arheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tadjikistan], 1961, no. 6 (1958), pp. 31–35. (in Russ.)
- Ranov V. A.** Risunki kamennogo veka v grote Shahty [Stone age paintings in Shakhty rockshelter]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1961, no. 6, pp. 70–81. (in Russ.)
- Ranov V. A.** Sledy pisanits v navese Kurteke [Traces of paintings on Kurteke rockshelter]. *Izvestiya vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [News of the All-Union Geographic Society], 1964, vol. 96, no. 1, pp. 67–69. (in Russ.)
- Ranov V. A.** Pamir i problema zaseleniya vysokogornoy Azii chelovekom kamennogo veka [Pamir and the problem of colonization of Asian highlands by the Stone Age humans]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Moscow, 1975, pp. 137–167. (in Russ.)
- Ranov V. A.** Begushchie po skalam: naskal'nye risunki Pamira [Running on the Rocks: rock paintings of Pamir]. Dushanbe, Donish Publ., 2016, 412 p. (in Russ.)
- Ranov V. A., Gurskiy A. V.** Kratkij obzor naskal'nykh risunkov Gorno-Badakhshanskoj avtonomnoj oblasti Tadzhikskoj SSR [Brief overview of rock art in Gorno-Badakhshan Autonomous region of Tadjik SSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1966, no. 2, pp. 110–119. (in Russ.)
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., Plicht J. van der, Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S.** The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 2020, vol. 62, pp. 725–757. DOI 10.1017/RDC.2020.41
- Shnayder S. V., Kolobova K. A., Filimonova T. G., Taylor W., Krivoschapkin A. I.** New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 139–154. DOI 10.1016/j.quaint.2018.10.001
- Solodeinikov A. K.** Metody raboty s plokhimi razlichimymi tsvetnymi izobrazheniyami [Methods of revealing of painted rock art images]. *Universum Humanitarium*, 2020, no. 1, pp. 214–231. (in Russ.)

Zhilich S. V., Shnayder S. V., Rudaya N. A. K voprosu o vydelenii pyl'tsy kul'turnykh zlakov na arkhelogicheskikh pamyatnikakh na primere pamyatnika Kurteke (Tadzhikistan) [Palynological Evidence of Cultivated Grain Crops at the Archaeological Site of Kurteke (Tajikistan)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij* [The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Cross-Border Regions], 2019, vol. 25, pp. 388–395. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.388-395

Информация об авторах

Лидия Викторовна Зоткина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Бобомулло Саидмуродович Бобомуллоев, научный сотрудник
Алексей Константинович Солодейников, научный сотрудник
Ирина Васильевна Аболонкова, кандидат исторических наук, заведующий отделом
Светлана Владимировна Шнайдер, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Нуритдин Назурлоевич Сайфулоев, кандидат исторических наук, заведующий отделом

Information about the Authors

Lydia V. Zotkina, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher
Bobomullo S. Bobomulloev, Senior Researcher
Alexey K. Solodeynikov, Researcher
Irina V. Abolonkova, Candidate of Sciences (History), Head of Department
Svetlana V. Shnaider, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher
Nuritdin N. Sayfulloev, Candidate of Sciences (History), Head of the Department

*Статья поступила в редакцию 11.01.2021;
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 11.01.2021;
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-73-85

Костяные изделия развитого и позднего бронзового века с поселения Жарково-3 (степной Алтай)

Иван Александрович Вальков¹

Дмитрий Валентинович Папин²

Александр Сергеевич Федорук³

¹ Федеральный исследовательский центр угля и углехимии
Сибирского отделения Российской академии наук
Кемерово, Россия

^{2,3} Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

^{2,3} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ valkov.i@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-2104-5542>

² papindv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

³ fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

Аннотация

Обобщены результаты комплексного исследования коллекции костяных предметов поселения развитого – позднего бронзового века Жарково-3. Набор артефактов включает орудия труда, предметы вооружения, игры / культа. В процессе их изучения применялся комплексный подход, основой которого выступал трасологический метод. По своему функциональному назначению преобладающим оказался комплекс орудий, отражающий различные этапы обработки кожи и производства изделий из них. В результате изучения стратиграфии культурного слоя и имеющихся на памятнике объектов впервые для поселений степного Алтая осуществлена хронологическая дифференциация костяных орудий бронзового века. Коллекция костяных изделий поселения представлена двумя комплексами (развитого и позднего бронзового века), соотношенными с керамикой той или иной культурной традиции. Для предметов приводятся аналогии из археологических комплексов Алтая и сопредельных территорий.

Ключевые слова

бронзовый век, степной Алтай, поселение, артефакты из кости, косторезное дело, трасология

Для цитирования

Вальков И. А., Папин Д. В., Федорук А. С. Костяные изделия развитого и позднего бронзового века с поселения Жарково-3 (степной Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 73–85. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-73-85

Bone Artifacts of the Middle and Late Bronze Age from the Settlement Zharkovo-3 (Steppe Altai)

Ivan A. Valkov¹, Dmitriy V. Papin², Alexander S. Fedoruk³

¹ The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Kemerovo, Russian Federation

^{2,3} Altai State University Barnaul, Russian Federation

^{2,3} Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk, Russian Federation

¹ valkov.i@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-2104-5542>

² papindv@mail.ru, <https://orcid.org/000-0002-2010-9092>

³ fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

Abstract

Purpose. The settlement of Zharkovo-3 is of different archaeological periods and contains materials from the Middle and Late Bronze Age. This site is important for studying the bone industry of the Bronze Age of steppe Altai, since, as a result of its excavations, a representative collection of bone tools and products was obtained. Among the main tasks of the study was not only to clarify the technological features of the manufacture and functional purpose of objects, but also to link them to specific cultural and chronological complexes.

Results. A comprehensive study of bone artifacts has shown that objects of the developed Bronze Age are tools of leatherworking. Most of these are tools from the jaws of cattle, which were used to kneading the skin. For the Late Bronze Age, various types of products are characteristic: “tupiki” (blunt knives for kneading skins), scrapers, spatulas, needle holders, dart points, skates, etc. The raw material variety of tools for kneading skins made from the jaws of cattle, horses and sheep is of interest.

Conclusion. In the materials of the settlement of Zharkovo-3 we find various strategies for the use of bone raw materials. The overwhelming majority of products can be attributed to natural and partial modifications, during the manufacture of which the natural form of the bone is preserved in whole or in part. In the studied collection of bone objects, leatherworking tools clearly predominate. This situation is typical for the sites of the Bronze Age of the steppe and forest-steppe belts of Eurasia.

Keywords

Bronze Age, Steppe Altai, ancient settlement, bone artifacts, bone carving, traceology

For citation

Valkov I. A., Papin D. V., Fedoruk A. S. Bone Artifacts of the Middle and Late Bronze Age from the Settlement Zharkovo-3 (Steppe Altai). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 73–85. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-73-85

Введение

Поселение Жарково-3 расположено в центральной части Кулундинской степи в среднем течении Кулунды, на территории Баевского района Алтайского края. Памятник обнаружен в 2004 г. и изучался авторами в 2005–2010 гг. Раскопами общей площадью более 1 000 кв. м исследованы зольник, ряд ям и три сооружения. Полученные материалы датируют поселение периодом развитого и позднего бронзового века по региональной хронологии (XV–VIII вв. до н. э.).

На этапе раскопок удалось проследить планиграфические и стратиграфические особенности слоев и отдельных объектов, а последующий анализ керамики позволил соотнести их с конкретным периодом существования памятника. Это дало возможность рассмотреть иные категории находок, в частности костяные изделия, с привязкой к определенному хронологическому периоду и культурной традиции.

Методика исследования

Изучение изделий базировалось на комплексном анализе, в разных вариантах применявшемся отечественными и зарубежными исследователями (см. [Сапрына, 1989; Бородовский, 1997; Vitezović, 2016] и др.). Основу подхода составляет экспериментально-трасологический метод, разработанный и апробированный С. А. Семеновым [1957] для костяных предметов из археологических комплексов разных эпох. Также используется технологическая классификация костяных изделий, предложенная А. П. Бородовским [1997] и развитая в работах В. Б. Панковского [Pankowski, 2017]. Трасологические наблюдения и фиксация следов выполнялись с помощью микроскопа МБС-10 с установленной фотонасадкой.

Анализ и интерпретация материалов

В общей сложности изучаемая коллекция состоит из 93 предметов. В выборку включены целые вещи и идентифицированные по типу изделия фрагменты, заготовки.

Комплекс развитого бронзового века. Соотносится с андроновской (федоровской) археологической культурой. Представлен тупиками из челюстей КРС и их заготовками (14 экз.), модифицированным астрагалом МРС, костяным ножом, роговой заготовкой.

Комплекс культур позднего бронзового века. Вычлениются более ранний *саргаринско-алексеевский комплекс* (пять тупиков из челюсти КРС и один из челюсти лошади, два кочедыка, струг из ребра), *комплекс саргаринско-донгальского времени* (тупик из челюсти лошади, наконечник дротика, струг, модифицированный астрагал) и наиболее поздний *комплекс донгало-ирменского времени* (тупик из челюсти КРС, фрагмент конька, проколка). Целый ряд предметов можно связывать с позднебронзовым временем, но без уточнения этапа: 18 тупиков из челюсти КРС, пять тупиков из челюсти лошади, пять заготовок / отходов производства тупиков, восемь стругов, два игольника, два шпателя, по одному экземпляру – проколка, астрагал, скребок из лопатки МРС, тупик из челюсти МРС, заготовка струга или шпателя. Помимо вышеперечисленного 12 артефактов относятся к нестратифицированным объектам или не имеют точного шифра.

Индустрия развитого бронзового века. В связи со слабой изученностью продукции косторезного дела андроновской культуры на Алтае, набор из 17 предметов существенно дополняет имеющиеся сведения.

Основой коллекции являются тупики, изготовленные из ветвей нижней челюсти КРС. Для изготовления орудий использовались как левые (6 экз.), так и правые (7 экз.) ветви челюсти. При этом минимум в пяти случаях выполнено «зеркальное» оформление правых тупиков «под левые» (рис. 1, 1, 5). Аналогичная ситуация выявлена на поселении позднего бронзового века Кент в Центральном Казахстане [Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 221]. Суть такого технологического приема в том, что для тупиков из правых половин челюстей делается больший вырез не внутренней (медиальной), а внешней (латеральной) части заготовки. В итоге конструктивно они не слишком отличаются от левых. Это, вероятно, обусловлено особенностями удерживания орудия в руках или закрепления в станке, а также рациональным использованием сырья.

Тупики с поселения Жарково-3 обладают рядом примечательных технологических модификаций, обнаруженных только на орудиях, связываемых с андроновским слоем. Во-первых, на большей их части срезан и с помощью ножа выровнен челюстной угол и вся торцевая часть (рис. 1, 1, 5). Во-вторых, на месте челюстного угла двух предметов имеется прямоугольный вырез (рис. 1, 2, 7). В-третьих, в районе челюстного угла встречаются просверленные отверстия (рис. 1, 2, 6). Оформленные таким образом орудия известны на памятниках Центрального Казахстана [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 127–128; Усачук, Варфоломеев, 2013, рис. 1] и степного Алтая [Удодов, 1994, рис. 60, 1, 2]. Исследователи предполагают, что модификации в виде отверстий использовались для выравнивания плетеных вере-

вок и кожаных ремней [Сергеева, 2011, с. 78; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 164–165]. Однако при таком использовании отверстия подвергались бы сильному изнашивающему воздействию, чего мы не наблюдаем на имеющемся материале. Представляется, что здесь мы можем иметь дело с элементами жесткого крепления тупика в примитивном станке. Возможно, той же цели служили и торцевые вырезы.

Рис. 1. Комплекс костяных орудий развитого бронзового века с поселения Жарково-3:
1–3, 5–7 – тупики; 4 – костяной нож

Fig. 1. The complex of bone tools of the Middle Bronze Age from the settlement Zharkovo-3:
1–3, 5–7 – “tupik” (blunt knife for kneading skins); 4 – bone knife

Тупики могли использоваться как для размягчения и растягивания шкур и ремней, так и для удаления волосяного покрова. Но независимо от функции кинематика работы близка, а отличия наблюдаются в характере и топографии следов [Olsen, 2001, p. 197]. Для размягчения куски кожи или ремешки с усилием и интенсивностью неоднократно протягивали через дугообразный рабочий край тупика [Зайберт, 1993, с. 195–196]. Нередко можно встретить расхождения между определением тупиков как орудий для мездрения и размягчения кожи. В нашем случае весомым аргументом в пользу последнего варианта выступает форма рабочего края. Для основной массы тупиков Жарково-3 характерны крайне высокая степень износа, заполированность контактных с обрабатываемым материалом участков, в связи с чем они сильно затуплены. Поэтому как размягчители шкур такие орудия могли использоваться очень продолжительное время, поскольку острота рабочего края для них не была значимой и постоянная заточка не требовалась [Christidou, Legrand, 2005, p. 392].

Один артефакт, исходя из его морфологических признаков, определен нами как костяной нож (рис. 1, 4). Форма изделия напоминает очертания металлических ножей. Однако на лезвии были зафиксированы лишь технологические следы, а видоизменения от процесса какого-либо использования / ношения не выявлены. Поэтому перечень возможных сфер употребления мог быть крайне широк (резание шкур, волокон веревок, чистка рыбы и т. д.). Не исключено, что это еще одно орудие кожевенного производства. Похожие предметы известны в ирменских памятниках [Молодин, 1985, с. 127].

К андроновскому комплексу относится один шлифованный астрагал МРС. Таранные кости являлись ценным сырьем в различные исторические периоды и часто встречаются в комплексах всех периодов эпохи бронзы. Возможные функциональные назначения такой категории предметов рассмотрены нами ниже при описании комплекса поздней бронзы.

В целом все достоверно идентифицированные по функциональному назначению предметы андроновского комплекса относятся к орудиям кожевенного дела.

Индустрия позднего бронзового века. Представлена 64 предметами.

Орудия кожевенного дела. Так же, как и для развитой бронзы, характерно преобладание тупиков (32 экз.). Отмечается сырьевое разнообразие данной категории изделий: из челюсти КРС – 24 экз. (рис. 2, 6, 7); лошади – 7 экз. (рис. 2, 13); МРС – 1 экз. (рис. 2, 8). Для орудий из нижней челюсти КРС сторона ветви была определена только для 12 изделий (семь – из левых половин, пять – из правых). Как и в случае с тупиками андроновской культуры, восемь орудий из челюстей КРС имеют «зеркальное» оформление. Для тупика из челюсти МРС использована правая ветвь в естественной форме без предварительной обработки. Сторона ветви для изделий из челюсти лошади определена в одном случае (левая ветвь). Для алтайских степей тупики из нижней челюсти лошади являются более ранним вариантом и известны уже в материалах эпохи энеолита [Кирюшин, Гайдученко, 2016, с. 36–38, рис. 7, 1], что практически синхронно появлению изделий этого типа в Центральном Казахстане [Olsen, 2001]. Тупики из челюстей КРС, по нашим наблюдениям, в регионе появляются лишь в андроновское время.

Особый интерес в контексте изучения технологии изготовления тупиков имеет фрагмент заготовки с отпечатком бронзового топора (рис. 2, 14). По характеру профиля и заломов краев хорошо реконструируется форма орудия – лезвие шириной около 5 см с оформленными полукругом краями.

Тупик из челюсти МРС с сохраненной зубной системой и характерным износом, распространяющимся по телу челюсти и зубам (рис. 2, 8), впервые найден на территории региона. Г. Ф. Коробкова считает, что такие орудия были вариацией стругов из ребер, имеющих зубчатый рабочий край, и использовались в том числе для удаления мездры [Коробкова, 2001, с. 195]. Аналогичные орудия из челюстей КРС трактовались преимущественно как серпы для жатвы травы [Бородовский, 1989, с. 60]. В материалах развитого – позднего бронзового века Восточной Европы встречаются тупики с зубами (в том числе из челюстей МРС), применявшиеся именно для размягчения шкур [Choyke, Schibler, 2007, p. 59–61, fig. 15, 20, 21]. Для рассматриваемого предмета мы придерживаемся этой же интерпретации.

Для изготовления скребка была использована правая лопатка МРС, оформленная косой обрезкой крыла кости и удалением лопаточного гребня (рис. 2, 12). Находки скребков из лопаток редки для памятников бронзового века. Исключением является поселение раннего бронзового века Березовая Лука, где выявлено значительное количество фрагментов и целых орудий данного типа [Кирюшин и др., 2011, с. 56]. Такие орудия мы склонны считать скребками для обработки шкур. Аналогичным образом Г. Ф. Коробкова определяла орудия Джейтуна [Коробкова, 1960, с. 127]. Подтверждают такое назначение и исследования материалов бронзового века Восточной Европы [Choyke, Bartosiewicz, 2005, p. 136, fig. 6].

Рис. 2. Комплекс костяных предметов позднего бронзового века с поселения Жарково-3:
 1 – фрагмент конька; 2, 3 – модифицированные астрагалы; 4 – игольник; 5, 15 – кочедыки; 6, 7, 13 – фрагменты тупиков; 8 – тупик; 9 – наконечник дротика; 10 – шпатель; 11 – фрагмент струга; 12 – скребок; 14 – заготовка тупика с отпечатком бронзового топора

Fig. 2. The complex of bone tools of the Late Bronze Age from the settlement Zharkovo-3:
 1 – a fragment of a bone skate; 2, 3 - modified astragali; 4 – a needler; 5, 15 – weaving tools; 6, 7, 13 – fragments of blunt knives for kneading skins; 8 – “tupik”; 9 – arrowhead; 10 – a spatula; 11 – a fragment of a rib scraper; 12 – a scraper; 14 – a blank of «tupik» with an imprint of a bronze axe

Струги из ребер достаточно распространены как в комплексах бронзового века, так и в более ранних памятниках. Для изготовления стругов использовались плоские в сечении ребра крупного скота (КРС, лошадь). Орудия с Жарково-3 имеют оформленный подрезкой рабочий край, который несколько скруглялся в процессе работы (рис. 2, 11). Струги использовались, в отличие от тупиков, в активной позиции в таких операциях, как удаление мездры, мягчение шкур, сгонка волос [Килейников, 2009, с. 107–108]. Не имеющие следов абразивного воздействия орудия, очевидно, не использовались для сгонки волос. Существенно и то, что, как и в материалах поселения Кент, струги несут следы гораздо менее интенсивного, вероятно, эпизодического использования [Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 221].

Две имеющиеся в коллекции проколки различны по своей морфологии. Одна из них изготовлена на заостренном ножом обломке трубчатой кости. Вторая – из грифельной кости лошади с головкой кости, оформленной в виде наверхшия.

Из трубчатых костей (предположительно, МРС), сохранивших исходную форму, были изготовлены два костяных игольника (рис. 2, 4). Единственной технологической операцией здесь является обрезка эпифизов при вырезке трубки. Игольники выполняли функцию футляров, защищавших небольшие и хрупкие (возможно, костяные) иглы от поломок или потери. При этом подобные исследуемым экземплярам игольники, вероятно, использовались вместе с полоской кожи, продетой через костяную трубку, в которую вонзались иглы [Saliari, Draganits, 2013, p. 186–187, fig. 8].

К орудиям гончарного производства относятся два ребра, не имеющие следов обработки, которые были определены нами как шпатели по керамике. Оба орудия имеют четко локализованную зону яркой заполировки и линейных следов, направленных вдоль длинной оси орудия (рис. 2, 10). Вероятно, они использовались эпизодически, ввиду чего более интенсивный износ просто не сформировался. Показателен и сам характер износа на подобных орудиях. Исследователями отмечается тусклость заполировки, не проникающей глубоко в микро-рельеф, а также ее расположение в виде пятен [Илюшина и др., 2019, с. 28]. Аналогичные следы воздействия присутствуют на рассматриваемых предметах, но в менее развитом состоянии. Подобные костяные шпатели использовались для моделирования формы сосуда, выравнивания его поверхности, удаления с нее излишков сырья [Mărgărit, 2015, p. 2]. В последнее время и астрагалы всё чаще интерпретируются как орудия полировки керамических сосудов [Meier, 2013, p. 170; Mărgărit, 2015, p. 2, 7–8]. Характер поверхности значительной части обнаруженных астрагалов не исключает такую гипотезу (рис. 2, 3).

Орудия плетения. К группе отнесены два предмета, имеющие разнонаправленные следы, покрывающие рабочий край вместе со слабой заполировкой (рис. 2, 15). Наиболее интенсивно в обоих случаях изношена зона в 2–2,5 см от края, но слабые следы распространяются выше по оси орудия. Морфология орудий различна. В одном случае это скошенный, напоминающий крюк, рабочий край (рис. 2, 15). В другом – прямой. При этом важно отметить, что рабочий край не заострен (рис. 2, 5).

Охотничье вооружение. К данной группе относится фрагмент наконечника дротика (рис. 2, 9). Использование в качестве сырья трубчатой кости определило его подтреугольную форму со слегка округлой внешней стороной. Такое сечение изменяется лишь около уплощенного кончика черешка. Приемы, использовавшиеся при обработке, не ясны. В эпоху поздней бронзы костяные черешковые наконечники дротиков получили широкое распространение на территории Евразии. При этом аналогии жарковскому дротику в степном и лесостепном Алтае неизвестны.

Транспортные средства. Категория представлена фрагментом конька из пястной кости лошади (рис. 2, 1). В головке кости имеется просверленное отверстие диаметром 0,7 мм. В процессе изготовления применялись резание и строгание, с помощью чего были подготовлены нижняя (рабочая) и верхняя площадки (дорсальная и волярная стенки пясти), а также, предположительно, полировка. Ранее нами высказывалось предположение об использовании данного предмета в кожевенном деле [Вальков, Федорук, 2017], что во многом аргумен-

тировалось выводами С. А. Семенова [1957]. Хотя мы признаем возможность различного использования типологически сходных предметов, но склонны пересмотреть назначение жарковского конька в пользу изделия для катания по льду. Причиной этому стала переоценка нами полирующих свойств льда и особенностей кинематики движения костяных коньков при катании. Обоснование такого назначения к настоящему времени базируется на огромном массиве этнографических и экспериментально-трасологических данных (см. [MacGregor, 1976; Kuchelmann, Zidarov, 2005; Choyke, Bartosiewicz, 2005] и др.). Впрочем, это не отменяет прошлых наблюдений относительно мягкого неабразивного воздействия, возможно возникшего как результат полировки кож, поскольку могла производиться намеренная (технологическая) заполировка с целью уменьшения трения во время катания [Панковский, 2007, с. 237].

Обнаруженный фрагмент конька относится к выделенному В. Б. Панковским «садчиковскому» типу, который можно соотносить в основном с древностями бегазы-дандыбаевского круга [Панковский, 2006, с. 76, 79].

Предметы игры / культа. К этой группе можно отнести астрагал с вырезанным крестом (рис. 2, 2). В пользу этого свидетельствует слабое оформление шлифовкой сторон астрагала, отсутствие выраженного рабочего края. Обращает на себя внимание и предмет с небольшим просверленным отверстием, который, возможно, подвешивался в виде амулета (рис. 2, 3). Однако подвешиваться для удобства во время использования могло и орудие. Данный предмет имеет уплощенные шлифовкой латеральную и медиальную стороны, но следы на них однозначно интерпретировать не удалось.

Таким образом, индустрия позднего бронзового века представлена на памятнике не только большим количеством предметов, но и значительным разнообразием типов. Сближает две индустрии преобладание орудий кожевенного дела и, главным образом, тупиков. Однако технологические схемы последних для позднего бронзового века менее вариативны, что, очевидно, свидетельствует о выработке некоего стандарта производства таких орудий.

Заключение

В материалах поселения Жарково-3 мы встречаем различные стратегии использования костяного сырья. В процессе изготовления большинства предметов выборки целиком или частично сохраняется природная форма кости (тупики, ложила, струги, кочедыки, скребки, конек и др.). Такой подход указывает на стремление максимально использовать естественные морфологические характеристики костного сырья при минимальных временных затратах [Панковский, Фидельский, 2018, с. 158]. Этим же объясняется характерное для памятников бронзового века Алтая малое количество отходов косторезного производства и брака. Но это не свидетельствует о примитивизме изделий, их изготовление требовало знаний особенностей сырья и технологических схем изготовления предметов. При этом процесс носил подсобный по отношению к другим домашним промыслам характер. Стоит обозначить и то, что технологические схемы производства таких изделий, как тупики или коньки, были широко распространенными, а одним из очагов активного использования этих орудий был Центральный и Восточный Казахстан, население которого в эпоху развитой – поздней бронзы неоспоримо оказывало культурное влияние на степной Алтай.

Полученные данные указывают, что предметы из кости были представлены в различных сферах жизни населения Жарково-3. Впрочем, если функциональная интерпретация одних категорий не вызывает сомнений, то для других возникают сложности. Наиболее дискуссионным является вопрос о назначении астрагалов, для которых непросто разграничивать следы обработки и утилизации, а также ввиду полифункциональности предметов в древних культурах.

В исследованной коллекции костяных предметов явно преобладают орудия кожевенного дела. Такая ситуация типична для памятников эпохи бронзы степного и лесостепного пояса

Евразии. Мы разделяем точку зрения, что в этот исторический период косторезное и кожевенное дело могли строго не разделяться [Панковский, 2000]. В связи с этим производство костяных орудий носило эпизодический характер и выполнялось мастером-кожевенником по мере необходимости. На это указывают и обнаруженные на поселении предметы, изготовление которых не требует серьезных косторезных навыков.

Список литературы

- Бородовский А. П.** К вопросу об использовании костяных орудий из ветвей нижних челюстей с зубами крупного рогатого скота (по материалам эпохи бронзы и раннего железа из Новосибирского Приобья) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 59–60.
- Бородовский А. П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
- Вальков И. А., Федорук А. С.** К вопросу о функциональном назначении костяных коньков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Вып. 23. С. 60–64.
- Зайберт В. Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: ИА НАН РК, 1993. 246 с.
- Илюшина В. В., Скочина С. Н., Кисагулов А. В.** Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы (по материалам поселения Бочанцево 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 21–35.
- Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж.** Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата, 1992. 246 с.
- Килейников В. В.** Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. С. 96–113.
- Кирюшин К. Ю., Гайдученко Л. Л.** Изделия из кости в материалах первого горизонта поселения эпохи энеолита Новоильинка-VI // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 3 (15). С. 25–43.
- Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А.** Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. Т. 2. 171 с.
- Коробкова Г. Ф.** Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы // Тр. Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1960. Вып. 10. С. 110–133.
- Коробкова Г. Ф.** Костяные струги и керамические орудия каменного века // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад: Подкова, 2001. С. 192–199.
- Молодин В. И.** Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 199 с.
- Панковский В. Б.** Подходы к изучению специализации и организационных форм косторезного и кожевенного производств в эпоху поздней бронзы // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 95–97.
- Панковский В. Б.** Коньки периода поздней бронзы как показатель культурогенеза // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 2006. С. 74–79.
- Панковский В. Б., Фидельский С. А.** Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи) // Древности. Исследования. Проблемы. Кишинев; Тирасполь, 2018. С. 147–164.
- Семенов С. А.** Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 237 с. (МИА № 54).

- Удодов В. С.** Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 200 с.
- Усачук А. Н., Варфоломеев В. В.** Костяные и роговые изделия поселения Кент (предварительный результат трасологического анализа) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 218–227.
- Панковський В. Б.** Кістяна і рогова індустрія з поселення сабатинівської культури Ново-григорівка // Матеріали та дослідження з археології Східної України № 7. Від неоліту до киммерійців. Луганськ, 2007. С. 234–243.
- Сергеева М. С.** Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ, КНТ, 2011, 256 с.
- Campana D. V.** Natufian and Protoneolithic bone tools: The Manufacture and Use of Bone Implements in the Zagros and the Levant. Oxford, Archaeopress, 1989, 156 p. (British Archaeological Reports, International Series. Vol. 494)
- Choyke A. M., Bartosiewicz L.** Skating with Horses: continuity and parallelism in prehistoric Hungary. *Revue De Paleobiologie*, 2005, Special vol. 10, pp. 317–326.
- Choyke A. M., Schibler J.** Prehistoric Bone Tools and the Archaeozoological Perspective: Research in Central Europe. In: *Bones as Tools: Current methods and interpretations in Worked Bone Studies*. BAR International Series № 1622. Oxford, Archaeopress, 2007, pp. 51–65.
- Christidou R., Legrand A.** Hide working and bone tools: experimentation design and applications. In: *From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth – Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present*. Tallinn, 2005, pp. 385–396.
- Kuchelmann H. C., Zidarov P.** Let's skate together! Skating on bones in the past and today. In: *From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present*. Tallinn, 2005, pp. 425–445.
- MacGregor A.** Bone Skates: A Review of the Evidence. *Archaeological Journal*, 1976, vol. 133, pp. 57–74.
- Mărgărit M.** Spatulas and abraded astragalus: Two types of tools used to process ceramics? Examples from the Romanian prehistory. *Quaternary International* 438(B), 2015, pp. 201–11. DOI 10.1016/j.quaint.2015.07.057
- Meier J.** More than Fun and Games? An Experimental Study of Worked Bone Astragali from Two Middle Bronze Age Hungarian Sites. In: *From these bare bones: raw materials and the study of worked osseous materials*. Oxford, 2013, pp. 166–173.
- Olsen S. L.** The Importance of Thong-Smoothers at Botai, Kazakhstan. In: *Crafting Bone: Skeletal Technologies through Time and Space*. Oxford, 2001, pp. 197–206. (BAR International Series 937)
- Pankowski V.** A systematic outline for the osseous industries in the north pontic palaeometallic age. *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences*, 2017, vol. 1 (4), pp. 146–152.
- Saliari K., Draganits E.** Early Bronze age bone tubes from the Aegean: archaeological context, use and distribution. *Archaeometrai Műhely*, 2013, no. 10 (3), pp. 179–192.
- Vitezović S.** Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija. Beograd, Srpsko arheološko društvo, 2016, 142 p.

References

- Borodovsky A. P.** Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoi Sibiri [Ancient bone carving of the South of Western Siberia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1997, 224 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P.** K voprosu ob ispol'zovanii kostyanykh orudii iz vetvei nizhnikh chelyustei s zubami krupnogo rogatogo skota (po materialam epokhi bronzy i rannego zheleza iz Novosibirskogo Priob'ya) [On the use of bone tools from the branches of the lower jaws with the teeth of cattle (based on the materials of the Bronze Age and Early Iron from the Novosibirsk

- Ob region)]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Archaeological research in Siberia]. Barnaul, 1989, pp. 59–60. (in Russ.)
- Campana D. V.** Natufian and Protoneolithic bone tools: The Manufacture and Use of Bone Implements in the Zagros and the Levant. Oxford, Archaeopress, 1989, 156 p. (British Archaeological Reports, International Series. Vol. 494)
- Choyke A. M., Bartosiewicz L.** Skating with Horses: continuity and parallelism in prehistoric Hungary. *Revue de paléobiologie*, 2005, Special vol. 10, pp. 317–326.
- Choyke A. M., Schibler J.** Prehistoric Bone Tools and the Archaeozoological Perspective: Research in Central Europe. In: *Bones as Tools: Current methods and interpretations in Worked Bone Studies*. BAR International Series; 1622. Oxford, Archaeopress, 2007, pp. 51–65.
- Christidou R., Legrand A.** Hide working and bone tools: experimentation design and applications. In: *From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth – Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present*. Tallinn, 2005, pp. 385–396.
- Ilyushina V. V., Skochina S. N., Kisagulov A. V.** Khozyaistvennaya i proizvodstvennaya deyatel'nost' naseleniya epokhi pozdnei bronzy (po materialam poseleniya Bochantsevo 1) [Economic and production activities of late Bronze age populations (on the basis of materials from the Bochantsevo-1 settlement)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2019, no. 2 (45), pp. 21–35. (in Russ.)
- Kadyrbaev M. K., Kurmankulov Zh.** Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoi Betpak-Daly) [The culture of the ancient cattle breeders and metallurgists of Sary-Arka (based on materials from the Northern Betpak-Dala)]. Alma-Ata, 1992, 246 p. (in Russ.)
- Kileinikov V. V.** Obrabotka shkur i vydelka kozhi u naseleniya epokhi bronzy v lesostepnom Podon'e [Processing of hides and leather dressing among the population of the Bronze Age in the forest-steppe Don region]. In: *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi* [Archeology of the Eastern European forest-steppe]. Voronezh, VSU Press, 2009, pp. 96–113. (in Russ.)
- Kiryushin K. Yu., Gaiduchenko L. L.** Izdeliya iz kosti v materialakh pervogo gorizonta poseleniya epokhi eneolita Novoilinka-VI [Articles of bones in the materials of the first layer Eneolithic settlement "Novoilinka-VI"]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2016, no. 3 (15), pp. 25–43. (in Russ.)
- Kiryushin Yu. F., Grushin S. P., Tishkin A. A.** Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleiskoi stepi [Berezovaya Luka – a Bronze Age settlement in the Aleiskaya steppe]. Barnaul, AltSU Press, 2011, vol. 2, 171 p. (in Russ.)
- Korobkova G. F.** Kostyanye strugi i keramicheskie orudiya kamennogo veka [Stone Age bone scrapers and ceramic tools]. In: *Kamennyi vek evropeiskikh ravnin: ob'ekty iz organicheskikh materialov i struktura poselenii kak otrazhenie chelovecheskoi kul'tury* [Stone Age European Plains: Objects Made of Organic Materials and Settlement Structure as a Reflection of Human Culture]. Sergiev Posad, Podkova, 2001, pp. 192–199. (in Russ.)
- Korobkova G. F.** Opredelenie funktsii kamennykh i kostyanykh orudii s poseleniya Dzheitun po sledam raboty [Determination of the functions of stone and bone tools from the Dzheitun settlement by traces of work]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmeniskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmen Archaeological Complex Expedition]. Ashkhabad, 1960, vol. 10, pp. 110–133. (in Russ.)
- Kuchelmann H. C., Zidarov P.** Let's skate together! Skating on bones in the past and today. In: *From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth – Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present*. Tallinn, 2005, pp. 425–445.
- MacGregor A.** Bone Skates: A Review of the Evidence. *Archaeological Journal*, 1976, vol. 133, pp. 57–74.
- Mărgărit M.** Spatulas and abraded astragalus: Two types of tools used to process ceramics? Examples from the Romanian prehistory. *Quaternary International* 438(B), 2015, pp. 201–11. DOI 10.1016/j.quaint.2015.07.057

- Meier J.** More than Fun and Games? An Experimental Study of Worked Bone Astragali from Two Middle Bronze Age Hungarian Sites. In: From these bare bones: raw materials and the study of worked osseous materials. Oxford, 2013, pp. 166–173.
- Molodin V. I.** Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk, Nauka, 1985, 199 p. (in Russ.)
- Olsen S. L.** The Importance of Thong-Smoothers at Botai, Kazakhstan. In: Crafting Bone: Skeletal Technologies through Time and Space. Oxford, 2001, pp. 197–206. (BAR International Series 937)
- Pankovsky V. B.** Kon'ki perioda pozdnei bronzy kak pokazatel' kul'turogeneza [Skates of the Late Bronze Age as an indicator of cultural genesis]. In: Proizvodstvennye tsentry: istochniki, "dorogi", areal rasprostraneniya [Production centers: sources, "roads", distribution area]. St. Petersburg, 2006, pp. 74–79. (in Russ.)
- Pankovsky V. B.** Kistyana i rogoва industriya z poselennya sabatinivs'koї kul'turi Novogrigorivka [Bone and horn industry from the settlement of Sabatyn culture Novohryhorivka]. In: Materiali ta doslidzhennya z arkhologii Skhidnoї Ukraїni no. 7. Vid neolitu do kimmeriitsiv [Materials and research on the archeology of Eastern Ukraine no. 7. From the Neolithic to the Cimmerians]. Lugansk, 2007, pp. 234–243. (in Ukr.)
- Pankovsky V. B.** Podkhody k izucheniyu spetsializatsii i organizatsionnykh form kostoreznogo i kozhevennogo proizvodstv v epokhu pozdnei bronzy [Approaches to the Study of Specialization and Organizational Forms of Bone Carving and Leather Manufacturing in the Late Bronze Age]. In: Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii [Archeology and ancient architecture of the Left-Bank Ukraine and adjacent territories]. Donetsk, Skhidnii vidavnychii dim, 2000, pp. 95–97.
- Pankovsky V. B., Fidelsky S. A.** Sistematizatsiya kostno-rogovoi industrii rannego zheleznogo veka Podnestrov'ya (na osnove kollektsii poseleniya Chobruchi) [Systematization of the bone-horn industry of the early Iron Age of the Dniester region (based on the collection of the Chobruchi settlement)]. In: Drevnosti. Issledovaniya. Problemy [Antiquities. Research. Problems]. Kishinev, Tiraspol, 2018, pp. 147–164. (in Russ.)
- Pankowski V.** A systematic outline for the osseous industries in the north pontic palaeometallic age. *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences*, 2017, vol. 1 (4), pp. 146–152.
- Saliari K, Draganits E.** Early Bronze age bone tubes from the Aegean: archaeological context, use and distribution. *Archaeometrai Műhely*, 2013, no. 10 (3), pp. 179–192.
- Semenov S. A.** Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneishikh orudii truda po sledam raboty) [Primitive technology (the experience of studying the oldest tools in the wake of work)]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1957, 237 p. (MIA № 54). (in Russ.)
- Sergeeva M. S.** Kistorizna sprava u Starodavn'omu Kievi [Bone carving in Ancient Kyiv]. Kiev, KNT, 2011, 256 p. (in Ukr.)
- Udodov V. S.** Epokha razvitoi i pozdnei bronzy Kulundy [The Age of the Middle and Late Bronze of Kulunda]. Cand. Histor. Sci. Syn. Diss. Barnaul, 1994, 200 p. (in Russ.)
- Usachuk A. N., Varfolomeev V. V.** Kostyanye i rogovye izdeliya poseleniya Kent (predvaritel'nyi rezul'tat trasologicheskogo analiza) [Bone and horn products from the Kent settlement (preliminary result of trace analysis)]. In: Begazy-dandybaevskaya kul'tura Stepnoi Evrazii [Begazy-Dandybaevo culture of Steppe Eurasia]. Almaty, 2013, pp. 218–227. (in Russ.)
- Valkov I. A., Fedoruk A. S.** K voprosu o funktsional'nom naznachenii kostyanykh kon'kov [On the question of the functional purpose of bone skates]. In: Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, Altai State Uni. Press, 2017, vol. 23, pp. 60–64. (in Russ.)
- Vitezović S.** Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija. Beograd, Srpsko arheološko društvo, 2016, 142 p.

Zaibert V. F. Eneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Eneolithic of the Ural-Irtysh interfluve]. Petropavlovsk, IA NAS Resp. Kazakhstan, 1993, 246 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Иван Александрович Вальков, инженер

Дмитрий Валентинович Папин, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Александр Сергеевич Федорук, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Information about the Authors

Ivan A. Valkov, Engineer

Dmitriy V. Papin, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher

Alexander S. Fedoruk, Candidate of Sciences (History), Researcher

Статья поступила в редакцию 11.03.2021;

одобрена после рецензирования 21.09.2021; принята к публикации 14.10.2021

The article was submitted 11.03.2021;

approved after reviewing 21.09.2021; accepted for publication 14.10.2021

Научная статья

УДК 902.21 + 903.023 + 903.33 + 903.42
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-86-97

Поселенческие комплексы эпохи палеометалла и Средневековья в верховьях р. Кулунигый (бассейн р. Большой Юган, ХМАО – Югра)

Дмитрий Александрович Бычков¹
Татьяна Михайловна Пономарева²

¹ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
Нефтеюганск, Россия

¹ bda.nsk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7646-9740>

² tmp-arch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1005-6177>

Аннотация

Территория Среднего Приобья включает множество небольших по масштабу и особенных по содержанию районов. Одним из таких является бассейн р. Большой Юган, отличающийся своеобразным ландшафтом и насыщенностью разновременными археологическими объектами. Широкая пойма этой реки, в приустьевой ее части, достаточно тщательно изучена несколькими поколениями исследователей. Но основное пространство поймы, изобилующее водотоками, реликтовыми озерами и грядово-холмистым рельефом, в настоящее время изучено лишь точечно.

В 2019 г. проведена археологическая разведка на данной территории, в ходе которой были получены исчерпывающие доказательства ее освоения древним населением начиная с финала каменного века. Сравнительный анализ методом аналогий обнаруженных фрагментов керамических сосудов позволил проследить устойчивые связи с археологическими комплексами на Барсовой Горе. Анализ ландшафтно-топографических особенностей расположения исследованных поселенческих комплексов и распространения на их территории археологических материалов позволил определить морфологические особенности археологизированных сооружений, возникших в разные эпохи.

Ключевые слова

Юган, Кулунигый, Когнентох, Унтыгигыйсап, энеолит, ранний железный век, Средневековье, поселение

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0007

Для цитирования

Бычков Д. А., Пономарева Т. М. Поселенческие комплексы эпохи палеометалла и Средневековья в верховьях р. Кулунигый (бассейн р. Большой Юган, ХМАО – Югра) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 86–97. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-86-97

© Бычков Д. А., Пономарева Т. М., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 86–97

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 86–97

Settlement Complexes of the Paleometall Era and the Middle Ages in the Upper Reaches of the Kulunigyi River (Basin of the Bolshoi Yugan River, KhMAO – Yugra)

Dmitry A. Bychkov¹, Tatyana M. Ponomareva²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Scientific and Production Association “Northern Archaeology – 1”
Nefteyugansk, Russian Federation

¹ bda.nsk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7646-9740>

² tmp-arch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1005-6177>

Abstract

Purpose. There are many secluded corners in the northern part of Western Siberia. The routes of modern explorers are determined by economic development projects and do not always cover remote areas. Archaeological exploration in the upper reaches of the Kulunigyi River made it possible to discover archaeological materials and objects – fragments of ceramic vessels on the territory of two settlement complexes. These materials made it possible to characterize the settlement complexes in terms of their cultural and chronological affiliation. This article is devoted to solving this problem.

Results. This article publishes archaeological materials originating from poorly explored territories. The analysis of materials is carried out by comparison using the analogy method. As a result, links with archaeological complexes located on the Barsova Gora near the city of Surgut are determined. These connections point to the time of the formation and development of the settlement complexes to which this article is devoted. Analysis of the location of archaeological materials on the territory of the studied settlement complexes made it possible to determine the morphological features of ruined structures that were erected at different stages of the development of this territory.

Conclusion. At present, the object complexes from the Barsova Gora occupy a central place in the material culture of the ancient societies of the Middle Ob region. Because the Barsova Gora stow is the cultural and geographical center of this ancient occumene. The materials published in this article reflect the forms of the same cultural phenomena, but on the periphery of the habitat of its carriers. This conclusion is very important for understanding the variability of ancient cultures in the vast area of the Middle Ob region. At the same time, we determine the main morphological characteristics of the settlement complexes that arose in the study area during the Eneolithic, Early Iron Age, and the Middle Ages. This information will be very useful when conducting archaeological exploration in the future.

Keywords

Yugan, Kulunigyi, Kognentokh, Untygigisap, Eneolithic, Early Iron Age, Middle Age, settlement

Acknowledgements

This work was carried out in accordance with the project no. 0329-2019-0007

For citation

Bychkov D. A., Ponomareva T. M. Settlement Complexes of the Paleometall Era and the Middle Ages in the Upper Reaches of the Kulunigyi River (Basin of the Bolshoi Yugan River, KhMAO – Yugra). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 86–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-86-97

Введение

Одним из наиболее активно исследуемых в настоящее время районов Западно-Сибирской равнины является среднее течение Оби. Обследование среднеобского бассейна и входящих в него притоков началось в 1970-е гг. и было ориентировано на участки, подлежащие хозяйственному освоению. В настоящей работе предлагаются к рассмотрению материалы, полученные при обследовании путем археологической разведки в полевом сезоне 2019 г. верхнего течения притока третьего порядка Средней Оби – реки Кулунигый.

Территория Среднего Приобья включает в себя долины рек, впадающих в Обь на участке ее субширотного течения. Одной из них является долина Большого Югана, привлекающая исследователей с конца XIX в. [Фефилова, 2008]. В левобережной части этой долины,

на удалении от 10,3 до 26,5 км к юго-юго западу от пос. Угут, протекает Кулунгый. Река начинается, вытекая из восточной части оз. Когнентох и сливаясь с р. Унтыгигыйсап к востоку от озера. Согласно ландшафтному зонированию, данная территория относится к озерно-болотной долине с грядово-холмистым (гривовым) рельефом (рис. 1). В данных ландшафтно-топографических условиях расположение археологических объектов приурочено к так называемым гривам – валам аккумулятивно-эрозионного генезиса, первоначально возникших в результате деятельности водотока и впоследствии перекрытых субэдральным покровом из перевеянных песков. Борты грив могут подниматься над окружающими их верховыми болотами на высоту от 1–2 до 3–5 м. В подножии грив нередко протекают относительно молодые водотоки, обеспечивая дренаж их поверхности и являясь доступным источником проточной воды для их обитателей в настоящее время и в древности.

Археологическое обследование данной части долины Большого Югана началось в 2000-е гг. и связано с хозяйственным освоением. В 2008 г. О. В. Кардашем был открыт поселенческий комплекс в левобережье р. Унтыгигыйсап, вблизи ее устья¹. В 2017 г. при обследовании южной части акватории оз. Когнентох было выявлено несколько поселенческих объектов (рис. 2). В полевом сезоне 2019 г. Томским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН на описанной выше территории проводились работы по выявлению новых объектов археологического наследия и уточнению сведений об известных ранее объектах, в том числе вышеупомянутых.

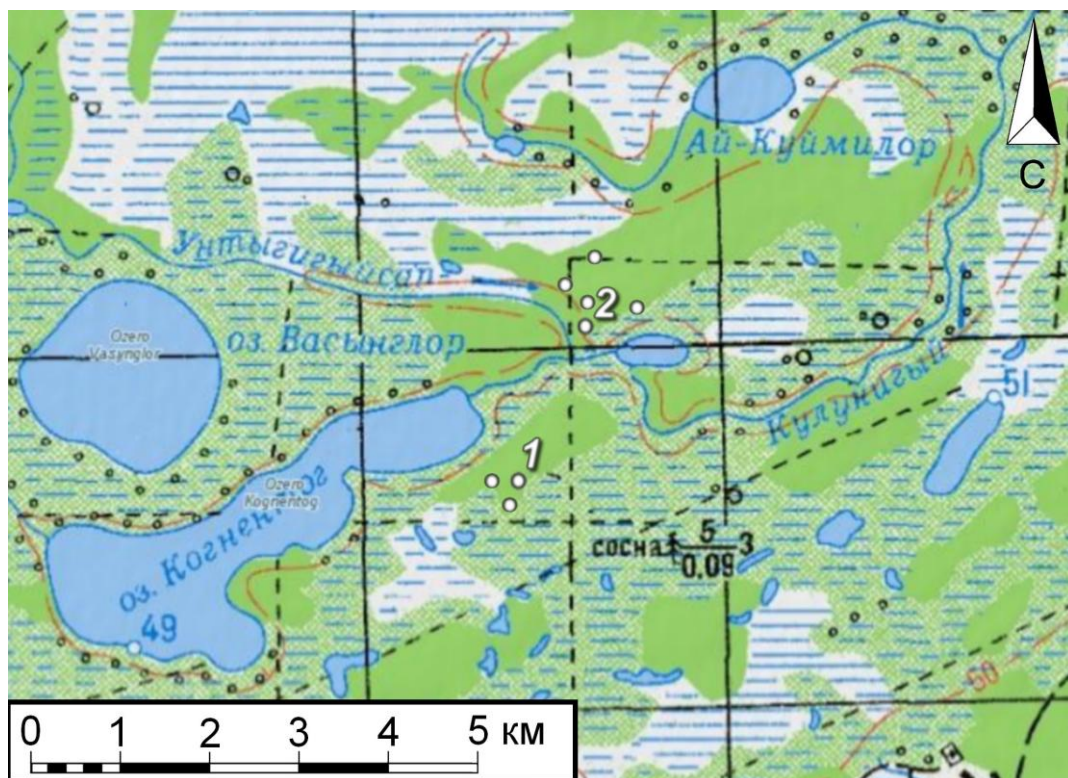

Рис. 1. Карта-схема расположения обследованных комплексов в ландшафте левобережной части долины р. Большой Юган: 1 – поселенческий комплекс в акватории оз. Когнентох; 2 – комплекс в левобережье р. Унтыгигыйсап

Fig. 1. Schematic map of the location of the surveyed complexes in the landscape of the left-bank part of the valley of the Bolshoy Yugan River: 1 – a settlement complex in the water area of Lake Koghentokh; 2 – a complex on the left bank of the Untygyysap River

¹ См. отчет: (Кардаш, 2008).

Рис. 2. Фотографии общего вида с БПЛА на гряды в акватории оз. Когнентох, на которых расположены археологические объекты: 1 – селище Когнентох-1; 2 – селище Когнентох-2; 3 – селище Когнентох-3; 4 – селище Унтыгигыйсап-2; 5 – селище Унтыгигыйсап-1; 6 – селище Унтыгигыйсап-4

Fig. 2. Photos of a general view from the UAV on the meanders scars in the water area of Lake Kognentokh, where archaeological sites are located: 1 – settlement Kognentokh-1; 2 – settlement Kognentokh-2; 3 – settlement Kognentokh-3; 4 – settlement Untyigigysap-2; 5 – settlement Untyigigysap-1; 6 – settlement Untyigigysap-4

Целью настоящей работы является определение характеристик двух поселенческих комплексов, расположенных в верховьях р. Кулунигый. Для этого ставятся задачи по анализу их пространственного расположения и внутренней структуры, культурно-хронологическая атрибуция археологического материала, обнаруженного на их территории. Поставленные задачи решаются в рамках историко-культурного подхода посредством применения к объектам

исследования комплекса методов, основой которого являются методы натурного обследования в рамках археологической разведки (в соответствии с действующими регламентами) и методы последующей обработки и визуализации полученных полевых данных. Культурно-хронологическая атрибуция археологических материалов проведена методом аналогий и сравнительного анализа морфологии предметов, их пространственного положения и технико-технологического описания.

Материалы

Поселенческий комплекс в северо-западной части акватории оз. Когнентох находится в юго-западной части гряды-останца, расположенной к востоку от озера. Состоит из трех селищ с одноименным названием (рис. 2, 1–3). В рамках настоящей работы наибольшее внимание уделяется селищу Когнентох-2. Оно занимает склоны двух грив, поросшие белошными сосновыми борами с кустарничками в подлеске (рис. 3). Селище состоит из трех впадин, окруженных обваловкой. Все они имеют оплывшую четырехугольную форму, глубину от 0,5 до 0,6 м и обваловку шириной до 2,0 м. Два сооружения расположены на расстоянии 10 м друг от друга, размер их углубленной части составляет 6,0 × 5,0 м и 6,0 × 6,0 м. Третье находится в 30 м южнее и отличается более крупными размерами углубленной части – 7,0 × 6,5 м. Выход из этого сооружения, предположительно, был обращен на запад. На территории селища также зафиксирован ряд небольших ям, их размеры варьируются от 1,5 × 1,5 до 4 × 4 м. Предполагается, что часть из них является хозяйственными сооружениями, связанными с селищем; образование остальных, скорее всего, обусловлено естественными причинами. Описанные выше археологизированные сооружения схожи по внешним параметрам, отличаются компактным расположением, находятся на удалении от иных археологических памятников и составляют единый культурно-хронологический комплекс.

Подъемный материал в составе 46 фрагментов керамики был обнаружен при осмотре выворотня к востоку от впадины № 4, вне видимых на поверхности сооружений. Все фрагменты были найдены в переотложенном оподзоленном песке с включениями небольших угольков и относятся к одному сосуду. Формовочная масса, из которой изготовлен сосуд, рыхлая с примесью шамота. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда хорошо заглажены орудием с мягким рабочем краем. Реконструируется верхняя треть сосуда. Он имел горшечную форму, диаметр устья составляет 20 см, толщина стенок 4–6 мм. Срез венчика приострен, шейка высокая, слегка отогнута наружу, плечико выпуклое, дно, судя по обнаруженным фрагментам, округлое и без орнамента. Сосуд декорирован гребенчатым штампом, основной бордюра расположен на плечике и представлен узором из взаимопроникающих треугольников. Венчик с внешней стороны декорирован рядами разнонаклонных оттисков гребенчатого штампа, по шейке проходит ряд округлых ямок, на тулове, ниже основного бордюра, находится «бахрома», представляющая собой ряд вертикальных оттисков гребенчатого штампа (рис. 4). Сосуд относится к вожпайскому типу керамики, который бытовал в Сургутском Приобье со второй половины IX до второй половины X в. [Карачаров, 2006, с. 146].

В левобережье р. Унтыгигыйсап, в юго-западной части гряды-останца, располагается комплекс из 6-ти поселенческих и хозяйственно-промысловых объектов (рис. 1, 2; 2, 4–6). Из данного комплекса наибольший интерес представляет селище Унтыгигыйсап-2, расположенное в юго-западной части гряды-останца на левом берегу одноименной реки и в 35 м к северо-востоку от ее русла (рис. 2, 4). Территория селища занимает южный участок гряды-останца и имеет площадь около 2 га. Она покрыта сосновым лесом: на вершине гряды – высокоствольным, у подножия гряды сосна имеет меньшие размеры и перемежается с кустарником, в нижнем ярусе – кустарнички, ягель, встречаются зеленые мхи.

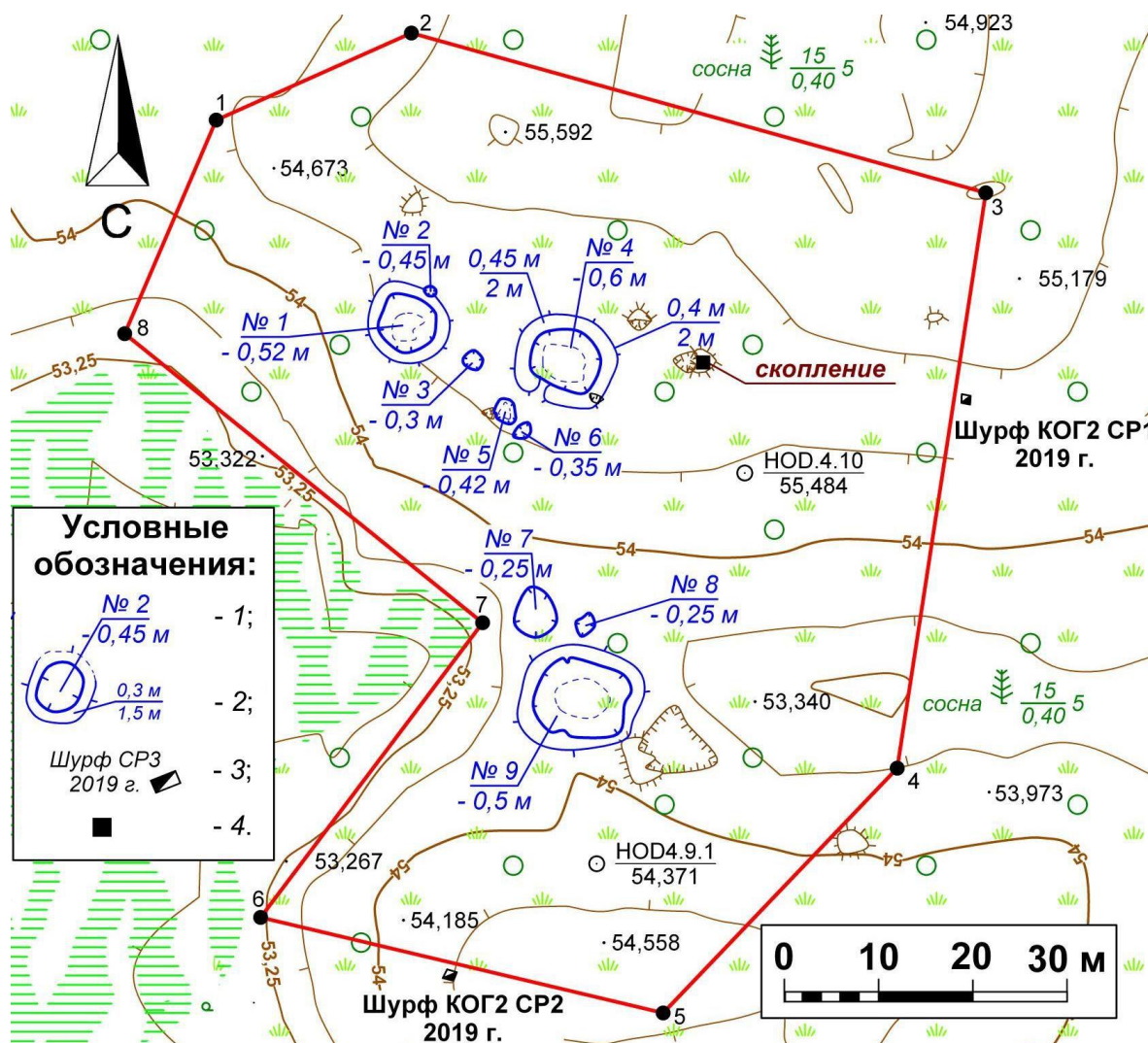

Рис. 3. Топографический план селища Когнентох-2 в масштабе 1 : 1000, сечение рельефа 0,5 м, система высот Балтийская. Условные обозначения: 1 – номер и глубина археологизированного сооружения; 2 – метрические параметры конструктивных элементов археологизированных сооружений; 3 – тип, обозначение и год закладки стратиграфического разреза без культурного слоя и археологических материалов; 4 – место сбора подъемного материала

Fig. 3. Topographic plan of the settlement of Kognentokh-2 on a scale of 1 : 1000, relief section 0.5 m, Baltic elevation system. Legend: 1 – number and depth of the ruined structure; 2 – metric parameters of structural elements of ruined structures; 3 – type, designation and year of the laying of the stratigraphic section without the cultural layer and archaeological materials; 4 – a place for collecting artefactual remains

В 2008 г. при осмотре мыса было зафиксировано 12 впадин; по подъемному материалу памятник датирован эпохой позднего бронзового века (Кардаш, 2008, с. 269). В ходе нового обследования выявлено 24 археологизированных сооружения. Они расположены тремя компактными группами. Первая находится на юго-восточной оконечности мыса, включает в себя четыре впадины. Впадины имеют овальную форму и размеры 5,0–6,5 × 4,5×5,0 м. Контуры впадин сильно заплыли: только у одной из них видна обваловка с одной стороны. Недалеко от них зафиксировано 4 небольшие ямы, расположенные без видимой системы. Их размеры находятся в пределах от 1,0 × 1,0 м до 3,0 × 3,5 м, глубина – от 0,3 до 0,47 м.

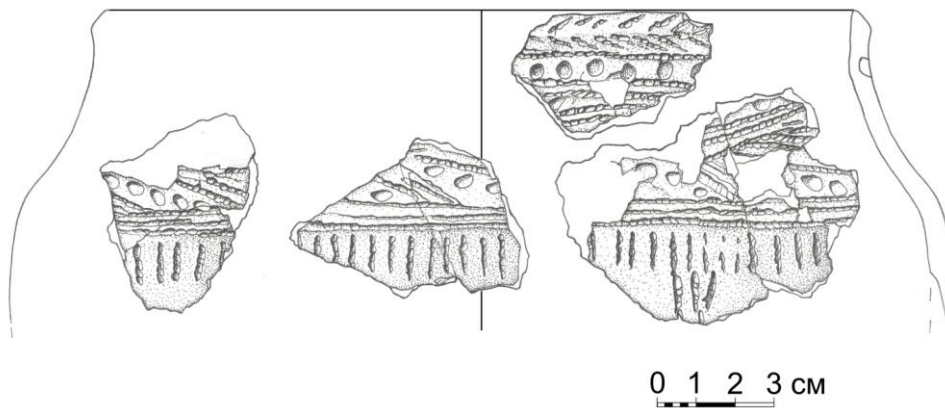

Рис. 4. Схема реконструкции сосуда возжпайского типа с селища Когнентох-2
 Fig. 4. Scheme of reconstruction of a Vozhpai-type vessel from the Kognentokh-2 settlement

Вторая группа сооружений тяготеет к западной части мыса и располагается на подошве гривы в центральной части гряды. Эти участки пострадали от современной хозяйственной деятельности – здесь установлен вагончик-вахтовка, частично вытоптана и повреждена поверхность. Группа археологических сооружений включает 14 впадин. Среди них 5 округлых впадин без обваловки, которые по своим параметрам аналогичны описанным выше – их размеры от $4,7 \times 5,4$ до $6,3 \times 9$ м, глубина – от 0,3 до 0,52 м. Четыре удалены от края гривы на 20–30 м, одна – на 91 м. Между ними расположены две небольшие впадины с обваловкой овальной формы (№ 6 и 18) и размерами $3,9 \times 5,1$ м и $4,4 \times 5,3$ м соответственно. Одна из них окружена тремя небольшими внешними ямами, непосредственно примыкающими к внешней границе обваловки.

Мысовидный выступ на юго-западной окраине гривы занимает крупная впадина с обваловкой четырехугольной формы (№ 12), ее размеры 8×8 м. В подножии юго-восточной части обваловки этого сооружения обнаружено техногенное нарушение, при осмотре отвала которого собрано 7 фрагментов керамических сосудов (рис. 5, 6; рис. 6, 1, 2). Они изготовлены из плотного теста, на внешней и внутренней поверхностях имеются следы заглаживания зубчатым шпателем. Фрагменты стенок имеют толщину 4–6 мм, а единственный фрагмент венчика сосуда – 5–8 мм. Орнаментированы фрагмент венчика и один из фрагментов тулова. Фрагмент венчика небольшой, диаметр устья сосуда определить не удалось. Срез венчика плоский, декорирован наклонными оттисками гребенчатого штампа с крупными зубцами. Венчик немного отогнут наружу и утолщен с внешней стороны, шейка короткая с рядом сквозных округлых вдавлений. На внешней стороне венчика и на плечике имеются ряды оттисков фигурного штампа – «уточки» или «волны». Фрагмент тулова декорирован горизонтальным зигзагом из оттисков гребенчатого штампа и овальными вдавлениями под ним, сгруппированными по три. Фрагменты сосудов находят аналогии в комплексах белоярской культуры раннего железного века [Челякин, 2008, с. 161–163, рис. 55–57; Бельтикова и др., 2002, с. 239–241].

Третья группа археологических сооружений включает две впадины, расположенные на северной окраине памятника. Их размеры $2,2 \times 1,5$ и $2,0 \times 1,7$ м, глубина 0,2 и 0,32 м соответственно.

Помимо этого на территории селища располагаются два промысловых сооружения в виде округлых в плане впадин с четко выраженными краями и обваловкой по периметру (рис. 5, 3). Визуально определяемые различия в морфометрии данных сооружений и впадин селища Унтыгигыйсап-2 являлись достаточным основанием для выделения их в отдельный объект археологического наследия – группу ловчих ям Унтыгигыйсап-5.

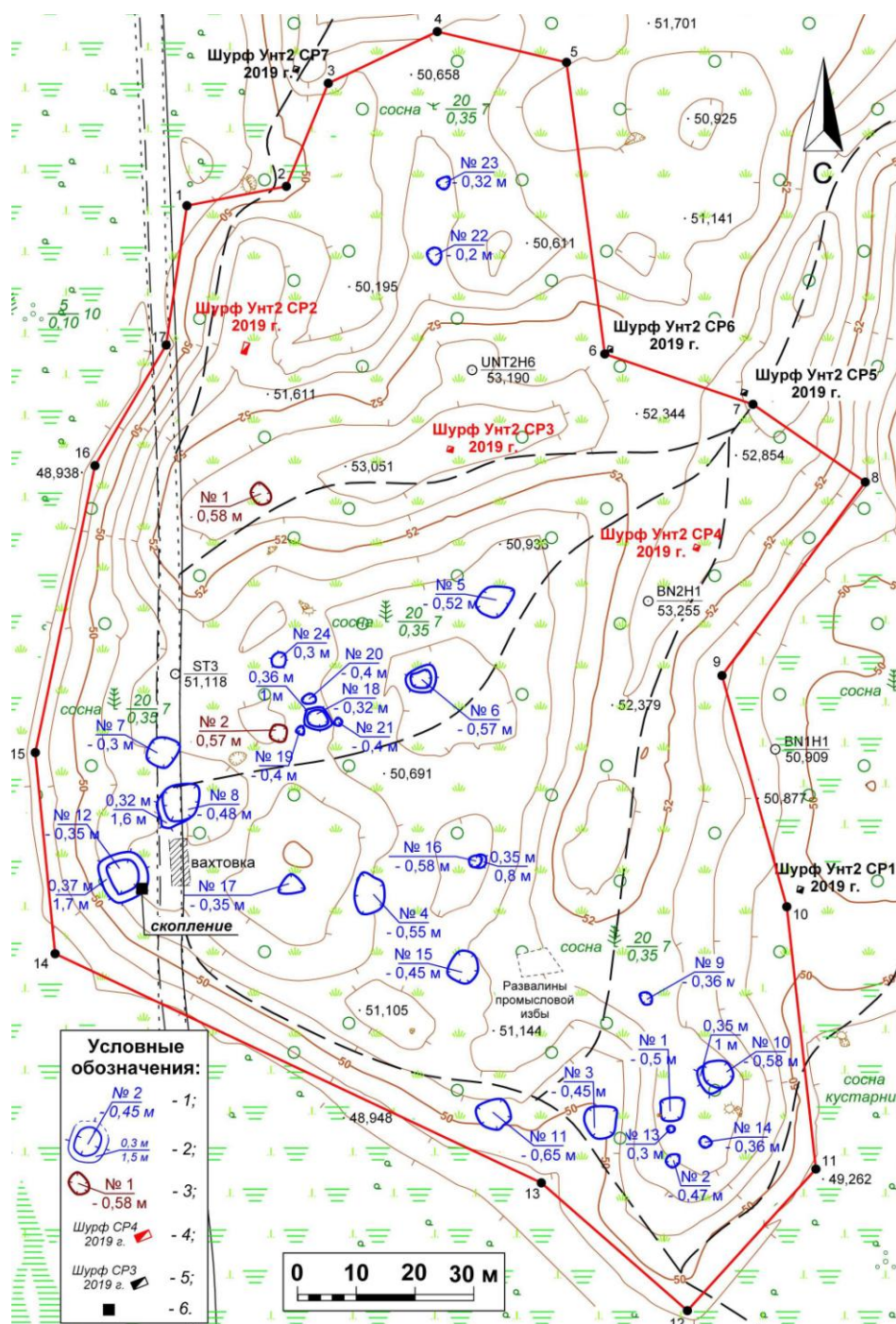

Рис. 5. Топографический план селища Унтыгигисап-2 в масштабе 1 : 1000, сечение рельефа 0,5 м, система высот Балтийская. Условные обозначения: 1 – номер и глубина археологизированного сооружения; 2 – метрические параметры конструктивных элементов археологизированных сооружений; 3 – промысловые сооружения; 4 – тип, обозначение и год закладки стратиграфического разреза с культурным слоем и археологическими материалами; 5 – тип, обозначение и год закладки стратиграфического разреза без культурного слоя и археологических материалов; 6 – место сбора подъемного материала

Fig. 5. Topographic plan of the settlement of Untyigigisap-2 on a scale of 1 : 1000, relief section 0.5 m, Baltic height system. Legend: 1 – number and depth of the ruined structure; 2 – metric parameters of structural elements of ruined structures; 3 – hunting constructions; 4 – type, designation and year of laying of a stratigraphic section with a cultural layer and archaeological materials; 5 – type, designation and year of laying of a stratigraphic section without a cultural layer and archaeological materials; 6 – a place for collecting artefactual remains

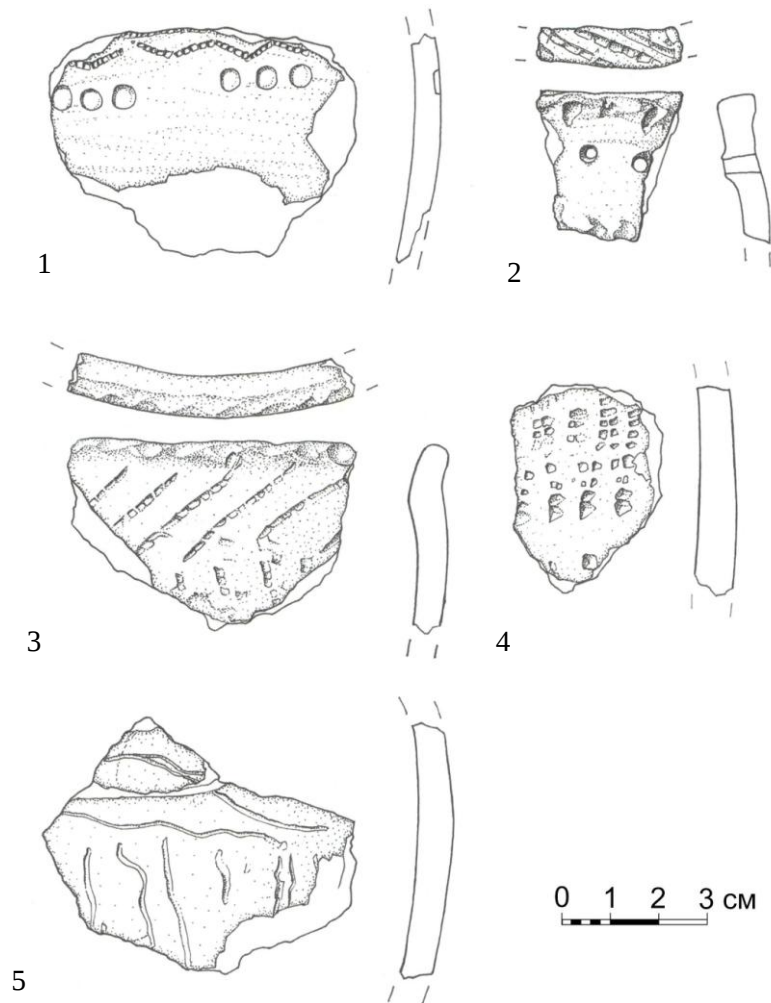

Рис. 6. Фрагменты керамических сосудов с селища Унтыгигыйсап-2, найденные: 1, 2 – в скоплении 1; 3, 4 – в шурфе CP4; 5 – в шурфе CP2

Fig. 6. Fragments of ceramic vessels from the settlement of Untyigigysap-2, found: 1, 2 – in cluster 1; 3, 4 – in the pit CP4; 5 – in the pit CP2

Для определения наличия культурного слоя на периферии селища, на расстоянии более 25 м к северо-востоку от визуально определимых археологизированных сооружений, были заложены две линии шурфов. Шурфы первой линии (CP2, CP3 и CP4) заложены на площадках гривы на расстоянии свыше 25 м от сооружений № 1 группы ловчих ям Унтыгигыйсап-5 и № 5 селища Унтыгигыйсап-2 (рис. 5, 4). Шурфы второй линии закладывались на расстоянии более 30 м от первой и располагались по склонам исследуемого геоморфологического тела (рис. 5, 5). В полученных стратиграфических профилях наблюдались следующие почвенные горизонты:

- 1) дерново-почвенный слой, мощностью 0,05–0,07 м, который включал корни растений;
- 2) серый оподзоленный песок, мощностью 0,15–0,2 м, включающий корни растений, отдельные и конкретизированные угольки;

3) светло-рыжая охристая супесь, вероятно, окрашенная минеральным пигментом. Мощность от 0,05–0,07 до 0,35 м. В толще слоя обнаружены археологические материалы. Нижняя граница слоя слабо выражена, размыта;

4) светло-желтая супесь мощностью от 0,3 до 0,45 м пронизывается затеками вышележащих слоев, которые сопровождаются конкрециями ожелезненного песка;

5) серовато-бежевый песок мощностью от 0,25–0,3 до 0,45–0,7 м, на кровле которого заканчиваются активные почвообразовательные процессы и начинается переход к почвообразующей породе. В толще слоя прослеживается горизонтальная микростроистость;

6) ожелезненный песок в виде конкреций встречается во всех описываемых слоях и сопровождает затеки оподзоленного песка в толщу нижележащих слоев;

7) углистые прослои, залегающие в подошве дерново-почвенного покрова и в толще оподзоленного песка. В шурфах первой линии обнаружены фрагменты керамических сосудов, залегающие в светло-рыжей супеси, содержащей охристый горизонт, вероятно, окрашенный минеральным пигментом (рис. 5, 4).

В шурфе СР4 обнаружены фрагменты венчика и стенки сосуда (рис. 6, 3, 4). Фрагменты изготовлены из плотного теста с примесью шамота, внешняя и внутренняя стенки хорошо заглажены орудием с мягким рабочим краем. Венчик имеет диаметр 24 см и толщину стенок 5–6 мм, срез округлой формы, короткую шейку, которая немного отогнута наружу. Фрагмент венчика декорирован по внешнему краю среза рядом неглубоких вдавлений, по внешней поверхности – гребенчатым штампом в технике штампования. Фрагмент стенки небольшого размера имеет толщину 6–8 мм, его внешняя сторона орнаментирована гребенчатым штампом в технике шагания. В шурфе СР3 был обнаружен фрагмент венчика без орнамента. Он также изготовлен из плотного теста и хорошо заглажен. Из-за его небольшого размера диаметр сосуда определить не удалось. На внутренней стороне фрагмента имеются пятна охры. В шурфе СР2 найден фрагмент стенки сосуда, по тесту и обработке поверхности он аналогичен описанным выше (рис. 6, 5). Толщина стенок составляет 6–8 мм, фрагмент декорирован орудием со скругленным рабочим краем в технике прочерчивания. Предварительно данные предметы можно отнести к энеолиту [Чемакин, 2008, с. 125–129].

Топографо-геодезические работы и натурные наблюдения, проведенные во время обследования селища Унтыгигыйсап-2, позволяют разделить пространство изучаемого объекта на две зоны. «Нижняя» зона приурочена к уступу гряды-останца на периферии с верховым болотом и межгрядовым понижением. В ландшафтном отношении «нижняя» зона характеризуется густым высокоствольным сосновым лесом с преобладанием кустарничков над беломошниками в подлеске. Высотные отметки поверхности «нижней» зоны колеблются от 49 до 50,5 м по Балтийской системе высот. В ней расположены визуально определимые археологизированные сооружения – впадины с обваловкой и без нее, окружающие их ямы (рис. 5, 1). Обнаруженные у впадины № 12 фрагменты керамических сосудов позволяют достаточно условно отнести время заселения этой части гряды-останца к раннему железному веку.

«Верхняя» зона вмещает в себя выявленный культурный слой, который характеризуется наличием в нем материальных остатков эпохи энеолита и охристого горизонта. На поверхности этой зоны, имеющей отметки от 51 до 53 м, произрастает разреженный высокоствольный беломошный сосновый бор. Учитывая отсутствие в данной части селища визуально определимых археологизированных сооружений, предполагается, что обнаруженные в шурфах первой линии (рис. 5, 4) фрагменты керамических сосудов происходят из наземных или слабо углубленных сооружений, которые визуально не определяются.

Результаты и обсуждение

Проведение комплексных исследований позволило проследить динамику освоения пространства гряды-останца носителями древних культур в разные исторические периоды. Наблюдаемая в настоящее время взаимосвязь пространственного распространения культурных

остатков и ландшафтных особенностей выделяемых «зон» на территории селища Унтыгыйсап-2 является достаточно условной с точки зрения культурно-хронологических дефиниций. Поскольку во время возникновения выделяемых культурных компонентов ландшафтная обстановка могла быть совершенно иной, информацией о которой мы не располагаем. Но в то же время эти наблюдения будут полезны при дальнейших археологических разведках, направленных на выявление новых объектов археологического наследия и уточнение сведений о уже известных объектах.

Сведения, полученные в ходе разведочных работ, проведенных летом 2019 г., позволяют значительно дополнить существующие представления об историческом и культурном развитии столь удаленного уголка Среднего Приобья, как долина р. Кулунигый. Во-первых, анализируемые материалы прямо указывают на освоение этой территории древним населением начиная с эпохи энеолита. Во-вторых, благодаря современным методам фиксации и анализу, удастся связать морфологию визуально определимых археологизированных сооружений с определенными культурными остатками, их культурно-хронологической позицией и ландшафтными особенностями их расположения на территории изучаемых памятников археологии. В результате становится возможным сформулировать некоторые культурно-хронологические особенности наблюдаемых на изучаемой территории археологических объектов. Так, для периода энеолита характерны наземные или слабо углубленные сооружения, которые на современной поверхности визуально фактически не определяются. Для объектов раннего железного века характерны округленные в плане археологизированные сооружения, с обваловкой или без нее, в непосредственной близости от которых располагаются окружающие их ямы. Средневековые сооружения доходят до настоящего времени в виде четырехугольных впадин с четко различимой обваловкой.

Оценивая перспективность изучения данной территории, в первую очередь стоит обратить внимание на необходимость проведения исследований, направленных на выявление доказательных взаимосвязей между современной ландшафтной обстановкой, реконструируемой при возникновении объектов археологии, и их пространственной динамикой. Также в настоящее время специалистами востребованы работы по систематизации, анализу и обобщению археологических материалов, которые были бы направлены на создание схем историко-культурного развития изучаемой территории местного, районного или зонального масштаба.

Список литературы

- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корочкова О. Н., Погодин А. А., Сергеев А. С., Стефанов В. И.** Исследование селищ конца бронзового – начала железного веков на Барсовой Горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2002. Вып. 1. С. 232–243.
- Карачаров К. Г.** Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 135–148.
- Фефилова Т. Ю.** История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Урал», 2008. С. 283–295.
- Чемякин Ю. П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Список источников

- Кардаш О. В.** Отчет о НИР «Историко-культурная экспертиза рекогносцировочное натурное обследование участков на Унтыгыйском лицензионном участке», № 08-04: В 2 кн. Нефтеюганск, 2008 // Архив ЦОКН. Инв. № 5956. Д. 91.

References

- Beltikova G. V., Borzunov V. A., Korochkova O. N., Pogodin A. A., Sergeev A. S., Stefanov V. I.** Issledovaniye selishch kontsa bronzovogo – nachala zheleznogo vekov na Barsovoy Gore [Investigation of settlements of the late Bronze – early Iron Ages on Barsovaya Gora]. In: Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk, Khanty-Mansiisk, TSU Press, 2002, vol. 1, pp. 232–243. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. P.** Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' [Barsova Gora: essays on the archeology of the Surgut Ob region. Antiquity]. Surgut, Omsk, Omsk House of Printing, 2008, 224 p. (in Russ.)
- Fefilova T. Yu.** Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy na rekakh Bolshoy i Maly Yugan [The history of archaeological research on the Bolshoi and Maly Yugan rivers]. In: Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priobja [Barsova Gora: antiquities of the taiga Ob region]. Ekaterinburg; Surgut, Ural Publ., 2008, pp. 283–295. (in Russ.)
- Karacharov K. G.** Vozhpaiskaya arkheologicheskaya kul'tura [Vozhpai archaeological culture]. *Ural Historical Bulletin*, 2006, no. 14, pp. 135–148. (in Russ.)

List of Sources

- Kardash O. V.** Report of NIR “Historical and cultural study reconnaissance exploration of block on the Untygei license block”, no. 08-04. In 2 books. Nefteugansk, 2008. In: Archive of TSOKN. Inventory ticket 5956, r. 91. (in Russ.)

Информация об авторах

Дмитрий Александрович Бычков, младший научный сотрудник
Татьяна Михайловна Пономарева, специалист

Information about the Authors

Dmitry A. Bychkov, Junior Research Assistant
Tatyana M. Ponomareva, Specialist

*Статья поступила в редакцию 05.02.2021;
одобрена после рецензирования 21.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 05.02.2021;
approved after reviewing 21.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 902 + 39 + 911.373 (=521.145)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109

Расположение поселений татар на иртышском правобережье (по картографическим материалам XVIII века)

Константин Николаевич Тихомиров¹

Марина Николаевна Тихомирова²

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ ktikhomirov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1159-1603>

² marinat24@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8271-8451>

Аннотация

Вводятся в научный оборот данные о местонахождении поселений татар тарской группы в Тарском Прииртышье в конце XVIII в. на правобережье Иртыша. Они содержатся на неиспользованных ранее картах этого времени. Для корректирования полученных предположений привлекаются дополнительные источники этого периода и результаты экспедиционных работ авторов. Целью статьи является выяснение расположения поселений татар в указанном регионе при помощи обозначенных карт, с корректировкой их информации другими данными для последующего использования их при поиске и исследовании археологическими методами. В результате проведенного анализа выяснено, что упомянутые карты точно указывают расположение поселений, которые были сконцентрированы в приустьевых участках рек Уй и Тара, у устьев правобережных притоков на бровках террас или на небольших останцах в пойме. Часть из них имели летние сезонные населенные пункты. Авторы приходят к выводу о том, что отмеченные на картах местоположения могут быть использованы при их поиске для археологических работ.

Ключевые слова

Западная Сибирь, Омская область, правобережье Тарского Прииртышья, южнотаежная зона, карты последней четверти XVIII в., расположение поселений, археология, история татар

Для цитирования

Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н. Расположение поселений татар на иртышском правобережье (по картографическим материалам XVIII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109

© Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 98–109

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 98–109

Location of Tatars' Settlements on the Irtysh Right Bank (According to Cartographical Documents of the 18th Century)

Konstantin N. Tikhomirov ¹, Marina N. Tikhomirova ²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ ktikhomirov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1159-1603>

² marinat24@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8271-8451>

Abstract

For the first time, data was published on the location of settlements of Tatar Tara Group, on the right bank of the Irtysh River at the end of the 18th century in the territory of the modern Omsk region. This data is on previously rarely used cartographic sources ("Tabula exhibens cursum fluvii Irtysh ab Omskaja Krepost usque ad Tobolsk" 1780, Tara District 1784 and 1798). Other sources from this period were used to verify the findings (Dozornaya kniga Tarskogo uyezda, travel descriptions of Miller, etc.).

Purpose. The purpose of this work will be the publication of rarely used cartographic data, their analysis for the localization of settlements of the Turkic-speaking population of the right bank of the Irtysh River in the 18th century.

Results. As a result of the data analysis, information was obtained that would help to discover the remains of these objects, find out the settlement system, the features of the life support system of the system and the ethno-cultural history of the population of this region.

Conclusion. Map data and written sources of the 18th century indicate that most of the settlements of the Tara Tatars at that time were located in the southern taiga zone in the coastal areas of the right bank of the Irtysh River. Their detection and research will lead to the elucidation of many processes of ethnocultural genesis of the population of Western Siberia.

Keywords

Western Siberia, Omsk region, the right bank of the Middle Irtysh River, the southern taiga zone, maps of the 18th century, the location of settlements, archeology, the history of the Tatars

For citation

Tikhomirov K. N., Tikhomirova M. N. Location of Tatars' Settlements on the Irtysh Right Bank (According to Cartographical Documents of the 18th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 98–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109

Введение

В настоящее время на правобережье Иртыша в окрестностях г. Тара и на берегах р. Тара локализуется одна из групп западносибирских татар, называемая в научной литературе тарской [Корусенко, 2014, с. 76]. Она неплохо исследована в этнографическом плане, однако ее археологическое изучение отстает. Это притом, что данный район является одним из центров ее формирования.

В XVIII в. на этой территории проживало местное тюркоязычное население. В это время сюда начали селиться выходцы из Средней Азии, которых в Сибири стали называть «бухарцами». Было здесь и небольшое количество тюрко- и монголоязычных переселенцев [Там же, с. 91–94].

Судя по письменным источникам, в это время здесь было сосредоточено большинство населенных пунктов татар тарской группы, история которых остается малоизученной. Археологические исследования культуры населения прибрежных южнотаежных районов правобережья Иртыша проводились в основном по материалам раскопок на могильниках (Сеитово IV и Усть-Тара LXX) [Тихомиров, 2019]. Во многом это вызвано труднодоступностью карт и неточностью письменных источников этого времени. Поэтому важнейшей задачей для изучения истории Тарского Прииртышья является введение в научный оборот ранее не используемых картографических материалов, которые могут способствовать выявлению остатков поселенческих комплексов. Это сделает возможным их исследование археологическими

методами, а результаты их изучения будут способствовать решению многих вопросов истории татар тарской группы в эпоху позднего Средневековья – Нового времени.

Целью этой работы является введение в научный оборот ранее не используемых картографических данных, их анализ для локализации поселений тюркоязычного населения, расположенных на правом берегу Иртыша в последней четверти XVIII в. для последующего поиска и исследования археологическими методами.

Базой для нашего исследования стали материалы карт последней четверти XVIII в.: «Карта Тарского уезда ...» 1784 г. (далее – Карта, 1784), «Карта Тарского уезда ...» 1798 г. (далее – Карта, 1798) и «Tabula Exhibens Cursum...» 1780 г. (далее – Карта, 1780)¹, наиболее точно показывающих расположение существовавших здесь населенных пунктов.

Также использовались «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым» (далее – Чертежная книга, 1701), «Хорографическая чертежная книга Сибири» (далее – Хорографическая книга, 2011), «Дозорная книга Тарского уезда» 1701 г. (далее – ДК) [Корусенко, 2006] и сведения Г. Ф. Миллера (Сибирь XVIII века, 1996). Кроме того, были проанализированы научные статьи о местоположении населенных пунктов тарских татар.

Важным подспорьем в исследовании стали Атлас Омской области в масштабе 1 : 100000 (Омская область, 2010) и космоснимки, размещенные в открытом интернет-ресурсе Yandex.Карты.

Полученные сведения корректировались полевыми экспедиционными работами, в ходе которых были осмотрены места заброшенных и действующих поселений и кладбищ тарских татар, на их большей части была проведена фотофиксация, составлены планы, сделана шурфовка культурного слоя и проведен сбор подъемного материала.

На картах XVIII в. указана разнообразная информация: названия рек и озер, месторасположения русских и татарских поселений, поля, мельницы и др., но в нашей статье мы анализируем лишь расположение татарских населенных пунктов на правобережье Иртыша на участке от устья р. Уй до устья р. Сеткуловка. Так как наименования одних и тех же поселений в разных источниках не совпадают, но могут быть интересны для дальнейших исследований, были приведены все варианты названий в соответствии с их написанием в источниках.

Впервые указанный регион был представлен в произведениях С. У. Ремезова (Хорографическая книга, 2011; Чертежная книга, 1701), созданных в 1697–1711 гг. Несмотря на их ценность, они полны неточностей. Их можно признать лишь приблизительными схемами, составленными на основании рассказов «сведущих людей» и более ранних картографических данных.

Важным источником для исследования этой территории в первой половине XVIII в. являются путевые заметки Г. Ф. Миллера, в которых он указал точное расположение рек, озер и населенных пунктов, встреченных им на берегах Иртыша (Сибирь XVIII века, 1996). Проведенные менее чем через четверть века после окончания работ над Хорографической чертежной книгой Сибири С. У. Ремезова, они значительно уточняют и дополняют ее сведения.

В 1780 г. И. И. Исленьев составил карты р. Иртыш, проводя астрономические наблюдения по заданию Академии наук [Гнучева, 1946, с. 469]. Одну из них (участок от Омской крепости до г. Тобольск) мы использовали в нашей работе.

В 1782 г. Сибирская губерния преобразуется в Тобольское наместничество с Тобольской и Томской областями. В 1784 г. создается «Географический атлас Тобольского наместничества, состоящий из XVI уездов». В 1796 г. образуется Тобольская губерния, что потребовало новых картографических работ. Результатом этого стало создание в 1798 г. «Атласа (топографического) Тобольской губернии» [Коновалова, Попов, 2010, с. 126], ставшее значимым

¹ Нам был доступен лишь вариант на латыни.

событием в истории Западной Сибири. Именно карты из перечисленных атласов и используются в качестве основного источника в нашей работе.

Целенаправленного изучения расположения поселений татар в Среднем Прииртышье до последней трети XX в. не проводилось. В это время Н. А. Томилов на основе архивных и других данных начал исследовать эту тему, создав основу для всех дальнейших работ в этом направлении [Томилов, 1981; 1996; 2011]. Этой же теме посвятила ряд работ С. Н. Корусенко [Корусенко М. А., Корусенко С. Н., 2019; Корусенко, 2020], в том числе издав часть «Дозорной книги Тарского уезда» 1701 г., в которой содержатся сведения о деревнях тарских татар [Корусенко, 2006]. Е. В. Титов исследовал татарские деревни и жилища конца XIX – XX в. на основе этнографических данных [Титов, 2007; 2015]. Попытки установить расположение поселений татар в Среднем Прииртышье археологическими методами предпринимал С. С. Тихонов [2004; 2009]. Однако эти работы не касались установления конкретных мест расположения этих населенных пунктов или остались безрезультатными. Лишь в последнее время начали появляться работы, где на основе анализа источников XVIII в. проведено исследование локализации населенных пунктов татар этого времени на р. Тара [Тихомиров, Тихомирова, 2021].

Таким образом, несмотря на определенную изученность этого вопроса, назрела острая необходимость введения в научный оборот не использованных ранее картографических данных и их анализа. Это позволило бы лучше представить расположение татарских поселений в конце XVIII в. в прибрежных районах правобережья Иртыша, скорректировать результаты проведенных ранее работ и способствовало бы их обнаружению и археологическому исследованию.

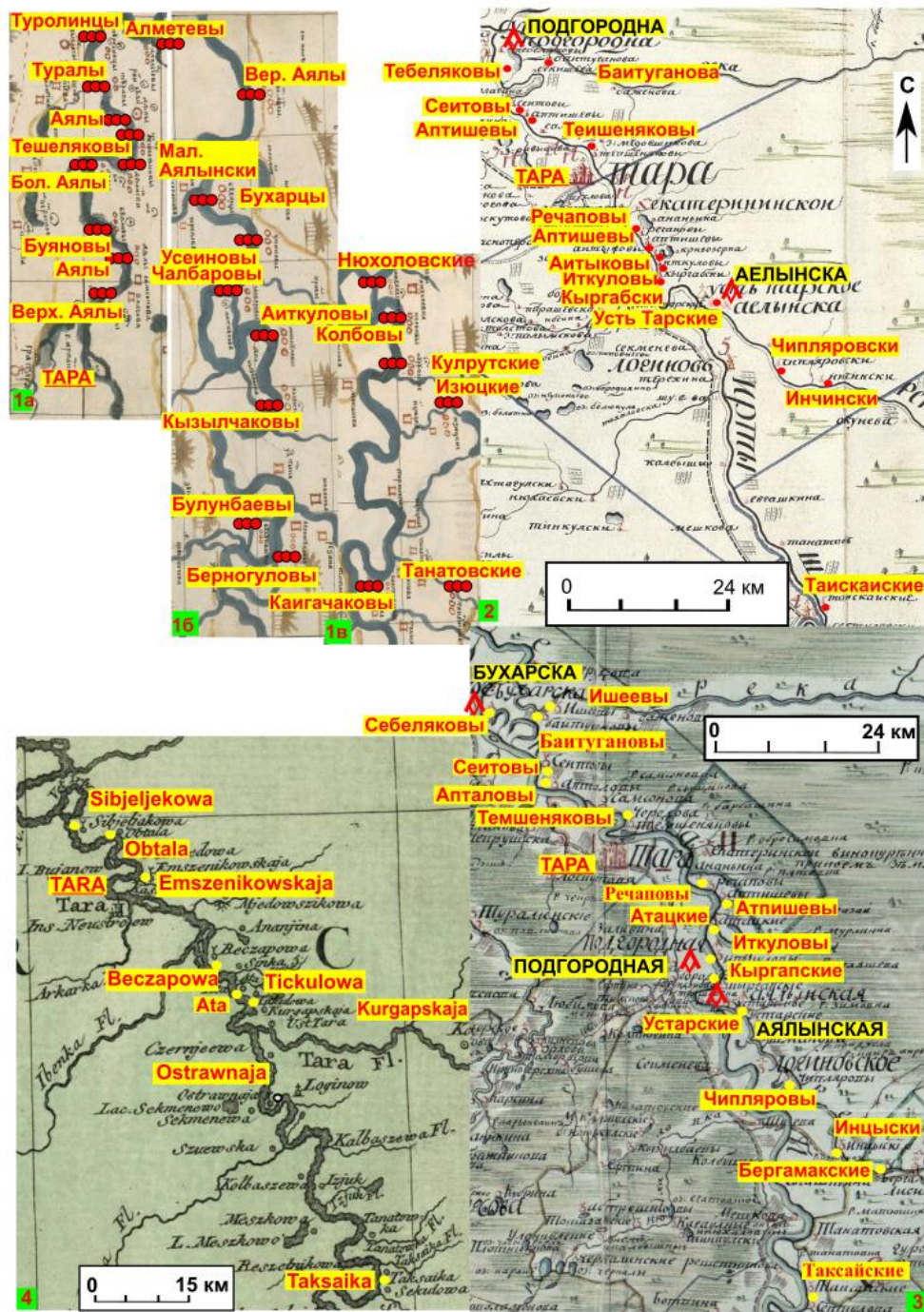
Локализация поселений татар на правобережье Иртыша от устья р. Уй до р. Сеткуловка в последней четверти XVIII в.

В ДК д. Красноярская была указана первой среди поселений татар, расположенных в северной части Аялынской волости [Корусенко, 2006, с. 140]. Местоположение ее (памятник Малая Кова V) и кладбища (памятник Малая Кова VII) на берегу Иртыша на границе Знаменского и Тарского районов Омской области было обследовано в 2009 г. одним из авторов. Кроме того, в ДК в устье р. Уй описывается д. Утамацких юрт [Там же] (в настоящее время она слилась с с. Пологрудово), которая также была обследована К. Н. Тихомировым. В других источниках XVIII в. обе они не упоминаются.

Выше устья р. Уй в правобережье Иртыша на л. 6 Чертежной книги напротив устья р. Чекруша обозначены татарские поселения, подписанные «волость Ялынская»² (Чертежная книга, 1701, л. 6). В этом месте, вероятно, сейчас располагаются деревни Сеитово и Себеляково. В Хорографической книге (2011, л. 92) выше устья р. Уй отмечены Алметевы (см. рисунок, 1а). Далее здесь указаны: городок Аялы, Буяк, Туролинцы (примерно в этом месте сейчас располагается д. Себеляково. – *авт.*), поселения Туралы и Тешеляковы. Г. Ф. Миллер здесь отмечал Sibeljak-aul (Сибирь XVIII века, 1996, с. 90). На Карте 1784 г. здесь показана Подгородна (волость. – *авт.*) и Тебеляковы (Себеляково) примерно на современном месте (см. рисунок, 2). На Карте 1798 г. здесь обозначена Бухарска (волость) и Себеляковы (на современном месте) (см. рисунок, 3).

В нижнем течении р. Уй в районе современной д. Крапивка в Чертежной книге обозначены поселения татар, подписанные «деревни волости Ялынской». В ДК в этом районе упоминается д. Байтуганова (на берегу Иртыша) [Корусенко, 2006, с. 136]. На Карте 1784 г. показано поселение с таким же названием в вершине иртышского меандра (см. рисунок, 2). На Карте 1798 г. у старицы (в обоих случаях это современное оз. Сеитовское. – *авт.*), ближе к р. Уй, указаны Байтугановы (см. рисунок, 3). Их расположение в настоящее время неизвестно.

² На л. 6 Чертежной книги встречается два написания волости: «Ялынская» (с «йотированной аз» и через букву «н») в приустьевом участке р. Уй и «Ялымская» (через «юс малый» и букву «м») в приустьевом участке р. Тара.

Расположение поселений татар тарской группы на правом берегу Иртыша на картах XVIII в.:

1a – участок л. 93 Хорографической книги (без масштаба); 1б – участок л. 94 Хорографической книги (без масштаба); 1с – участок л. 95 Хорографической книги (без масштаба); 2 – участок карты 1784 г.; 3 – участок карты 1798 г.; 4 – участок карты 1780 г.

The location of the settlements of the Tatars of the Tara group on the right bank of the river Irtysh on maps of the 18th century:

1a – section of atlas sheet 93 of the Chorographic book (without scale); 1b – section of atlas sheet 94 of the Chorographic book (without scale); 1c – section of atlas sheet 95 of the Chorographic book (without scale); 2 – a section of atlas sheet of the map of 1784; 3 – a section of atlas sheet of the map of 1798; 4 – section of atlas sheet of the map of 1780

На Карте 1798 г. на левом берегу р. Уй указаны Ишеевы примерно в современном месте, однако информаторы сообщили, что ее старое место было в пойме выше по течению р. Уй на оз. Куль. Ее месторасположение исследовалось авторами.

Выше по течению Иртыша, в вершине верхнего крыла меандра, в Хорографической книге (2011, л. 92) отмечены Мал(ые) Аялински, далее в основании меандра – Бол(ьшие) Аялы рядом с месторасположением д. Сеитово (см. рисунок, 1а). На Карте 1780 г. здесь указана Sibjeljakowa (см. рисунок, 4). В ДК есть упоминание д. «Сеитова (она же Булунбаева Апталова)» на берегу Иртыша [Корусенко, 2006, с. 134]. Г. Ф. Миллер сообщает о наличии «Godschaul, по-русски Саидовы юрты» (Сибирь XVIII века, 1996, с. 90). На картах 1784 и 1798 гг. здесь указаны Сеитовы (см. рисунок, 2, 3).

Выше по течению реки Г. Ф. Миллер описывает Isinbai-aul (Сибирь XVIII века, 1996, с. 90). В ДК есть упоминание об Изенбаевых юртах [Корусенко, 2006, с. 136]. Место ее неизвестно, вероятно, оно в районе расположения грунтового могильника XVI–XVIII вв. Сеитово IV, исследованного в течение ряда лет [Тихомиров, 2019]. Следует отметить, что некоторые жители д. Сеитово рассказывали о проживании здесь их предков.

В ДК упомянуты деревни Большая, Верхняя и Бабина [Корусенко, 2006, с. 131, 132].

На Карте 1780 г. выше по течению от предыдущей деревни указана Obtala (бывшая д. Апталово. – *авт.*) (см. рисунок, 4). На карте 1784 г. здесь отмечены Аптишевы (см. рисунок, 2). Карта 1798 г. в этом же месте показывает Апталовы (см. рисунок, 3). Г. Ф. Миллер писал про Abdal-aul (Сибирь XVIII века, 1996, с. 91). Еще в начале XX в. здесь была д. Апталова.

Выше по течению в Хорографической книге (2011, л. 92) указаны Буяновы (см. рисунок, 1а). В ДК упомянута д. Буянова [Корусенко, 2006, с. 130]. Г. Ф. Миллер в этом районе отмечал «Ischligim-aul, по-русски Буяновы юрты» (Сибирь XVIII века, 1996, с. 91). В этом районе в устье р. Тозелка один из авторов обнаружил поселение эпохи позднего Средневековья – Нового времени Сеитово V. Вероятно, это остатки этих юрт, существовавших еще в середине XIX в.

Выше, в вершине меандра, в Хорографической книге (2011, л. 92) указан населенный пункт, подписанный как Аялы (см. рисунок, 1а).

Чертежная книга показывает поселения татар, подписанные: «д.в. Ялымской» напротив устья р. Аркарка на правом берегу Иртыша. В Хорографической книге (2011, л. 92) здесь отмечены Верх(ние) Аялы (см. рисунок, 1а). В настоящее время примерно в этом месте расположена д. Тимшиняково (жители часто называют ее «Буксун». – *авт.*). В ДК упоминается д. Темшенякова [Корусенко, 2006, с. 129]. По данным Г. Ф. Миллера, здесь располагался Timschenek-aul у р. Timschenek (Сибирь XVIII века, 1996, с. 91). Карта 1780 г. фиксирует Emszenikowskaja на правой стороне устья р. Kasztatzkaja (на современных картах р. Каштанка. – *авт.*) (см. рисунок, 4). На Карте 1784 г. здесь обозначен населенный пункт Теишеняковы (см. рисунок, 2). Карта 1798 г. указывает здесь населенный пункт с названием Темшеняковы (см. рисунок, 3).

На правом берегу Иртыша в районе современного с. Екатерининское в Чертежной книге отмечены татарские поселения с подписью «д.в. Ялымской». В Хорографической книге (2011, л. 93) на этом месте указаны Верх. Аялы (см. рисунок, 1б). Г. Ф. Миллер в этом районе описывает «Urukla- или Rukla-aul, по-русски Верхние юрты» (Сибирь XVIII века, 1996, с. 91). В ДК упомянута д. Рухляева [Корусенко, 2006, с. 124].

Напротив устья р. Ивенка (современное название Ибейка) на правом берегу Иртыша в Чертежной книге отмечены поселения, подписанные «Юртовских бухарцев» (1701, л. 6). В Хорографической книге (2011, л. 93) здесь показан населенный пункт, подписанный как «бухарцы» (см. рисунок, 1б). У Г. Ф. Миллера есть упоминание о «Retschap- или Bachmurat-aul» (Сибирь XVIII века, 1996, с. 92). На Карте 1780 г. здесь отмечена Bezarowa (см. рисунок, 4). Карты 1784 и 1798 гг. показывают здесь Речаповы (см. рисунок, 2, 3). С 1983 г. она вошла в с. Междуречье.

Выше нее в Чертежной книге (1701, л. 6) указаны поселения захребетных и в Киртапской луке (вероятно, Киргапской. – *авт.*) служилых татар. В Хорографической книге (2011, л. 93) в этом районе обозначены Усеиновы, Чалбаровы, Аиткуловы, Кызылчаковы (см. рисунок, 1б). Г. Ф. Миллер в этом районе упоминал Aptisch-aul, Atak-aul (вероятно, современная д. Атак. – *авт.*), «Itkul- или Kisilkasch-aul, по-русски Иткулевы или Красноярские юрты» (Сибирь XVIII века, 1996, с. 92). В ДК здесь есть деревни Кыргапских, Аиткуловых, Атацких, Иткучукова (она же Атацкая Усеинова), Шиховых юрт на Красном яру [Корусенко, 2006, с. 98, 103, 107, 110, 114]. Г. Ф. Миллер описывает две деревни «нижняя для зимних жилищ, а верхняя для летних» выше речки Murli (современная р. Мурлы) «с общим названием Kirgar-aul» (Сибирь XVIII века, 1996, с. 92). Карта 1780 г. отмечает населенные пункты Ата, Tickulowa, Kurgapskaja (см. рисунок, 4). На Карте 1784 г. указаны Аптишевы, Аитыковы, Иткуловы, Кыргабски (см. рисунок, 2), а на Карте 1798 г. – Аптишевы, Атацкие, Иткуловы, Кыргапские (см. рисунок, 3). В настоящее время здесь сохранились деревни Атак, Атачка, Киргап, и до недавнего времени существовала д. Айткулова. Расположение других не ясно.

В Чертежной и Хорографической книгах, на Карте 1780 г. в устье р. Тара татарских населенных пунктов не отмечено, но есть русская д. Усть-Тарска (Хорографическая книга, 2011, л. 93) / Усттарская (Хорографическая книга, 2011, вкл. на л. 93) (см. рисунок, 1б). В ДК здесь указана д. Усть-Тарская (она же Тартамак), в которой жили татары [Корусенко, 2006, с. 114]. Г. Ф. Миллер пишет, что «Tar-tamak-aul или дер. Усть-Тарская [...]. Заселена частично русскими, частично ясачными татарами» (Сибирь XVIII века, 1996, с. 92). На Карте 1784 г. показано с. Усть-Тарское (русское) и рядом с ним (чуть выше по Таре, на ее правом берегу) татарские Усть-Тарские. Здесь нанесен знак, «Аелынка» (волость) (см. рисунок, 2). На Карте 1798 г. показаны поселения Устьтарское (русское) и Устьтарские (татарское) в этих же местах. Здесь также поставлен знак, подписанный «Аялынская» (волость) (см. рисунок, 3). Татары из д. Усть-Тара рассказывали авторам, что когда-то их поселение находилось в 2 км ниже по течению, у устья Тары, в урочище «Камышкина Грива», которое в половодье становится островом, где жители деревни находили старые монеты и «черепки». Эту легенду также приводит Н. А. Томилов [1996, с. 190], сообщая, что туда переселились жители указанной деревни, которую называли Бернагуль. В Хорографической книге (2011, л. 93) присутствуют Берногуловы (см. рисунок, 1б). При этом у нее стоят знаки как русского, так и татарского населенного пункта.

Г. Ф. Миллер выше устья р. Тара указывал Ulukitschju-aul и Bulunbai или Otrau-aul (Островная). По мнению ученого, она названа так, потому что при разливе образуется остров, на котором стоит деревня (Сибирь XVIII века, 1996, с. 92). В Хорографической книге (2011, л. 93) Булунбаевы также отмечены на острове, выше Берногуловых (см. рисунок, 1б). На Карте 1780 г. здесь немного ниже с. Логиново указана д. Ostrawnaja (Островная) (см. рисунок, 4).

Выше по течению Г. Ф. Миллер упоминает Tschupljar-aul – бывшую летнюю деревню татар, зимняя находилась на р. Тара (Сибирь XVIII века, 1996, с. 93).

В Хорографической книге (2011, л. 94) выше правобережного притока р. Нюхоловка отмечены Нюхоловские (см. рисунок, 1в). Г. Ф. Миллер в этом районе отмечает Вагует-aul, указывая на то, что здесь живут только летом, а зимой – в Tschupljar-aul на р. Тара (Сибирь XVIII века, 1996, с. 93).

Выше Нюхоловских в Хорографической книге (2011, л. 94) на правом берегу Иртыша показаны Колбовы.

В Хорографической книге (2011, л. 94) выше предыдущего поселения на иртышском правобережье указаны Кулрутские (см. рисунок, 1в). Г. Ф. Миллер в этом районе указывал Kulluk-aul (Сибирь XVIII века, 1996, с. 93).

На оз. Изюк у начала его нижнего стока в р. Иртыш в Хорографической книге (2011, л. 94) отмечены Изюцские (см. рисунок, 1в). Здесь же, но ближе к устью, Г. Ф. Миллер упоминает Isuk-aul, при этом он сообщает, что заселены «они лишь летом, а зимой живут в ауле Inzis

(вероятно, д. Инцисс Муромцевского района. – *авт.*) на реке Тара» (Сибирь XVIII века, 1996, с. 93).

На р. Танатовка у подножия иртышской правобережной террасы Хорографическая книга показывает Танатовские (2011, л. 94) (см. рисунок, 1в).

У устья указанной реки на берегу Иртыша этот же источник показывает Каигачаковы (см. рисунок, 1в).

Г. Ф. Миллер на правом берегу Иртыша ниже д. Сеткуловка указывает Тахаі-аул (Сибирь XVIII века, 1996, с. 94). Карта 1780 г. показывает здесь Taksaika (см. рисунок, 4). На Карте 1798 г. отмечены Таксайские (см. рисунок, 3). Это самый южный правобережный пункт, населенный татарами, указанный в известных источниках XVIII в.

Результаты исследования и обсуждение

Полученные нами данные, основанные на анализе карт последней четверти XVIII в., позволяют высказать некоторые предположения. Данные, содержащиеся на них, довольно точно показывают расположение поселений татар. Источники свидетельствуют, что большинство из них в указанное время сосредотачивались на правобережье Иртыша, значительно превышая число поселений, расположенных на берегах Тары. Они были наиболее плотно сконцентрированы в двух районах: 1) от устья р. Уй до устья р. Бушкала; 2) в приустьевом участке выше и ниже устья Тары. Это может свидетельствовать о том, что указанные районы были наиболее освоены в это время.

В результате анализа их расположения на местности выяснено, что чаще всего поселения находились на краю иртышской террасы, в пойме, на участках сильно сглаженных террас и на небольших останцах, у устьев его правых притоков. Часть поселений имела сезонный характер. Их наличие у татар этой группы предполагал Н. А. Томилов [1996, с. 190]. Из упомянутых в источниках зимние поселения находились на правобережной террасе Иртыша (Kırgar-aul) и Тары (Чеплярово, Инцис), летние жилища – в долине Иртыша (Tschupljar-aul, Isuk-aul, Baruet-aul).

Замечено, что в настоящее время число татарских поселений значительно сократилось (в том числе за счет исчезновения сезонных поселений), но оставшаяся часть до сих пор расположена на правом берегу в указанных на картах местах.

Заключение

Система расселения татар в XVIII в., судя по имеющимся источникам, уже начала формироваться, а населенные пункты, отмеченные на указанных картах, располагались на этом же месте в более позднее время. Следовательно, полученные материалы могут быть основанием для восстановления системы расселения татар в XVIII в. и служить ориентиром для археологических исследований поселенческих комплексов указанного населения. Выявление на местности и археологическое изучение их остатков может предоставить новые объективные материалы для понимания этнокультурной истории тюркоязычного населения этого времени.

Список литературы

- Гнучева В. Ф. Географический департамент академии наук XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 446 с. (Тр. Архива АН СССР; вып. 6)
- Коновалова Е. Н., Попов В. А. Атласы Тобольской губернии во второй половине XVIII – XIX в. // Гео-Сибирь. 2010. Т. 6. С. 125–130.
- Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. Омск: Наука, 2006. 218 с.

- Корусенко С. Н.** Тюркские группы // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. Омск: Наука, 2014. С. 76–101. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; Т. 13)
- Корусенко С. Н.** Сибирские татары Князевы: историко-генеалогический очерк // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 149–158.
- Корусенко М. А., Корусенко С. Н.** Аялы или Бараба: история поселения на границе групп // Вестник Ом. гос. ун-та. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 214–221.
- Титов Е. В.** Жилища татар Тарского Прииртышья в конце XIX – XX в. // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). С. 22–25.
- Титов Е. В.** Культура домостроительства татар Тарского Прииртышья в конце XIX – XX века // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32. С. 34–44.
- Тихомиров К. Н.** Сеитово IV – новый могильник предков тарских татар XVII–XVIII вв. в Среднем Прииртышье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 59–68.
- Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н.** Расположение поселений татар в Среднем и Нижнем Притарье по картографическим материалам XVIII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 3 (49). С. 93–100.
- Тихонов С. С.** Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г. Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. 2004. Т. 8. С. 200–233.
- Тихонов С. С.** Юго-восточная окраина Сибирского ханства Кучума (интерпретация источников по экономике и социальному развитию тарских татар) // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 162–171.
- Томилов Н. А.** Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 276 с.
- Томилов Н. А.** Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1: Культура тарских татар. С. 188–197.
- Томилов Н. А.** Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках. Омск: Наука, 2011. 224 с.

Список источников

- «Карта Тарского уезда с положением мест с округой и с объяснением всех селений больших и малых деревень и живых урочищ с разделением волостей по новому образу порядка установленных на показании оброчных статей и других казенных имуществ», сочиненная по описанию 1784 г. уездным землемером подпоручиком Каммером // Географический атлас Тобольского наместничества, состоящий из XVI уездов [Атлас]: сочинен по описанию уездных землемеров. Тобольск: Тобольская чертежня, 1784. 16 с.
- «Карта Тарского уезда, означающая местное положение всей округи всех селений больших и малых и живых урочищ, которые разделены на волости с показанием окрестности, каковую каждая волость с подсудным ей ведомством занимает», составленная уездным землемером Василием Филимоновым (1798 г.) // Атлас. Тобольская губерния. 1798. Ч. 1 // РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 43. Л. 49.
- Омская область [Атлас]. Омск: Омская картографическая фабрика, 2010. 329 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 6)
- Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск, Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 341 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. URL: <https://archive.org/details/RemezovCHertezhnayaKnigaSibiri> (дата обращения 23.03.2021).

Tabula Exhibens Cursum Fluvii Irtysh ad Omskaja Krepost usque ad Tobolsk. Composita a Iohann Islenieff, anno 1780. URL: <https://uralica.kansalliskirjasto.fi/Record/fuhub-GOT-PPN352799242> (дата обращения 05.03.2020).

References

- Gnucheva V. F.** Geograficheskii departament akademii nauk XVIII veka [Geographic Department of the Academy of Sciences of the 18th century]. Moscow, Leningrad, Press. of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 446 p. (Proceedings of the Archive of the Academy of Sciences of the USSR; iss. 6). (in Russ.)
- Konovalova E. N., Popov V. A.** Atlasy Tobolskoj gubernii vo vtoroj polovine XVIII – XIX v. [Atlas of Tobolsk province in the second half of the 18th – 19th centuries]. *Geo-Sibir' [Geo-Siberia]*, 2010, vol. 6, pp. 125–130. (in Russ.)
- Korusenko S. N.** Etnosotsial'naya istoriya i mezhetnicheskie svyazi tyurkskogo naseleniya Tarskogo Priirtysh'ya v XVIII–XX vekakh [Ethnosocial history and inter-ethnic relations of the Turkic population of the Tara Irtysh in the 18th – 20th centuries]. Omsk, Nauka, 2006, 218 p. (in Russ.)
- Korusenko S. N.** Tyurkskiye gruppy [Turkic groups]. In: Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: prirodnyaya sreda, etnosy, istochniki [Ethnographic and archaeological complexes of the peoples of the Tarsky Irtysh region: natural environment, ethnoses, sources]. Omsk, Nauka, 2014, pp. 76–101. (in Russ.) (Ethnographic-archaeological complexes: problems of culture and society. Vol. 13)
- Korusenko S. N.** Sibirskie tatars Knyazevy: istoriko-genealogicheskii ocherk [The Siberian Tatars of the Knyazevs: a historical and genealogical essay]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]*, 2020, no. 2 (49), pp. 149–158. (in Russ.)
- Korusenko M. A., Korusenko S. N.** Ayaly ili Baraba: istoriya poseleniya na granitse grupp [Ayaly or Baraba: The history of the settlement on the border of groups]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskiye nauki" [Herald of the Omsk State University. Series "Historical Sciences"]*, 2019, vol. 2 (22), pp. 214–221. (in Russ.)
- Tikhomirov K. N.** Seitovo IV – novyy mogil'nik predkov tarskikh tatar XVII–XVIII vv. v Srednem Priirtysh'e [Seitovo IV is a new grave of the ancestors of the Tara Tatar 17th – 18th centuries in Middle Irtysh]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]*, 2019, vol. 2 (45), pp. 59–68. (in Russ.)
- Tikhomirov K. N., Tikhomirova M. N.** Location of Tatar Settlements in the Middle and Lower Tara Region According to 18th Century Maps. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, no. 3 (49), pp. 93–100.
- Tikhonov S. S.** Rasselenie sibirskikh tatar i russkikh v Srednem Priirtysh'ye v pervoy treti XVIII v. (po materialam G. F. Millera) [The population settlement of the Siberian Tatars and Russians on Middle Irtysh in the first third of the 18th century (based on materials of F. Miller)]. *Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma [Ethnographic archaeological complexes: problems of culture and society]*, 2004, vol. 8, pp. 200–233. (in Russ.)
- Tikhonov S. S.** Yugo-vostochnaya okraina Sibirskogo khanstva Kuchuma (interpretatsiya istochnikov po ekonomike i sotsial'nomu razvitiyu tarskikh tatar) [Southeast Painting of the Siberian khanate of Kuchum (Interpretation of Sources for Economics and Social Development of the Tar Tatars)]. In: *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva [Medieval Turkic Tatar States]*. Kazan, Institute of History named by Sh. Mardzhani AS RT, 2009, pp. 162–171. (in Russ.)

- Titov E. V.** Kul'tura domostroitel'stva tatar tarskogo Priirtysh'ya v kontse XIX – XX veke [Culture of the house-building Tatars of the Tara Irtysh at the end of the 19th – 20th century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, vol. 32, pp. 34–44. (in Russ.)
- Titov E. V.** Zhilishcha tatar tarskogo Priirtysh'ya v kontse XIX – XX v. [The dwellings of the Tatars of the Tara Irtysh at the end of the 19th – 20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2007, vol. 4 (58), pp. 22–25. (in Russ.)
- Tomilov N. A.** Poseleniya tarskikh tatar basseyna Tary [Settlements of the Tara Tatars Tara River Basin]. *Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic archaeological complexes: problems of culture and society]. Novosibirsk, Nauka, 1996, vol. 1, pp. 188–197. (in Russ.)
- Tomilov N. A.** Tyurkoyazychnoye naseleniye Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX v. [The Turkic Population of the West Siberian Plain at the end of the 16th – the first quarter of the 19th century]. Tomsk, Tomsk Uni. Press, 1981, 276 p. (in Russ.)
- Tomilov N. A.** Etnokul'turnye protsessy u tatar Zapadnoy Sibiri v XVIII–XIX vekakh [Ethno-cultural processes among the Tatars of Western Siberia in the 18th – 19th centuries]. Omsk, Nauka, 2011, 224 p. (in Russ.)

List of Sources

- Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 g. [Drawing book compiled by the Tobolsk son of the boyar Semyon Remezov in 1701. (in Russ.) URK: <https://archive.org/details/RemezovCHertezhnayaKnigaSibiri> (accessed 23.03.2021).
- “Karta Tarskogo uezda oznachayushchaya mestnoe polozhenie vsey okrugі vsekh seleniy bol'shikh i malykh i zhivyykh urochishch, kotorye razdeleny na volosti s pokazaniyem okrestnosti, kakovuyu kazhdaya volost' s podsudnym eya vedomstvom zanimaet, Sostavlennaya uezdnym zemlemerom Vasiliem Filimonovym” (1798 g.) [A map of the Tara County meaning the local position of the entire district of all villages of large and small and living terrain, which are divided into district with an indication of the vicinity, which each district with a jurisdiction is occupied by composed the county surveyor Vasily Filimonov (1798)]. In: Atlas. Tobol'skaya guberniya. Ch.1. 1798 g. [Atlas. Tobolsk province. Part 1. 1798]. RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 1350. Op. 312. D. 43. L. 49. (in Russ.)
- “Karta Tarskogo uezda s polozheniem mest s okrugoy i s ob'yasneniem vsekh seleniy bol'shikh i malykh dereven' i zhivyykh urochishch s razdeleniem volostey po novomu obrazu poryadka ustanovlennyykh na pokazanii obrochnyykh statey i drugikh kazennykh imushchestv”, sochinennaya po opisaniyu 1784 goda uezdnym zemlemerom podporuchikom Kammerom [A map of Tarsky County with the position of places with a district and with an explanation of all villages of large and small villages and living terrain with the separation of districts according to a new image of the order established on the indication of on quitrent articles and other state property composed according to the description of 1784 by the county surveyor second lieutenant Kammer]. In: Geograficheskiy atlas Tobol'skogo namestnichestva, sostoyashchiy iz XVI uezdov [Atlas]: sochinen po opisaniyu uezdnykh zemlemerov [Geographical atlas of the Tobolsk governorship, consisting of the 16th counties [Atlas]: composed according to the description of the county surveyors]. Tobolsk, Tobolsk Drawing, 1784, 16 p. (in Russ.)
- Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri S. U. Remezova [Khorographic drawing book of Siberia of S. U. Remezov]. Tobolsk, Public Charitable Foundation “Revival of Tobolsk”, 2011, 341 p. (in Russ.)
- Omskaya oblast'. Atlas [Omsk region. Atlas]. In: Regiony Rossii [Regions of Russia]. Omsk, Omsk cartographic factory, 2010, 329 p. (in Russ.)

Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera. [Siberia 18th century in travel descriptions of G. F. Miller]. In: Istoriya Sibiri. Pervoistochniki [History of Siberia. Firstprimary sources]. Novosibirsk, Siberian chronograph, 1996, iss. 6, 310 p. (in Russ.)

Tabula Exhibens Cursum Fluvii Irtysh ad Omskaja Krepost usque ad Tobolsk. Composita a Iohann Islenieff, anno 1780. (in Russ.) URL: <https://uralica.kansalliskirjasto.fi/Record/fuhub-GOT-PPN352799242> (accessed 23.03.2021).

Информация об авторах

Константин Николаевич Тихомиров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Марина Николаевна Тихомирова, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Information about the Authors

Konstantin N. Tikhomirov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Marina N. Tikhomirova, Candidate of Sciences (History), Researcher

*Статья поступила в редакцию 30.03.2021;
одобрена после рецензирования 11.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 30.03.2021;
approved after reviewing 11.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 397 + 398

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-110-121

Баран в традиционной обрядности хакасов, связанной с жизненным циклом человека: свадьба и похороны (конец XIX – середина XX века)

Венарий Алексеевич Бурнаков

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
venariy@ngs.ru

Аннотация

Предметом данной статьи является семантика образа барана / овцы в свадебной и похоронной обрядности хакасов. Базой для исследования послужили этнографические источники, в том числе архивные, которые вводятся в научный оборот впервые. В работе проанализированы роль и место барана в ритуальной практике и устном народном творчестве народа, связанными с брачной и похоронной традициями хакасов. С древних времен в жизни хакасов баран считался священным животным и использовался в ритуальных целях. Это животное часто выступало в качестве символической проекции – «замены» души человека, имевшей тесную связь с миром предков и божеств. В мировоззрении образ барана устойчиво ассоциировался с идеей витальности и плодородия. Он был наделен апотропейными свойствами. Рассматриваемое животное было чрезвычайно распространено в процессах дарообмена как внутри человеческого коллектива, так и во взаимоотношениях с миром духов. Поэтому ему была определена особая роль и в ритуалах, обусловленных жизненным циклом человека, в том числе связанных с браком и смертью.

Ключевые слова

хакасы, традиционная культура, обряды жизненного цикла, свадьба, похороны, баран, овца, образ, символ, обряд, дарообмен, шаманизм

Для цитирования

Бурнаков В. А. Баран в традиционной обрядности хакасов, связанной с жизненным циклом человека: свадьба и похороны (конец XIX – середина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-110-121

A Ram in the Traditional Ritual of Khakas, Associated with the Human Life Cycle: Wedding and Funeral (Late 19th – Mid 20th Century)

Venariy A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
venariy@ngs.ru

Abstract

Purpose. The purpose of this article is to characterize the ram/sheep and its image as an animal included in the Khakas rituals associated with weddings and funerals. Leading in the study is the principle of historicism, when any cultural

© Бурнаков В. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 110–121

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 110–121

phenomenon is considered in development and taking into account a specific situation. The research methodology is based on historical and ethnographic methods: remnants (relict) and semantic analysis.

Results. As a result of the analysis, the following conclusions can be drawn. 1. The ram / sheep and its image occupied an important place in the traditional culture of the Khakas. 2. The animal in question was extremely in demand due to its utilitarian and sacred significance. In practical terms, it was undoubtedly perceived as an important and accessible source of meat and raw materials for household needs. In religious and mythological terms, the designated animal acted as a symbolic projection – a “replacement” for the human soul, which had a close connection with the world of ancestors and deities. The image of a ram was consistently associated with the idea of vitality and fertility. 3. The ram was extremely common in gift-exchange processes, both within the human community and in relationships with the spirit world. Therefore, it was assigned a special role in rituals conditioned by the human life cycle, including those associated with marriage and death. 4. In the Khakas worldview, much attention is paid to the concept of bones.

Conclusion. Therefore, it is not at all accidental that in the culture of these people the concept of genus is designated by the term *seok* – ‘bone’. Not only human bones were considered sacred, but also animal bones, including a ram. It was believed that life potential and mystical power were localized in individual elements of its bone structure. These sacred parts included the skull, chest, tibia, and humerus. They were widely used in wedding and funeral rites.

Keywords

Khakas, traditional culture, rituals of the life cycle, wedding, funeral, ram, sheep, image, symbol, rite, gift exchange, shamanism

For citation

Burnakov V. A. A Ram in the Traditional Ritual of Khakas, Associated with the Human Life Cycle: Wedding and Funeral (Late 19th – Mid 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-110-121

Введение

В традиционной культуре хакасов с древних времен домашним животным отводилась важная роль. Использование продуктов животноводства людьми не ограничивалось сугубо практическими целями, они использовались и в ритуальных. Наличие большого количества скота и многообразие его видов в хозяйстве являлось основой материального достатка и высокого социального статуса человека в обществе.

В повседневной жизни хакасов баран / овца (хак. *хой*) являлся одним из самых распространенных и важных предметов меновой торговли, а также дарообмена, причем как среди людей, так и в отношении божеств и духов. Более того, в ритуальной сфере это животное часто выступало в качестве субститута души человека. С образом барана связывались представления о плодородии и удаче. Хакасы верили в апотропейные свойства отдельных частей барана, а также в их способность оказывать позитивное воздействие на витальные силы человека. В связи с этим они были широко задействованы в традиционной обрядности, связанной с жизнью человека: рождением, свадьбой и похоронами. Целью данной статьи является семантический анализ барана / овцы и его образа как животного, включенного в обрядность хакасов, связанную со свадьбой и похоронами.

Баран в свадебной обрядности

Свадьба – одно из важнейших событий в жизни человека, сопровождающееся сменой его социально-возрастного и семиотического статуса. В этнографии сакральные действия, связанные с рождением, заключением брачного союза и похоронами человека относятся к категории обрядов перехода. Ключевой особенностью свадебных ритуалов является то, что они направлены не только на брачующихся лиц, но и на весь коллектив (семью / род), к которому те принадлежат. Посредством свадебного церемониала происходит породнение двух родов. По традиционным представлениям хакасов, указанный процесс происходит не только на уровне социума, как интегрирование двух общностей, но и на мистическом, как объединение родовых духов-покровителей. Важная роль в нем отводится дарообмену, где ключевым предметом выступает баран. В воззрениях хакасов баран относится к животным с «горячим

дыханием», в связи с чем он отождествляется с огненной стихией и имеет прямое отношение к плодородию и благосостоянию человека.

В культуре хакасов практиковалось несколько видов заключения брака. Одним из его традиционных способов было сватовство малолетних детей *чахсыдаң алысханы* – ‘брак по чести’ или *саблыг той* – ‘свадьба по чести’ [Бутанаев, 1996, с. 144]. Указанная традиция имела наибольшее распространение среди состоятельных и очень близких людей, имевших друг с другом тесные и доверительные отношения. Прежде всего это были друзья, соседи и дальние родственники. Суть этой соционормативной практики сводилась к тому, что родители с самого раннего периода договаривались между собой о будущем брачном союзе своих малолетних детей. При этом родители мальчика на протяжении длительного времени несли материальное обязательство, заключающееся в том, что при достижении детьми 3–5-летнего возраста они должны были ежегодно весной и осенью приезжать к родителям девочки с подарками – *арчы*. Такие визиты продолжались до тех пор, пока дети не достигали 15–17-летнего возраста, после чего договаривались о свадьбе и проводили ее [Там же, с. 144]. Сведения о данном обычае были обнаружены и в архивных материалах. Несмотря на весьма лаконичный и отрывочный характер, они представляют большой этнографический интерес в отношении рассматриваемой темы. «У нас бывало и так, что невесту еще в колыбели “пропивали”. Каждый год ездят к родителям невесты, везут лагун молочного вина и баранью брюшину с мясом. Обычно ездят пока невесте не исполнится лет восемнадцать (ПМ М. С. Усмановой: Теляшкина Наталья Сергеевна)»¹.

Как было отмечено, среди вручаемых подарков важное место занимали спиртные напитки и мясо барана. В первый приезд обычно доставляли семь бочонков араки и семь бараньих туш. Одна из осенних поездок перед свадьбой в дом невесты в народе обозначалась как *түктіг уча* – ‘шерстяное застолье’ [Там же, с. 144–145]. Среди приносимых даров обязательно должен быть в наличии баран / овца «в шерсти», т. е. живой. В религиозно-мифологическом сознании тюркских и монгольских народов обозначенное животное часто выступало в качестве символического заменителя женской души, т. е. самой невесты [Очир-Горяева, 2011, с. 131]. Поэтому данный акт воспринимался обществом в качестве своеобразного возмещения за утрату члена семьи / рода. Как известно, в традиционной свадебной обрядности девушка условно считалась «умершей» для своего коллектива, так как навсегда покидала его и окончательно приобщалась к другому. Обратим внимание на то, что дареный баран был представлен в своем естественном состоянии – живой и с шерстью. В традиционных представлениях шерсть / мех в свадебном обрядовом цикле устойчиво ассоциируется с материальным достатком, а также плодородием и чадородием. В связи с этим вызывает интерес один из способов девичьих гаданий хакасов перед замужеством. Для этого отбиралось несколько одинаковых чашек с крышкой. Обычно три или более. В одну из них складывали хлеб, в другую овечью шерсть, а третью оставляли пустой. Затем девушки должны были выбрать себе одну из чаш. Полагали, что если попадет пустая посуда, то супружеская жизнь будет плохой, бедной. Вариант с хлебом указывал на сытую жизнь в замужестве. Выбор чаши с шерстью предвещал счастливое и богатое будущее².

В ходе последующего весеннего посещения сватающиеся наряду с другими подарками обязательно привозили тушу барана без шкуры, но с головой и конечностями. В связи с чем обозначенная встреча называлась *чалаас уча* – ‘голое застолье’. В процессе этого мероприятия отцу невесты с глубоким почтением подносилась отваренная голова барана [Бутанаев, 1996, с. 144–145]. Заметим, что в культуре тюркских и монгольских народов голова воспринималась в качестве местообитания души и жизненной силы как животного, так и человека [Содномпилова, Нанзатов, 2020, с. 212]. В рассматриваемой обрядовой ситуации голова барана семантически отождествляется с человеческой. Забегая немного вперед, отметим, что согласно правилам похоронной обрядности близким родственникам до года не позволялось

¹ АМАЭС ТГУ. № 818 (1). Л. 6.

² Там же. № 677-4 а. Л. 26–27.

употреблять в пищу мясо с головы скота, так как верили, что в противном случае у покойного она будет невыносимо болеть [Бутанаев, 1996, с. 164].

В религиозно-мифологическом восприятии указанная часть тела, как правило, соотносится с верхом – небом, местообитанием предков, и олицетворяет собой витальность [Шараева, 2018а, с. 80]. В связи с этим становится понятным глубинный смысл обозначенного действия и традиционной речевой формулы хакасов, произносимой в процессе сватанья и поднесения соответствующих даров: «Мы пришли для того, чтобы раскрыть череп и обменяться мозгами. Мы пришли для того, чтобы вспороть грудь и обменяться сердцами» [Бутанаев, 1996, с. 144]. Соответствующий символический акт помимо всего прочего олицетворял собой еще и передачу благодати и благословения предков от семьи / рода дарителей.

Одной из распространенных форм заключения брака у хакасов было умыкание девушки с последующей выплатой калыма. Бараны наряду с другим домашним скотом и иными подарками были неотъемлемой частью платы за невесту [Костров, 1852, с. 43].

В соционормативной сфере хакасов приданое невесты по своей материальной ценности обычно соответствовало калыму, а порой даже превосходило его. Оно, как правило, состояло из скота, предметов домашнего обихода, украшений, денежных средств и т. д. При этом бараны были непременной составляющей приданого [Патачаков, 1958, с. 85]. Представляется уместным привести и личные воспоминания пожилой хакаски о данной традиции: «За меня родители жениха дали 300 рублей денег (корова стоила 10–15 руб.). Приданое (*инзе*) родители невесты давали через 2–3 года. Молодые ехали за ним сами. Родители невесты дали два верховых коня, 15 коров, 23 овцы (ПМ М. С. Усмановой: Самрина Ольга Алексеевна)»³.

Одним из значимых ритуалов свадебного цикла у хакасов было плетение девичьих волос в две косы. Проводимый по этому случаю праздник назывался *сас тойы* – ‘праздник волос’ или *кiчiг той* – ‘малый праздник’. На данное мероприятие также закалывали баранов [Бутанаев, 1996, с. 148–149]. Сам обряд символизировал собой окончательный переход девушки в категорию замужних женщин. Следует отметить то, что в традиционной культуре волосам придавалось большое значение. Была распространена убежденность в том, что волосы, наряду с самой головой, являются одним из мест локализации души / жизненной силы человека. Две косы замужней женщины символизировали объединение указанных жизненных субстанций супругов и покровительство их предков.

По завершении процесса плетения волос невесте приступали к следующему сакральному действию. Приносилась отваренная правая передняя голенная кость с мясом – *чода*. Одна из старших родственниц, благословляя невесту, трижды проводила ею по голове и заплетенным косам девушки. Участники обряда также произносили свои благопожелания. Затем кость через дверь либо дымоход юрты бросали молодым людям, которые находились вблизи жилища в состоянии ожидания этого акта. После чего среди парней сразу же завязывалась стремительная борьба за ее обладание. Победитель вручал ее одному из уважаемых старцев и получал от него благословение [Патачаков, 1958, с. 83–84]. В народе полагали, что такой молодой человек скоро женится и будет счастлив в браке. По справедливому замечанию В. Я. Бутанаева, «кость “чода” имела сакральное значение, связанное с общественным статусом человека» [2014, с. 55]. К сказанному следует добавить, что в традиционном сознании кость *чода* имела семантические связи с культом предков и идеей плодородия. Отметим и тот факт, что в составе многих южносибирских тюрков присутствует *сöдк* (род) – *чода*.

Описанный ритуал обнаруживает семантическое тождество с калмыцким сакральным действием – бросанием бараньей головы через дымоход юрты. Он также выполнялся в процессе свадебной обрядности. Как и у хакасов, обозначенный предмет ловили молодые люди. Согласно выводам Т. И. Шараевой, данный символический акт был связан с зоолатрическим, солярным культами, идеей плодородия, культом предков, а также с сакрализацией жилища и окружающей природы [2018б, с. 29].

³ АМАЭС ТГУ. № 682-5. Л. 5.

Обратим внимание еще на один важный момент в структуре праздника *сас тойы* у хакасов. Он остался не отраженным в этнографической литературе. Речь идет о традиции одаривания грудной частью бараньей туши ключевых участников данного действия. Отваренную баранью грудину было принято подносить в качестве главного подарка тем женщинам, которые заплетали косы невесте. Данная практика была обусловлена представлением о ее сакральной женской символике, плодоносящей и очищающей силе барана и соответствующей части его тела. Подобные воззрения были присущи и монгольским народам. Т. И. Шараева, анализируя значения грудинки в свадебной обрядности калмыков, отмечает факт того, что в анатомическом коде этот элемент тела животного тесно связан с женским началом [2019, с. 877].

Традиция хакасов дарить баранью грудинку указанным лицам со временем была нивелирована, в связи с чем Н. С. Тенешев констатировал: «Обычай дарения овечьей грудины лицам, заплетавшим косы невесте, отменен в период коллективизации, и теперешняя молодежь не знает о его существовании»⁴.

На свадебное пиршество – *улуз той* – было принято забивать три вида домашних животных: коня / лошадь, быка / корову, барана / овцу [Кропоткин, 1895, с. 34]. В прошлом одним из непрременных гостинцев к свадебному столу являлся бараний курдюк. Семантически он также имел отношение к идее плодородия, очевидно, из-за того, что анатомически расположен вблизи половых органов животного. Поднесение его в дар являлось символическим актом пожелания новобрачным большого количества детей и благополучия в хозяйстве⁵.

Заключительный этап свадьбы назывался *törğin*. Новобрачные вместе с родственниками отправлялись к родителям невесты. По этому случаю обязательно забивали барана. Отваренную голову барана с почетом подносили отцу невесты. После чего тот выделял своей дочери приданое. По возвращении домой молодой помимо приданого обязательно давали подарок – *нандыт / чооча*, состоявший из бочонка вина и задней части бараньей туши. Согласно обычаю, от курдюка подаренной части туши необходимо было отрезать кончик, чтобы из родительского дома не ушло счастье – *ырыс* [Бутанаев, 1996, с. 153–155].

В качестве гостинца близким родственникам хакасы порой посылали бараньи внутренности – *хойның істі-харны*. Блюда, приготовленные из них, до сих пор являются излюбленными и популярными в народе. Обратим внимание на то, что среди хакасов встречается *сöök* (род) *ичеге* – ‘букв. кишки’. Про него в шутку говорили: «*Хыс тулубына хой ичегезін сүхчаң, іскер хонмас, илбек сагыстыг полбас ичегелер*» – ‘В гостинец сестре кладущие овечьи кишки, не знающие хорошей жизни, не имеющие великих мыслей род ичеге» [Бутанаев, 1999, с. 39]. Происхождение соответствующего наименования рода связывают с бараньими кишками. Один из малоизвестных вариантов легенды о происхождении *сöök’a ичеге* был обнаружен автором в архивных материалах. Согласно повествованию, одна хакасская девушка вышла замуж за парня-шорца и уехала в Шорию. Там у нее родился ребенок. Спустя какое-то время она приехала в Хакасию, чтобы навестить родных. Шорские родственники в качестве гостинца отправили в Хакасию беличьи мозги. А по возвращении домой ее родители положили ей в подарок бараньи кишки. Дочь категорически отказалась их брать и сказала: «Оставайтесь, *ичеге* – кишки». С тех пор их род стали называть *ичеге* (ПМ М. С. Усмановой: Боргоякова Арина Егоровна)⁶.

Большое значение в свадебной обрядности придавалось произнесению *алгыс’ов* – благопожеланий. В народе верили в магическую силу произнесенных слов и благотворность их влияния на судьбу молодоженов и их будущего потомства. Наиболее распространенным из них было пожелание новобрачным обилия детей в доме и скота в хозяйстве. Одним из ключевых символов хозяйства часто выступает баран / ягненок. Приведем одно из таких благопожеланий: «*Алын идегін пала пассын, кистін идегін хураган пассын*» – ‘Пусть [твой] перед-

⁴ АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 111.

⁵ АМАЭС ТГУ. № 677-4. Л. 50.

⁶ Там же. № 680-8 а. Л. 16.

ний подол топчет ребенок, пусть [на твой] задний подол наступает ягненок' (ПМ М. С. Усмановой: Теляшкина Наталья Сергеевна)⁷.

Вместе с тем барану, наряду с другими домашними животными, отводилась немаловажная роль и в обрядности хакасов, связанной с похоронами.

Баран в погребально-поминальной обрядности хакасов

В традиционной культуре хакасов заклание барана в процессе похорон и поминальной тризны, как и на свадьбе, не ограничивается сугубо практической целью в качестве угощения, ему также отводилась ритуальная функция.

Как известно, обрядность, проводимая по данному случаю, была направлена на отделение умершего (его души) от живых людей, облегчение перемещения в иной мир, устранение всевозможных препятствий во время этого перехода, а также создание благоприятных условий существования в потустороннем пространстве. Верили, что покойник «забирает» с собой в потусторонний мир свою долю нажитого в этом мире имущества, неотъемлемой частью которого являлся мелкий рогатый скот. Поэтому забой баранов / овец был непременной составляющей погребально-поминальной обрядности. Мясо, а также отдельные части его туши входили в круг обязательных предметов, отправляемых душе умершего.

Хакасы верили, что баран мог выполнять еще и апотропейную функцию. В связи с этим вызывает интерес малоизвестный мифологический сюжет о том, как его герой в загробном мире спас свою жизнь, спрятавшись за барана. Данный материал был обнаружен в архиве Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова и публикуется впервые. Основное содержание повествования сводится к следующему. Молодой мужчина по имени Сарыг Ол попадает в мир мертвых – *ýžut čiri*. Он путешествует по различным областям этой территории. В определенный момент визитер оказывается во владении злого одноглазого богатыря-людоеда, который намеревается его съесть. Сарыг Ол, чтобы спасти свою жизнь, обманным путем лишает злодея зрения – пронзает раскаленным железом его единственный глаз, после чего герой пускается в бег. Вместе с тем обнаруживает, что куда бы он ни бежал, его везде настигает слепой богатырь. Сарыг Ол уже начал терять надежду на спасение. В какой-то момент, из последних сил уходя от погони, он попал в загон для скота, где в то время находились бараны. Он выбрал самого большого черного барана и спрятался за ним. В момент приближения людоеда парень, крепко схватившись за животное сзади, подтолкнул его прямо к преследователю. Слепец столкнулся с бараном. Так повторилось несколько раз. Богатырь-людоед разгневался. Схватил его за рога и перебросил далеко через ограду. А вместе с животным, крепко вцепившись в него, полетел и Сарыг Ол. Оказавшись в безопасном месте, он успешно вернулся домой. Таким образом, благодаря барану мужчина сохранил себе жизнь⁸.

В хакасской традиции на похороны было принято забивать крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей [Кропоткин, 1895, с. 40]. Обратим внимание на то, что ритуальное использование барана, а если быть точнее – определенных сакрализованных частей его тела, в поминальных тризнах наибольшее распространение получило среди коренных жителей долины р. Абакан, преимущественно среди такой ее этнической группы, как качинцы (хак. *хаа-стар*). По материалам В. Я. Бутанаева на седьмой и сороковой день поминок близкие родственники – братья и дядя (по матери) – привозили головы и по три ноги барана. Правая передняя нога при этом должна была остаться в доме хозяев животных. В случае, когда умирала женщина, привозили голову овцы. Для мужчины же доставляли баранью голову. Всё это помещалось в котел и варилось вместе с шерстью. По завершении варки от головы отделяли нижнюю челюсть и вынимали язык. Их оставляли в доме, где умер человек. Всё остальное отвозили на кладбище. У могилы поминаемого человека разводили костер. Затем стари-

⁷ АМАЭС ТГУ. № 818 (1). Л. 4.

⁸ АХНКМ. Л. 11.

ки приступали к «кормлению» души умершего человека. Поочередно из трех чаш, наполненных едой, бросали всё содержимое в огонь. После этого, опалив на костре баранью голову, полностью ее обжаривали и съедали мозги. Потом опять обжигали на огне череп, чтобы остались лишь голые кости. В это время у изголовья могилы устанавливали рогатину. На нее насаживали голову со словами: «Мы даём тебе скот!». В народе считалось, что чем больше было повешено бараньих голов, тем большую честь оказали покойному его родственники и близкие люди. Верили, что душа умершего, увидев это, радовалась и хвалилась на том свете: «Сорок родственников пришли, сорок овец пригнали!» [Бутанаев, 1996, с. 164].

Автор приведенного этнографического материала, к сожалению, не раскрыл значение указанных частей тела барана в совершаемой обрядности. Однако в традиционных представлениях хакасов составляющая часть какого-либо объекта семантически несет в себе то же значение, что и целостная структура. Таким образом, голова и ноги барана были маркирующими символическими элементами-заменителями самого животного. В религиозно-мифологическом сознании народа сакральные части животного устойчиво воссоздавали его монолитный образ. Схожие мифологические ассоциации были распространены и среди русских. Об этом, например, может свидетельствовать известная народная песня о сереньком козликe, носящая дидактический характер. Согласно сюжету, упрямое животное ослушивается свою хозяйку и отправляется в лес, где его съедают волки. В финальной части произведения идет констатация факта «остались от козлика рожки да ножки». В данном случае рожки как костные образования на наружной поверхности черепа в мифологическом сознании отождествляются с головой. Оставшиеся части, безусловно, проецируют образ животного.

Само же значение барана в погребально-поминальной сфере в семиотическом отношении было тождественно той роли, которую он играл и в свадебной обрядности. Животное помимо своего прямого назначения несло в себе еще и часть жизненной силы и благодати, которой делились с умершим человеком его живые родственники. В традиционной культуре этот дар – проявление заботы о его дальнейшей судьбе. Действия подобного рода были направлены на формирование благоприятных условий его посмертного существования в потустороннем мире.

Обратим внимание на некоторые детали обозначенной обрядности, не раскрытые В. Я. Бутанаевым. Исследователь не пояснил значение обычая привозить на поминки именно три бараньи ноги вместо четырех. Отметим, что в культуре хакасов правая передняя нога животного ассоциировалась с таким понятием, как *талан* – счастье, удача и пр., носителем которого она могла быть. В процессе разделки туши эту часть вместе с внутренностями и кровью первым делом заносили в дом. Помимо иных причин, это делалось еще и для того, чтобы удержать *талан* в семье. Поэтому правую переднюю ногу никому из посторонних лиц, а тем более умершему, не передавали. Вместе с тем имелась еще одна весомая причина данной традиции, также имеющая мировоззренческое основание.

Среди хакасов была распространена убежденность в том, что иной мир по своим сакральным характеристикам был противоположен земному миру, в связи с чем всё целостное в нем представало в деформированном виде и наоборот – сломанный или поврежденный предмет представал как цельный и без изъянов. Поэтому все основные сопроводительные вещи покойника в процессе похорон нарочно деформировали: их надламывали, надрезали и т. д. Собственно, в традиционном сознании хакасов и сам умерший человек уже воспринимался как существо, лишенное целостности. Поэтому весьма показательно объяснение пожилой хакаски о поминальной традиции своего народа: «На могилу берут съестное (лепешки, мясо) – обязательно голову барана и три ноги. Три ноги везут, потому что целого барана (1 голова и 4 ноги) на могилу везти нельзя – ведь человек уже не целый. Мясо с головы барана съедают, с ножек тоже. Затем кости попеременно с лепешками сжигают на погребальном ко-

стре, а голову барана вешают на рогульку (ПМ М. С. Усмановой: Конгарова Анна Константиновна)»⁹.

Следует более детально остановиться и на рассмотрении роли деревянной развилки, на которую насаживали баранью голову во время поминальной обрядности. Соответствующий вид она могла иметь ввиду своего естества либо развилку специально вырезали из доски. Порой использовали и обыкновенный деревянный колышек. В представлениях хакасов этот предмет воспринимался в качестве временногоместилища души умершего человека¹⁰. Данные воззрения, очевидно, были связаны с культом дерева. Как известно, каждый хакасский род имел свое священное дерево, которое олицетворяло собой родовую силу и душу. Поэтому не случайно в народе была распространена примета, согласно которой увидеть во сне падающее дерево означало смерть кого-либо из людей.

По традиции длина сакральной жерди должна соответствовать росту умершего человека. Она устанавливалась на дно могилы в ее головной части комлем вверх. При ее установке, обращались к покойному: «*ös örgen turğыs салгабыс*» – ‘поставили тебе осиновый кол’¹¹.

Обратим внимание на то, что своей формой обозначенный культовый предмет воссоздавал образ некоторых фетишей – *төс’ов*, имевших вилообразный вид. В обрядовой практике хакасов *төс’ы* выступали в качестве воплощений различных духов, в том числе олицетворяли предков. Своей мистической силой они были призваны обеспечивать: приемлемые условия жизни верующих, успех в хозяйственной деятельности, защиту от злой силы, сохранение здоровья и др. В отношении каждого из них была сформирована специальная обрядность, в том числе угощение пищей [Бурнаков, 2020, с. 11–15, 148]. Схожую обрядность, но только в рамках поминального цикла, совершали хакасы в отношении надмогильных рогатин. Так, в процессе поминок – на седьмой или сороковой день – на развилку крепили с ориентацией на запад баранью голову. А в ее основание выливали молоко и спиртные напитки. Остальную пищу сжигали в костре, возжигаемом у могилы. Представим архивные этнографические сведения, собранные М. С. Усмановой о данной традиции: «Село Доможаково. Август. Похороны утонувшего 16-летнего парня. В отличие от других кладбищ, здесь в могильный холм рядом с поминальным столиком вбита рогатка, вытесанная топором из доски. Такая рогатка на каждом холме. Я спросила о назначении этой рогатки. Мне ответили, что мы так поминаем. Самый главный – 7-й день. Когда приходят на седьмой день помянуть, то привозят, кроме всего прочего, баранью голову и три ножки от барана. Причем баранья голова без нижней челюсти. Когда поминают, то старушки очищают голову от шкурки (она сварена вместе с шерстью, как и ноги). Немного съедят мясо с головы и вешают на рогатку. Если на 7-й день не зарежут барана, то можно и на сороковой, а можно и на третий день, сразу после похорон повесить. Ножки оставляют там же»¹².

В поминальной традиции хакасов помимо головы барана большое значение придавалось и другим частям его тела. По материалам В. Я. Бутанаева на полугодовые поминки вместе с остальной пищей для умершего мужчины обязательно сжигали в костре плечевую кость с отбитым узким концом и лопатку, а для женщины – середину грудинки [Бутанаев, 1996, с. 165]. По сведениям М. С. Усмановой, сакральную функцию выполняла еще и берцовая кость. В процессе поминок на сороковой день, полгода и год душе умершего человека на костре сжигают мешочки с крошеной едой. Вместе с ней в огонь бросают часть берцовой кости. Следует отметить, что предварительно ее тут же на кладбище разрубали пополам. Та часть, которая подносится покойному, называется *пазы чох* – ‘букв. без головы / верхушки’, а вторая – *пай пазы* – ‘священная голова / верхушка’. Оставленную кость обязательно уносят домой и отдают собаке. По объяснению хакасов это делается для того, чтобы душа

⁹ АМАЭС ТГУ. № 682-3. Л. 1–2.

¹⁰ АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 21.

¹¹ АМАЭС ТГУ. № 818-2. Л. 24.

¹² Там же. № 681-5. Л. 29.

умершего не забрала с собой в загробный мир *талан* – счастье / удачу и достаток живых людей¹³.

Итак, в погребально-поминальной обрядности посредством ритуальных действий с применением сакральных частей барана, таких как голова, лопатки, плечевая и берцовая кости, осуществлялось взаимодействие с душой умершего.

Заключение

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в традиционной культуре хакасов баран / овца занимал важное место. Это парнокопытное было чрезвычайно востребовано в обществе. В практическом плане оно воспринималось как важный и доступный источник мясной пищи и сырья для хозяйственных потребностей. Помимо этого баран занимал неотъемлемое место в традиционной обрядности хакасов.

В религиозно-мифологическом отношении обозначенное животное выступало в качестве символической проекции – «замены» души человека, имевшей тесную связь с миром предков и божеств. Образ барана устойчиво ассоциировался с идеей витальности и плодородия. Он также наделялся апотропейными свойствами. Это животное являлось одним из главных атрибутов дарообмена как внутри человеческого коллектива, так и во взаимоотношениях с миром духов. Поэтому ему была определена особая роль в ритуалах, обусловленных жизненным циклом человека, в том числе связанных с браком и смертью.

В мировоззрении хакасов большое внимание уделено представлению о костях. Они традиционно воспринимались в качестве вместилища жизненной субстанции живого существа. Поэтому совершенно не случаен тот факт, что в культуре этого народа понятие род обозначается термином *сёёк* – ‘кость’. Сакральными считались не только кости человека, но и животных, в том числе и барана. Полагали, что в отдельных элементах его костной структуры локализованы жизненный потенциал и мистическая сила. К числу таких сакральных частей относились: череп, грудная, голенная, берцовая и плечевая кости. Они широко использовались в свадебной и похоронной обрядности. Верили, что посредством этих предметов людям может быть дарована магическая сила, направленная на усиление счастья, плодородия, материального достатка и пр. как в земном, так и загробном мире.

Список литературы

- Бурнаков В. А. Фетиши – тёсы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – середина XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 188 с.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.
- Бутанаев В. Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан: Журналист, 2014. 316 с.
- Костров Н. А. Качинские татары. Казань: Тип. Губерн. правл., 1852. 66 с.
- Кропоткин А. А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб.; М.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф, 1895. Т. 12, ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. С. 19–50.
- Очир-Горяева М. А. О значении коня и овцы в обрядовой культуре кочевников // Монголоведение. 2011. № 5. С. 126–138.
- Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. 104 с.

¹³ АМАЭС ТГУ. № 682-3. Л. 59.

- Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.** «Костная» версия антропоморфной модели в традиционном мировоззрении тюрко-монголов внутренней Азии: образы, значение, функции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 207–217.
- Шараева Т. В.** «А плохую шею мы оставим дома...» (о символике шейных позвонков в свадебной обрядности калмыков). *Oriental Studies*, 2018a, vol. 38, no. 4, pp. 75–85.
- Шараева Т. И.** «Когда говорят о свадьбе, то даже и высохший череп туда катится» (к вопросу о значении бараньей головы в свадебных обрядах калмыков) // Монголоведение. 2018б. № 13. С. 22–37.
- Шараева Т. И.** «Живите в благоденствии!» (к вопросу об обрядах введения невесты в свадебной обрядности у калмыков) // Монголоведение. 2019. № 4. С. 862–887.

Список источников и словарей

- АМАЭС ТГУ. № 677-4 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Тетрадь № 4. Лето 1972 г.». 94 л.; № 680-8 а «Этнографической экспедиция ТГУ в Хакасию. Тетрадь № 8. Июль 1974 г.». 40 л.; № 681-5 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Тетрадь № 5. Август 1975 г.». 35 л.; № 682-3 «Экспедиция в Хакасию в 1976 г.». 78 л.; № 682-5 «Отчет об экспедиции в Таштыпский и Усть-Абаканский районы Хакасской области в июле-августе 1975 г.». 78 л.; № 818 (1) «Перепечатка материалов этнографической экспедиции ТГУ в Хакасию. Лето 1977 г.». 18 л.; № 818-2 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Полевой дневник № 1. Август 1977 г.». 34 л.
- АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. «Тенешев Н. С. Брак, семья, свадебные обряды и обычаи сагайцев», 1956 г. 117 л.; «Тенешев Н. С. Хакассские легенды», 1956 г. 50 л.
- АХНКМ. «Тенешев Н. С. «Ўзүт чирі (царство мертвых)» по верованиям сагайцев». 29 л.

Полевые материалы М. С. Усмановой

- Боргоякова Арина Егоровна, 1910 г. р., Картоев аал, Аскизского района Хакасской автономной области Красноярского края (ныне – Республики Хакасия)
- Конгарова Анна Константиновна, 1900 г. р., с. Аршаново Алтайского района Хакасской автономной области Красноярского края (ныне – Республики Хакасия)
- Самрина Ольга Алексеевна, 1888 г. р., с. Аршаново Алтайского района Хакасской автономной области Красноярского края (ныне – Республики Хакасия)
- Теляшкина Наталья Сергеевна, 1900 г. р., с. Трошкино Ширинского р-на Хакасской автономной области Красноярского края (ныне – Республики Хакасия)

References

- Burnakov V. A.** Fetishi – tesy v traditsionnom mirovozzrenii khakasov (konets XIX – seredina XX veka) [Fetishes – tes in the traditional Khakass worldview (late 19th – mid 20th centuries)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2020, 188 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya [Weekdays and holidays of the Khongoray Turks]. Abakan, Zhurnalists Publ., 2014, 316 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar' [Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan, Khakassia Publ., 1999, 240 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnaia kul'tura i byt khakasov [Traditional Culture and Life of the Khakass]. A Guide for Teachers. Abakan, Khakass Book Publ., 1996, 224 p. (in Russ.)
- Kostrov N. A.** Kachinskie tatary [Kachin Tatars]. Kazan, House of the Provincial Government Publ., 1852, 66 p. (in Russ.)

- Kropotkin A. A.** Sayanskii khrebet i Minusinskii okrug [Sayan Range and Minusinsk District]. In: Zhivopisnaia Rossiya [Picturesque Russia]. St. Petersburg, Moscow, M. O. Volf Publ., 1895, vol. 12, iss. 1: Eastern outskirts of Russia. Eastern Siberia, pp. 19–50. (in Russ.)
- Ochir-Goriaeva M. A.** O znachenii konya i ovtsy v obryadovoi kul'ture kochevnikov [The significance of the horse and sheep in the ritual culture of nomads]. *Mongolovedenie [Mongolian Studies]*, 2011, vol. 5, pp. 126–138. (in Russ.)
- Patachakov K. M.** Kul'tura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazei s russkim narodom (XVIII–XIX vv.) [Culture and life of the Khakass in the light of historical ties with the Russian people (18th – 19th centuries)]. Abakan, Khakass Book Publ., 1958, 104 p. (in Russ.)
- Sharaeva T. I.** “A plokhuyu sheyu my ostavim doma...” (o simvolike sheinykh pozvonkov v svadebnoi obriadnosti kalmykov [“And we will leave the bad neck at home...” (on the symbolism of the cervical vertebrae in the wedding rituals of Kalmyks)]. *Oriental Studies*, 2018, vol. 38, no. 4, pp. 75–85. (in Russ.)
- Sharaeva T. I.** “Kogda govoryat o svad'be, to dazhe i vysokhshii cherep tuda katitsya” (k voprosu o znachenii baran'ei golovy v svadebnykh obryadakh kalmykov) [“When they talk about a wedding, even a dried-up skull rolls there” (to the question of the meaning of a ram's head in Kalmyk wedding ceremonies)]. *Mongolovedenie [Mongolian Studies]*, 2018, vol. 13, pp. 22–37. (in Russ.)
- Sharaeva T. I.** “Zhivite v blagodenstvii!” (k voprosu ob obryadakh vvedeniya nevesty v svadebnoi obriadnosti u kalmykov) [“Live in prosperity!” (to the question of the rituals of introducing the bride into wedding rituals among Kalmyks)]. *Mongolovedenie [Mongolian Studies]*, 2019, vol. 4, pp. 862–887. (in Russ.)
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z.** “Kostyanaya” versiya antropomorfnoi modeli v traditsionnom mirovozzrenii tyurko-mongolov vnutrennei Azii: obrazy, znachenie, funktsii [“Bone” version of the anthropomorphic model in the traditional worldview of the Turkic-Mongols of Inner Asia: images, meaning, functions]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]*, 2020, no. 4 (51), pp. 207–217. (in Russ.)

List of Sources

- Arkhir MAES TGU [Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University]. No. 677-4 “Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu” [“Ethnographic expedition TSU in Khakassia”]. Book no. 4. Summer of 1972, 94 p.; No. 680-8 a. “Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu. Tetrad' no 8. Iyul' 1974 g.” [“Ethnographic expedition TSU in Khakassia. July 1974”], 40 p.; No. 681-5 “Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu. Tetrad' no 5. Avgust 1975 g.” [“Ethnographic expedition TSU in Khakassia. August 1975”], 35 p.; No. 682-3 “Ekspeditsiya v Khakasiyu” [“Expedition in Khakassia”], 78 p.; No. 682-5 “Otchet ob ekspeditsii v Tashtypskii i Ust'-Abakanskii raiony Khakasskoi oblasti v iyule-avguste 1975 g.” [“Report on the expedition to the Tashtypsky and Ust'-Abakansky districts of the Khakass region in July-August 1975”], 78 p.; No. 818 (1) “Perepechatka materialov etnograficheskoi ekspeditsii TGU v Khakasiyu. Leto 1977 g.” [“Reprint of materials of the ethnographic expedition of TSU to Khakassia”], 18 p.; No. 818-2 “Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu. Field diary number 1. Avgust 1977 g.” [“Ethnographic expedition TSU in Khakassia. August 1977”], 34 p. (in Russ.)
- Arkhir MAE RAN [Archive of the Museum of archeology and ethnography of the Russian Academy of Sciences]. F. 5. Op. 6. D. 19 “Teneshev N. S. Brak, sem'ya, svadebnye obryady i obychai sagaitsev” [Fund 5. Inventory 6. File 19. “Marriage, family, wedding ceremonies and customs of the Sagay”], 1956, 117 p.; “Teneshev N. S. Khakasskie legendy” [“Khakass legends”], 1956, 50 p. (in Khakass and in Russ.)
- Arkhir Khakasskogo natsional'nogo kraevedcheskogo muzeya imeni L. R. Kyzlasova [Archives of the Khakass National Museum of Local Lore named after L. R. Kyzlasov] “Teneshev N. S.

“Uzut chiri (tsarstvo mertvykh)” po verovaniyam sagaitsev” [“Uzut chiri (kingdom of the dead)” according to the beliefs of the Sagay], 29 p. (in Khakass and in Russ.)

Field Materials of M. S. Usmanova

Borgoyakova Arina Egorovna, born in 1910, Kartoev aal, Askiz district of the Khakass autonomous region of the Krasnoyarsk Territory (now the Republic of Khakassia)

Kongarova Anna Konstantinovna, born in 1900, p. Arshanovo, Altai District, Khakass Autonomous Region, Krasnoyarsk Territory (now – the Republic of Khakassia)

Samrina Olga Alekseevna, born in 1888, p. Arshanovo, Altai District, Khakass Autonomous Region, Krasnoyarsk Territory (now – the Republic of Khakassia)

Telyashkina Natalya Sergeevna, born in 1900, p. Troshkino, Shirinsky District, Khakass Autonomous Region, Krasnoyarsk Territory (now – the Republic of Khakassia)

Информация об авторе

Венарий Алексеевич Бурнаков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Information about the Author

Venariy A. Burnakov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Статья поступила в редакцию 17.12.2020;

одобрена после рецензирования 22.02.2021; принята к публикации 14.10.2021

The article was submitted 17.12.2020;

approved after reviewing 22.02.2021; accepted for publication 14.10.2021

Научная статья

УДК 39(1)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-122-139

Эскимосская проблема в свете новых данных

Павел Сергеевич Гребенюк

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Магадан, Россия
grebenyuk.pavel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9940-9962>

Аннотация

Статья посвящена анализу наиболее важных достижений в исследовании древней ДНК, а также корреляции данных генетики и археологии по проблеме происхождения эскимосов. Результаты исследований последних лет раскрывают длительность и сложность процессов формирования и развития палеоэскимосских и неоэскимосских культур. Предки палеоэскимосов и неоэскимосов по линии Q-NWT01 Y-ДНК обитали в районах бассейна р. Колыма уже около 10 тыс. л. н. В период 7 000–5 000 кал. л. н. предки палеоэскимосов по линии D2a мтДНК и предки неоэскимосов по линии D4b1a2 мтДНК распространяются в Центральной Якутии и на Крайнем Северо-Востоке Азии. Миграция азиатских предков палеоэскимосов на Аляску произошла около 5 500–5 300 кал. л. н. и была связана с носителями белькачинской культуры. Генофонд предковой неоэскимосской популяции складывался на юге Аляски из двух основных компонентов – палеоэскимосского и палеоиндейского. Формирование неоэскимосских культур проходило в Берингоморье на основе локальной палеоэскимосской традиции и под влиянием культурных традиций Юго-Западной Аляски и Чукотки. Усть-бельская культура могла выступить генетическим источником развития неоэскимосской традиции.

Ключевые слова

Северная Америка, Северо-Восток Азии, Чукотка, Аляска, палеоэскимосы, неоэскимосы, палеоэскимосские культуры, неоэскимосские культуры, палеогенетика

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00144

Для цитирования

Гребенюк П. С. Эскимосская проблема в свете новых данных // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 122–139. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-122-139

Eskimo Problem in the Light of New Data

Pavel S. Grebenyuk

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Magadan, Russian Federation
grebenyuk.pavel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9940-9962>

Abstract

Purpose. The problem of the origin of the Eskimos has received considerable attention, at the same time also providing insights about human presence in far Northeast Siberia and America. I review earlier studies and discuss some of the more exciting recent results emerging from ancient DNA data sets. I also highlight important features of genetic and archeological data and discuss key questions and future research directions.

© Гребенюк П. С., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 122–139

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 122–139

Results. The Paleo-Eskimos and Neo-Eskimos ancestors along the Q-NWT01 Y-DNA line lived in the Kolyma River basin at the turn of the Late Pleistocene and Early Holocene. The migration of the East Asian ancestors of the Paleo-Eskimos was associated with the representatives of the Neolithic cultures of Northeast Asia, which brought the ancestral haplotype for mtDNA haplogroup D2a to Alaska. The emergence of the Neo-Eskimo cultures took place in the Bering strait area on the basis of the local Paleo-Eskimo tradition and under the influence of the cultural traditions of Southwestern Alaska and Chukotka. The Ust'-Belaya culture of Chukotka could act as a genetic source for the development of the Neo-Eskimo cultures.

Conclusion. Analysis of ancient DNA from human remains over the past decade has had a transformative effect on the study of the origin of the Eskimos. Data sets of ancient DNA have revealed an increasingly complex picture of human demographic history in North-East of Asia and America and development of Paleo-Eskimo and Neo-Eskimo traditions, suggesting multiple waves of migration over the Bering Strait and episodes of admixture of different groups of population, including Ancient Paleosiberian, East Asian, Paleo-Indian, Paleo-Eskimos, Neo-Eskimos and others.

Keywords

Northern America, Northeastern Asia, Chukotka, Alaska, Paleo-Eskimos, Neo-Eskimos, Paleo-Eskimo tradition, Neo-Eskimo tradition, paleogenetics

Acknowledgements

This research was funded by RFBR, project no. 19-09-00144

For citation

Grebennyuk P. S. Eskimo Problem in the Light of New Data. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 122–139. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-122-139

Введение

Эскимосами называют группу коренных народов, составляющих коренное население обширной территории от Гренландии и Канады до Аляски и Чукотки. Языки эскимосов относятся к эскимосской ветви эскимосско-алеутской языковой семьи. Эскимосы относятся к арктической группе антропологических типов, составляющей вместе с южной и дальневосточной группами тихоокеанскую ветвь монголоидной расы.

В научной литературе высказывались различные точки зрения и теории по заявленной теме [Арутюнов, Сергеев, 1969; 1975; Диков, 1979; Bandi, 1969]. В настоящей статье на основе исследований предыдущих лет и недавних открытий предлагается современный взгляд на основные дискуссионные вопросы, составляющие «эскимосскую проблему». Среди них ключевыми являются вопросы происхождения эскимосов и возникновения специализированной культуры морских охотников, которые также непосредственно связаны с проблемой развития древних культур и миграций в Северной Америке и на Северо-Востоке Азии.

В результате многолетних археологических исследований на обширной территории от Чукотки до Гренландии была выявлена серия археологических культур различной хронологии. В самом общем виде историю этих культур разделяют на две традиции. Неоэскимосская традиция («традиция Туле»), получившая начальное развитие в Берингоморье с конца I тыс. до н. э., включала культуры Оквик, Древнеберингоморскую, Бирнирк, Пунук и Туле. Носители этой традиции являлись предками современных инуитов, инупиатов и юпиков. До появления неоэскимосской традиции существовала отличная палеоэскимосская традиция (~ 3 200 г. до н. э. – 1 300 г. н. э.), к которой некоторые исследователи относят комплекс Денби-Флинт, поселение древнекитобойной культуры на м. Крузенштерн, культуры Чорис, Нортон и Ипиутак на Аляске, культуры Саккак, Индепенденс, Пре-Дорсет и Дорсет в Канадской Арктике и Гренландии, а также палеоэскимосские памятники Чукотки.

Происхождение палеоэскимосов и их культуры

Наиболее ранние археологические свидетельства, подтверждающие наличие приморской адаптации в арктических и субарктических регионах, обнаружены в Северо-Восточной Пацифике: в Британской Колумбии и на Юго-Востоке Аляски – в период до 10 000 кал. л. н., на Алеутских островах (традиция Анангула) ~ 9000 кал. л. н., а также на о. Кодьяк (Оушенбэй) ~ 7 500 кал. л. н. Становление характерной для палеоэскимосов специализированной

культуры морских охотников начиная с ~ 5 000–4 500 кал. л. н. проходило в арктических районах Аляски, Канады и Гренландии. Основой развития палеоэскимосских культур стала «арктическая традиция малых орудий» (AST – Arctic small tool tradition), в рамках которой обычно выделяют комплекс Денби-Флинт на Аляске и ранние палеоэскимосские культуры Канадской Арктики и Гренландии (Саккак, Индепенденс I, Пре-Дорсет). В научной литературе также используется разделение на Западную AST, которая распространялась на Аляске, и Восточную AST в Канадской Арктике и Гренландии. Как отмечает С. Б. Слободин, при обращении к материалам Западной AST важно учитывать, что часть ученых следует схеме, предложенной Дж. Гиддингсом и Д. Андерсоном, в которой они изменили оригинальную дефиницию AST В. Ирвинга, включив в нее не только комплекс Денби-Флинт на Аляске, но и следующие за ним культуры, в том числе Чорис, Нортон и Ипиутак [Slobodin, 2019, p. 434].

Происхождение традиции AST связывают с экспансией через Берингов пролив носителей древних культур Северо-Востока Азии, археологические комплексы которых обнаруживают сходство с индустрией комплекса Денби-Флинт на Аляске [Powers, Richard, 1990, p. 666; Slobodin, 2019]. По результатам молекулярного датирования, миграция предков палеоэскимосов на Аляску могла начаться ~ 5 500 кал. л. н. [Rasmussen et al., 2010]. В этот период в интервале 5 200–4 100 ¹⁴C л. н. (6 000–4 700 кал. л. н.) в Северо-Восточной Сибири распространяется белькачинская культура, стоянки которой обнаружены в долине р. Алдан, на Нижней Лене, Таймыре и Западной Чукотке. В область распространения этой традиции также входила восточная часть Чукотского п-ова, а ее влияние достигало Камчатки [Мочанов, Федосеева, 1976, с. 524]. Для белькачинской культуры характерны шнуровая керамика, основы для вкладышевых орудий, острия, шилья и иглы из кости, каменные шлифованные тесла с ушками, ступенчатые тесла с высокой спинкой, клювовидные комбинированные орудия, иволистные и треугольные бифасиальные наконечники, многофасеточные резцы. Керамика с отпечатками шнура также найдена в Приморье, Забайкалье, на Сахалине, Курильских островах и в Японии [Мочанов, 1967; Яншина, 2011].

Исследователи указывают белькачинскую культуру как возможный источник появления в Американской Арктике «арктической традиции малых орудий» [Potter, 2010]. Археологические комплексы белькачинской культуры обнаруживают сходство с индустрией AST комплекса Денби-Флинт [Ackerman, 1998]. В недавнем исследовании С. Б. Слободин отметил, что в неолитических комплексах на Колыме и Чукотке и в материалах комплекса Денби-Флинт на Аляске помимо микропластинок фиксируются такие сходные типы орудий, как мелкие треугольные наконечники, округлые в плане ретушированные скребки; клювовидные комбинированные орудия; угловые и многофасеточные резцы, концевые и боковые вкладыши, резцы, тесла с частично шлифованным лезвием и др. [Slobodin, 2019]. Наиболее надежная серия радиоуглеродных дат показывает для комплекса Денби-Флинт диапазон 4 500–2 500 кал. л. н. [Tremayne, Rasic, 2016].

Почти все палеоэскимосские образцы, секвенированные в палеогенетических исследованиях последних лет, принадлежат к гаплогруппе D2a мтДНК. Эта гаплогруппа также обнаружена у современных алеутов, чукчей, сирениковских эскимосов и индейцев на-дене, но при этом почти не фиксируется у современных инуитов. Исследования мтДНК выявили прямое сходство между древними и современными алеутами, с одной стороны, и носителями палеоэскимосских культур Канадской Арктики и Гренландии, с другой [Raghavan et al., 2014; Flegontov et al., 2019].

Палеогенетическое исследование древнего индивида из Дуванного Яра показало, что предки палеоэскимосов по линии Q-NWT01 Y-ДНК обитали в районах бассейна Колымы еще на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена (9 800 кал. л. н.) [Sikora et al., 2019]. Предполагается, что древняя палеосибирская популяция, представленная геномом древнего человека из Дуванного Яра, представляла собой особую ветвь палеолитического населения Сибири, которая была широко распространена в Северо-Восточной Азии. В значительной

степени она стала предковой для многих групп населения голоцена Крайнего Северо-Востока Азии и Северной Америки, в том числе для палеоэскимосов, неоэскимосов и чукотско-камчатской общности, а также повлияла на генофонд общего предка кетов и атапасков.

Палеогенетическое исследование древних индивидов из сылахского погребения Матта-1 возрастом ~ 6 800 кал. л. н. и белькачинского погребения Оннес на р. Амга возрастом ~ 6 300 кал. л. н. выявило наличие гаплогрупп F1d и D4b1c мтДНК, а сравнение аутосомных локусов показало их близость к палеоэскимосским линиям (индивиду культуры Саккак) [Kılınç et al., 2018; 2021]. Генофонд палеоэскимосов складывался из двух компонентов – древнего палеосибирского, представленного геномом индивида из Дуванного Яра, и восточноазиатского, близкого к тем, что обнаружены у индивидов из сылахского погребения Матта-1, белькачинского погребения Оннес, а также пещеры Чёртовы Ворота в Приморье и представителя китайской культуры в захоронении на оз. Ножий в Забайкалье. По всей видимости, миграция предков палеоэскимосов на Аляску произошла в период около 5 500–5 300 кал. л. н. и была связана с представителями белькачинской культуры.

Палеоэскимосы заселили огромные территории от Юго-Западной Аляски до Гренландии, сменили популяции Северной Архаической традиции на северо-западе Аляски и были первыми людьми, поселившимися в арктических регионах Канады и Гренландии. Активное распространение этой популяции в Северной Америке началось около 5 000–4 500 кал. л. н. с развитием комплекса Денби-Флинт на Аляске, и в следующие 3 000 лет фиксируется генетическая и культурная преемственность этой традиции в Североамериканской Арктике. Люди Денби-Флинт были мобильны, многие обнаруженные памятники представляют собой временные лагеря охотников на оленей, численностью до 10–15 чел., вероятно, связанных родственными узами. Летом они выходили на морское побережье с целью промысла морских животных [Tremayne, Rasic, 2016].

Каменная индустрия традиции AST включает микропластинки – в большинстве продолговатые чешуйки маленького размера длиной до 5 см, микронуклеусы особого типа (отличные от типичных конических или призматических, их определяли как пирамидальные), бифасиально ретушированные плоские наконечники треугольной и листовидной формы, боковые вкладыши асимметричной формы и со скошенным основанием, ножи на отщепах, рукавичковидные резцы (mitten-shape) и резцовые сколы с них, шлифованные резцы, ретушированные и шлифованные резчики (резчики со шлифованными лезвиями), ретушированные тесла, проколки, концевые и боковые скребки различной конфигурации, черешковые и листовидные ножи и другие материалы [Slobodin, 2019; Tremayne, Rasic, 2016].

В качестве сырья использовались микрокристаллический кварц (кремнистый сланец, агат, халцедон), кристаллический сланец (мыльный камень, или стеатит), нефрит, обсидиан и др. Характерная особенность каменной индустрии – это малый размер изделий, в том числе микропластинок и резцов, которые использовались в повседневной жизни и инвентаре кочевых охотников в качестве режущих инструментов и для обработки органических материалов. Предполагается, что наконечники малого размера с приостренным насадом и прямым основанием использовались для стрел, асимметричные боковые острия – для копий или острог, плоские треугольные наконечники применялись в качестве копьеца гарпунов [Tremayne, Rasic, 2016].

Археологические следы первопроходцев традиции AST в Канадской Арктике возрастом ранее 4 500–4 400 кал. л. некоторые исследователи объединяют под наименованием «Начальный Пре-Дорсет» [Friesen, 2016, p. 676]. На основе Начального Пре-Дорсета в Канадской Арктике и Гренландии возникли последующие палеоэскимосские культуры. Наблюдается прямая линия развития от первых памятников комплекса Денби-Флинт и Начального Пре-Дорсета до появления и развития ранних палеоэскимосских культур Пре-Дорсет (4 500–2 700 кал. л. н.), Индепенденс I (4 500–3 800 кал. л. н.) и Саккак (4 500–2 800 кал. л. н.).

В отличие от материалов комплекса Денби в ранних палеоэскимосских культурах в значительном количестве присутствует костяной инвентарь, включающий наконечники гарпунов, острог, дротиков, костяные рукоятки резчиков, иглы, проколки и другие костяные изделия. Ранние палеоэскимосы в континентальных районах охотились на овцебыка и оленя, занимались рыболовством и охотой на птиц, а в прибрежной зоне охотились на тюленей на льдинах и в открытом море. Нет точных сведений о социальной организации ранних палеоэскимосов. Скорее всего, они обладали анимистическим мировоззрением и имели шаманов, использовали ритуальное пение и танцы, судя по найденному фрагменту ободка барабана. Вероятно, ранние палеоэскимосы развивались в относительной изоляции от одновременных более южных культурных традиций, хотя исследователи не исключают контакты, в том числе с представителями морской архаической традиции на Лабрадоре. Останки собак присутствуют на небольшом количестве стоянок ранних палеоэскимосских культур, существуют фрагментарные свидетельства использования саней, вероятно, собак использовали на охоте [Friesen, 2016].

В рамках ранних палеоэскимосских культур Канадской Арктики и Гренландии происходит оформление специализированной палеоэскимосской традиции, среди основных элементов которой можно выделить следующие: орудийный набор, представленный тщательно обработанными изделиями мелкого размера; миниатюрные иглы из кости для пошива одежды из шкур; использование небольших лодок и специализированного гарпунного комплекса для морского зверобойного промысла, включающего характерные поворотные и зубчатые наконечники гарпунов; лук и стрелы для охоты на оленя и овцебыка; легкие переносные жилища из шкур с деревянным каркасом, устройство жилища с выложенным по центру проходом и наличие прямоугольного очага; жирники из камня, отсутствие технологий гончарного производства.

Самобытность палеоэскимосских культур, специфика и особенности их развития были обусловлены географическим и временным факторами. Это были различные культуры, расположенные на значительном расстоянии, тем не менее можно говорить об одной и той же популяции, генетически идентичных, говорящих на одном языке людей, обладающих общим мировоззрением, общественным устройством и технологиями. Появление палеоэскимосской традиции на Крайнем Северо-Востоке Азии следует связывать с обратной миграцией в зону Берингова пролива палеоэскимосских групп Канадской Арктики и Аляски, причины которой могли быть вызваны изменением климатических условий, повлиявшим на морских млекопитающих и человека. Палеоэскимосская культурная традиция на Чукотке представлена стоянкой Чёртов Овраг на о. Врангеля (3 300–2 850 ¹⁴С л. н. / 3 500–2 900 кал. л. н.) и поселением Уненен (3 300–2 900 ¹⁴С л. н. / 3 500–3 000 кал. л. н.) [Диков, 1979, с. 165–167; Гусев, 2014].

Все палеоэскимосские культуры отличались определенным своеобразием и существовали на огромной территории (табл. 1). В настоящий момент предполагается, что токаревская культура Северного Приохотья может быть генетически связана с палеоэскимосским кругом археологических культур [Лебединцев, 2019]. Влияние палеоэскимосской традиции на уровне каменной индустрии проявляется в отсутствии пластинчатой техники, характерной для континентальных культур, и в особенностях орудийного набора – наличии мелких изделий из халцедона: миниатюрных наконечников стрел, скребков овальной формы, вкладышей, мелких ножей листовидной формы. Для стоянок этой традиции характерно использование прямоугольного очага, идентичного по форме очагам на стоянке Чёртов Овраг на о. Врангеля. Носители токаревской культуры обладали технологически развитым арсеналом для морского зверобойного промысла – поворотными наконечниками гарпунов традиции Дорсет с открытым гнездом, характерными зубчатыми наконечниками гарпунов, аналоги которых распространены на Юго-Западной Аляске и Алеутских островах.

Таблица 1

Хронологическая схема палеоэскимосской традиции и близких культур *

Table 1

Cultural chronology of the Paleoeskimo tradition and related cultures **

Период (кал. лет)	Аляска	Канадская Арктика и Гренландия	Чукотка и Северное Приохотье
500–1250 гг.		Поздний Дорсет	
200–800 гг.	Ипиутак		
1–500 гг.		Средний Дорсет	
750 г. до н. э. – 600 г. н. э.	Нортон		
800–1 гг. до н. э.		Ранний Дорсет	
800–100 гг. до н. э.		Индепенденс II	
800 г. до н. э. – 500 г. н. э.			Токаревская культура
1000–400 гг. до н. э.	Чорис		
Около 1000 г. до н. э.			Чёртов Овраг
1150–850 гг. до н. э.	Древнекитобойная культура		
1500–1300 гг. до н. э.			Уненен
2400–800 гг. до н. э.		Саккак	
2400–1000 гг. до н. э.		Индепенденс I Пре-Дорсет	
2900–2400 гг. до н. э.		Начальный Пре-Дорсет	
3200 BC – 1200 гг. до н. э.	Денби-Флинт		

* Подготовлено по: [Гусев, 2014; Диков, 1979; Лебединцев, Кузьмин, 2010; Darwent C., Darwent J., 2016; Dumond, 2016; Grønnow, 2016; Mason, 2016; Milne, Park, 2016; Ryan, 2016; Tremayne, Rasic, 2016].

** Prepared according to: [Gusev, 2014; Dikov, 1979; Lebedintsev, Kuzmin, 2010; Darwent C., Darwent J., 2016; Dumond, 2016; Grønnow, 2016; Mason, 2016; Milne, Park, 2016; Ryan, 2016; Tremayne, Rasic, 2016].

Носители токаревской культуры по линии G1b мтДНК и по линии Q-NWT01 Y-ДНК являются потомками индивида из Дуванного Яра, а по линии D2a1 мтДНК древние обитатели стоянки Ольская генетически не отличаются от палеоэскимосов Гренландии (культура Саккак). Синхронно токаревской культуре в Канадской Арктике период 800–500 гг. до н. э. рассматривается как переходный от Пре-Дорсет к Дорсет, период 500–300 гг. до н. э. – Ранний Дорсет, период 300 г. до н. э. – 500 г. н. э. – Средний Дорсет. На западном побережье Аляски развиваются культуры Чорис (между 750–400 гг. до н. э.) и Нортон (с 500 г. до н. э.) [Dumond, 2016; Milne, Park, 2016; Darwent C., Darwent J., 2016; Grønnow, 2016].

В связи с этим можно привести результаты исследований распространенности «арктической» мутации – варианта rs80356779-A гена CPT1A, с высокой частотой присутствующего в современных популяциях эскимосов, чукчей, коряков и других народов Охотоморского региона, хозяйственный уклад которых связан с морским зверобойным промыслом [Малярчук, 2020]. Согласно палеогеномным данным, самые ранние находки «арктического» варианта гена CPT1A обнаружены у гренландских и канадских палеоэскимосов (4 000 л. н.), у представителей токаревской культуры Северного Приохотья (3 000 л. н.) и у носителей культуры позднего дземона о. Хоккайдо (3 800 – 3 500 л. н.). Результаты анализа Б. А. Малярчука позволили выявить несколько миграционных событий, связанных с распространением морских

охотников в Охотоморском регионе. Так, самая поздняя миграция, оставившая следы у носителей культуры эпи-дземон (2 500–2 000 л. н.), принесла из районов Северного Приохотья и Камчатки на Хоккайдо и территории Приамурья митохондриальную гаплогруппу G1b и «арктический» вариант гена CPT1A [Малярчук, 2020].

Происхождение неозскимосов и их культуры

Неозскимосская традиция («традиция Туле»), включала разновременные и иногда частично сосуществующие культуры [Арутюнов, Сергеев, 1975; Диков, 1979, с. 169–226; Bronshtein et al., 2016]. Носители неозскимосской традиции являлись предками современных инуитов, инупиатов и юпиков. Их потомки в настоящее время говорят на языках эскимосской ветви эскимосско-алеутской языковой семьи, представленной инуитской группой языков, распространенных на Аляске, в Канаде и Гренландии, и юпикской группой языков – в западной части Аляски и на Чукотке.

По мнению ряда исследователей, расхождение протоэскимосского и протоалеутского языков произошло около 4 000 л. н. [Fortescue, 1998; Berge, 2016]. Юитские языки Чукотки (науканский и чаплинский) и сиреникский язык связаны с миграцией неозскимосских групп и развитием неозскимосских культур Берингоморья с конца I тыс. до н. э. Сиреникский язык, вероятно, в большей степени сохранил палеозскимосские элементы, что связано с развитием палеозскимосской традиции на Чукотке начиная с 3 500 кал. л. н.

Неозскимосские культуры распознаются по формам костяных поворотных наконечников, по стилю художественной резьбы на наконечниках и других костяных изделиях. В их формировании принимали участие различные компоненты приморских и внутриконтинентальных популяций древнего населения Чукотки и Аляски, возникшие традиции имели определенное своеобразие. Неозскимосские культуры возникают в Берингоморье в виде лабреточной культуры Оквик или первого этапа Древнеберингоморской культуры – Old Bering Sea I, за которым следуют второй и третий этапы Old Bering Sea II and III (Древнеберингоморская культура 200 г. до н. э. – 700 г. н. э.). Для оквикского комплекса характерен простой узор из глубоких искривленных линий, костяные антропоморфные статуэтки и вырезанные из моржового клыка изображения человеческих лиц, отличающиеся вытянутыми пропорциями, поворотные наконечники гарпунов из моржового клыка с одним отверстием для линя либо с концевым копьём, либо с боковыми вкладышами, а также «крылатые предметы» архаичной формы с прямыми короткими крыльями.

Происхождение древнеберингоморской культуры тесно связано с лабреточными культурами Чорис, Нортон и, вероятно, Ипиутак. Отмечаются аналогии с комплексами юга Аляски, традицией Качемак. Все эти комплексы характеризуются наличием однодырчатых наконечников поворотных гарпунов, лабретками, а также развитой индустрией шлифованного сланца и почти полным или полным отсутствием ножевидных пластин. Для древнеберингоморской культуры характерен криволинейный орнамент с «глазными» мотивами, двудырчатые наконечники гарпунов поворотного типа. На основании того, что древнеберингоморская культура безлабреточная, Н. Н. Диков выдвинул предположение об инфильтрации в древнеберингоморскую этническую среду северо-палеоазиатского населения, вероятно связанного с усть-бельской культурой [Диков, 1979, с. 212].

С возникновением и развитием 2 200–1 200 кал. л. н. неозскимосских культур доминирование палеозскимосов в Берингоморье и Американской Арктике прекратилось. Древнеберингоморская культура развивается в культуру Бирнирк (700–1300 гг. н. э.) и Пунук (800–1200 гг. н. э.). Около 1000 г. н. э. на севере Аляски на основе культуры Бирнирк развивается культура Туле. Появление неозскимосской культуры Туле и ее стремительное распространение после 1 200 г. н. э. на территории Канадской Арктики и Гренландии привело к исчезновению палеозскимосских культур. Недавнее исследование показало, что азиатские ездовые собаки, на которых перемещались неозскимосы, мигрировавшие из зоны Берингова пролива,

отличались от собак палеоэскимосов по внешнему виду и генетически. Собаки неоэскимосов стали предками современных североамериканских ездовых собак [Ameen et al., 2019].

Неоэскимосские культуры эволюционировали на базе палеоэскимосской традиции, но носители этих культур генетически отличались от палеоэскимосов. Палеогенетический анализ антропологических материалов Уэленского и Эквенского могильников показал, что индивиды древнеберингоморской культуры принадлежали к линиям A2a, A2b и D4b1a2a1a мтДНК [Sikora et al., 2019; Flegontov et al., 2019]. Согласно одной из моделей, генофонд неоэскимосских культур складывался из двух компонентов – древнего палеосибирского, представленного геномом индивида из Дуванного Яра, и палеоиндейского, близкого к обнаруженному среди носителей культуры Кловис [Sikora et al., 2019].

Митохондриальные гаплогруппы A2a, A2b, D2a и D4b1a2a1a в своем распространении ограничены популяциями Североамериканской Арктики, включая атапасков, и населением Крайнего Северо-Востока Азии (чукчи, эскимосы, коряки). Эти гаплогруппы более характерны для чукчей и эскимосов (так, у коряков не обнаружен D2a), что отличает коренные народы Чукотки от остальных сибирских популяций – не только от юкагиров, нганасан и эвенов, но и от коряков и ительменов, для которых характерно более широкое разнообразие митохондриальных гаплогрупп различного возраста.

В отношении гаплогрупп A2a и A2b есть основания считать, что они возникли ~ 4 000–2 000 кал. л. н. на Аляске на основе предковых A2-гаплотипов, появившихся в Центральной Берингии ~ 15 000 л. н. [Dryomov et al., 2015]. Гаплогруппа D4b1a2a1a, выявленная среди современных эскимосов, чукчей, коряков, а также носителей неоэскимосских культур [Raghavan et al., 2014; Sikora et al., 2019; Tackney et al., 2019], имеет азиатское происхождение. Присутствие подгруппы Q-B34 Y-ДНК у азиатских эскимосов и коряков ученые объясняют обратной миграцией, связанной с появлением неоэскимосских культур на Чукотке и ассоциированной с миграцией группы A2a мтДНК из Аляски [Grugni et al., 2019]. Таким образом, гаплогруппы A2a и A2b мтДНК, присутствующие в генофонде чукчей, коряков и азиатских эскимосов, отражают последствия миграции предков неоэскимосов, перенесших через Берингов пролив палеоиндейский генетический компонент и языки эскимосско-алеутской семьи.

Согласно модели, предложенной П. Флегонтовым с соавторами, после разделения предковых палеоэскимосской и чукотско-камчатской популяций одна из предковых групп палеоэскимосов около 4 800 л. н. в ходе миграции в Америку смешалась на юге Аляски с группой «первых американцев», дав начало народам эскимосско-алеутской языковой семьи. По мнению авторов исследования, вскоре после смешения с индейскими племенами предки палеоалеутов мигрировали на Алеутские острова, где пребывали в относительной изоляции, что объясняет отсутствие у алеутов чукотско-камчатской примеси. Другая группа мигрировала на Север в сторону Берингова пролива, оставив след в развитии археологических культур Чорис и Нортон, а затем на Чукотке выступила этнокультурной основой для развития древнеберингоморской культуры [Flegontov et al., 2019]. Предложенная модель в целом согласуется с имеющимися данными археологии и лингвистики. Возникновению в конце I тыс. до н. э. на азиатской стороне Берингова пролива высокоспециализированных неоэскимосских культур предшествовали предварительные этапы миграционных волн со стороны Аляски. Исследователями отмечалось, что около 2 000 лет до н. э. начинается активное перемещение эско-алеутских групп Юго-Западной Аляски в сторону Берингова пролива и далее на запад [Bandi, 1969, p. 182]. Как было отмечено, расхождение протоэскимосского и протоалеутского языков также помещается исследователями в период около 4 000 л. н.

Заключение

Результаты исследований показывают длительность и сложность процессов формирования и развития палеоэскимосских и неоэскимосских культур (табл. 2). За последнее десяти-

летие было проведено большое количество палеогенетических исследований антропологических материалов, однако до настоящего времени единственным полногеномным исследованием палеоэскимосов остается геном индивида культуры Саккак, секвенированный в 2010 г. командой Эске Виллерслева из Центра геогенетики Университета Копенгагена. Это ограничивает возможности для построения детальных реконструкций миграций древнего населения, тем не менее позволяет в общих чертах строить модели древней истории на стыке Азии и Америки.

Таблица 2

Условная хронологическая схема основных палеоэскимосских и неоэскимосских культур *

Table 2

Provisional cultural chronology of the main Paleoeskimo and Neoeskimo traditions **

кал. н. э.	Берингоморье и Чукотка	Северо- Западная Аляска	Центральная Американская Арктика	Гренландия и Крайний Север Канады
2000	Юпики Инупиаты	Инупиаты	Инуиты	
1600	Туле			
1000	Бирнирк Пунук	Бирнирк	Поздний Дорсет	
500	Древнеберинго- морская культура Оквик	Ипиутак Нортон	Средний Дорсет	
0		Нортон	Ранний Дорсет	
500	Чорис		Пре-Дорсет	Саккак Индепенденс I Пре-Дорсет
1000	Чёртов Овраг	Денби-Флинт		
1500	Уненен Древнекитобойная культура			
	Денби-Флинт			
2000				
2500				
3200				
кал. до н. э.				

* Подготовлено по: [Гусев, 2014; Диков, 1979; Лебединцев, Кузьмин, 2010; Darwent C., Darwent J., 2016; Dumond, 2016; Grønnow, 2016; Mason, 2016; Mason, Friesen, 2017; Milne, Park, 2016; Ryan, 2016; Tremayne, Rasic, 2016].

** Prepared according to: [Gusev, 2014; Dikov, 1979; Lebedintsev, Kuzmin, 2010; Darwent C., Darwent J., 2016; Dumond, 2016; Grønnow, 2016; Mason, 2016; Mason, Friesen, 2017; Milne, Park, 2016; Ryan, 2016; Tremayne, Rasic, 2016].

Можно представить следующий сценарий происхождения эскимосов и развития ранней приморской адаптации. Палеогенетическое исследование показало, что предки палеоэскимосов и неоэскимосов по линии Q-NWT01 Y-ДНК обитали в районах бассейна Колымы еще

на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена. Один из рефугиумов для древней палеосибирской популяции и других групп населения на исходе позднего плейстоцена мог находиться на территории Камчатки. На уникальном комплексе Ушковских стоянок представлены материалы и безмикроступчатой традиции – ранняя ушковская культура (культурный слой VII стоянок Ушки I и V) и берингийской традиции – поздняя ушковская культура (культурный слой VI). Н. Н. Диков рассматривал носителей ранней ушковской культуры как палеоиндейцев и предполагал возможность их миграции на территорию Северной Америки в финале позднего плейстоцена, а материалы поздней ушковской культуры (культурный слой VI) первоначально интерпретировались им в качестве основы для «протоэскимосо-алеутской миграции» в Америку [Диков, 1979, с. 74]. В связи с этим необходимо проведение одонтологического исследования серии молочных зубов из коллективных погребений и палеогенетический анализ антропологических материалов верхнепалеолитического культурного слоя VI стоянки Ушки I [Федорченко, 2018, с. 117–118].

В период 7 000– 5 000 кал. л. н. предки палеоэскимосов по линии D2a мтДНК и предки неэскимосов по линии D4b1a2 мтДНК распространяются в Центральной Якутии и на Крайнем Северо-Востоке Азии. В генофонде палеоэскимосов выявлены геномы древнего палеосибирского (индивид из Дуванного Яра, гаплогруппа G1b мтДНК) и восточноазиатского населения, близкого к тем, что обнаружены у древних индивидов из сысалахского погребения Матта-1 и белькачинского погребения Оннес. Миграция азиатских предков палеоэскимосов на Аляску произошла около 5 500–5 300 кал. л. н. и была связана с представителями белькачинской культуры. Однако один из ключевых элементов белькачинской традиции – шнуровая керамика – не отмечен в комплексе Денби-Флинт или ранних палеоэскимосских культурах.

Остается неясным, как соотносятся предки палеоэскимосов и древние палеосибирцы, где и как проходило смешение популяций и ответвление предковой палеоэскимосской клады, как этот процесс выражается археологически. До настоящего времени нет четкого ответа на вопрос: где и как переселенцы из Азии сформировали зачатки технологий приморской адаптации, было это до миграции через Берингов пролив или через контакты с населением Юго-Западной Аляски, или в результате самостоятельного развития.

Основой развития палеоэскимосских культур стала «арктическая традиция малых орудий». Мы можем наблюдать как с III тыс. до н. э. на территории Канадской Арктики и Гренландии в рамках ранних палеоэскимосских культур (культуры Пре-Дорсет, Индепенденс I, Саккак) происходит постепенное оформление специализированной палеоэскимосской традиции. В связи с этим перспективным представляется изучение проблемы появления и развития палеоэскимосской традиции в Азии и в целом вопроса обратной миграции палеоэскимосов и связанных с ними популяций. Появление палеоэскимосской традиции на Крайнем Северо-Востоке Азии связано с экспансией палеоэскимосских групп Северной Америки в район Берингоморья. К палеоэскимосскому периоду относятся временная сезонная стоянка Чёртов Овраг на о-ве Врангеля и поселение Уненен, расположенное на южной оконечности Чукотского полуострова. Токаревская культура может быть отнесена к кругу палеоэскимосских культур, а ее возникновение может быть связано с палеоэскоалеутской миграцией с Юго-Западной Аляски и Алеутских островов.

В настоящее время не имеется антропологических материалов с палеоэскимосских памятников Чукотки, однако есть генетические данные по современным коренным народам, проживающим на Чукотском полуострове. В этнографическое время в районе поселения Уненен между бухтами Провидения и Преображения компактно проживали сирениковские эскимосы. Это были единственные в Азии эскимосы – носители митохондриальной гаплогруппы D2a1 (маркера палеоэскимосов), говорившие на отличном от других эскимосов языке, который, как считают специалисты, представляет собой последний сохранившийся осколок третьей ветви эскимосских языков наряду с юпикской и инуитской. Вероятно, отличия этого языка могут быть связаны с палеоэскимосским прошлым его носителей.

В археологических материалах токаревской культуры прослеживается влияние палеоэскимосской традиции, а по линии D2a1 мтДНК древние обитатели стоянки Ольская генетически не отличаются от палеоэскимосов Гренландии, тем не менее с точки зрения генетики требуются новые материалы и дальнейшие исследования, подтверждающие эпизоды обратной миграции из Северной Америки в Азию группы D2a1 мтДНК и группы Q-B143 Y-ДНК, связанные с появлением палеоэскимосской традиции на Чукотке и в Северном Приохотье. Ключом к пониманию вопросов этногенеза древних популяций и миграций могут стать детальные исследования гена арктической мутации и новые данные для определения места, времени и условий возникновения этой мутации.

Отталкиваясь от палеогенетических и археологических данных, в самом общем виде рисуются процессы формирования и развития популяций, когда из-за ограниченности материала исследователи оперируют моделями, в которых одна популяция становится предковой для нескольких языковых семей. Одна из предковых групп палеоэскимосов около 5 000 л. н. в ходе миграции в Америку смешалась с группой «первых американцев», дав начало народам эскимосско-алеутской языковой семьи. Согласно археологическим и лингвистическим данным, формирование предковой неоэскимосской популяции, говорящей на эскимосско-алеутском языке, проходило на юге Аляски. Генофонд неоэскимосов складывался из двух основных компонентов: палеоэскимосского и палеоиндейского. Палеоэскимосская основа представлена древним палеосибирским и восточноазиатским компонентами. Формирование неоэскимосских культур проходило в Берингоморье на основе локальной палеоэскимосской традиции, а также под влиянием культурных традиций Юго-Западной Аляски и Чукотки.

Генетическую основу неоэскимосов составили палеоэскимосы (около 50 %), при этом следует отметить, что древние культуры Аляски, которые в разное время большинством исследователей или относились к палеоэскимосским, или рассматривались как связанные с ними – поселение древнекитобойной культуры на м. Крузенштерн, культуры Чорис, Нортон и Ипиутак, могли быть смешанными по этнической принадлежности их носителей. Ранее это отмечалось археологами, а сам термин «древняя эскимосская культура» употреблялся в условном смысле, так как обозначаемые им культуры могли принадлежать различным этническим группам эскимосов или не быть связанными с ними [Диков, 1979, с. 164].

По данным генетики, разнообразие в пределах гаплогрупп A2a и A2b – маркеров неоэскимосской экспансии – в течение длительного времени формировалось на Аляске. Гаплогруппы A2a и A2b мтДНК, несущие палеоиндейский генетический компонент и зафиксированные в генофонде неоэскимосов Берингоморья, отражают последствия миграции предков неоэскимосов с юга Аляски в районы побережий Берингова пролива. Происхождение ранних неоэскимосских культур тесно связано с лабреточными культурами Чорис, Нортон и, вероятно, Ипиутак, отмечается влияние усть-бельской культуры. Остается неясной структура генофонда носителей лабреточных археологических культур Чорис (1000–400 гг. до н. э.) и Нортон (750 г. до н. э. – 600 г. н. э.), выступивших этнокультурной основой для формирования неоэскимосов, а также близкой, но более поздней лабреточной культуры Ипиутак (200–800 гг. н. э.). Как было отмечено, часть исследователей включает эти культуры в Западную AST или связывает с палеоэскимосской традицией, вместе с тем наличие лабреток указывает на эскалеутское влияние. В связи с этим особое место занимает и тарьинская культура, получившая распространение на территории Центральной и Южной Камчатки в период около 4 500–2 000 кал. л. н. [Там же, с. 120–126]. Присутствие в тарьинской культуре губных украшений-вставок – лабреток – позволяет рассматривать эту культуру как генетически связанную с эскалеутской ветвью (кладой).

Гаплогруппа D4b1a2a1a, также выявленная у индивидов неоэскимосских культур, имеет азиатское происхождение. Предки палеоэскимосов по линии D2a и предки неоэскимосов по линии D4b1a2 могли быть частью одновременной миграционной волны на Крайний Северо-Восток Азии. Согласно этому сценарию, предки палеоэскимосов по линии D2a пересекли Берингов пролив первыми, а предки неоэскимосов по линии D4b1a2 осели на территории

Крайнего Северо-Востока Азии. Позднее они смешались с предками неоэскимосов по линиям A2a и A2b, пришедшими в район Берингоморья с юга Аляски. В связи с этим необходимы дальнейшие исследования усть-бельской культуры, которая могла выступить генетическим источником развития неоэскимосской традиции.

Список литературы

- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.** Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969. 206 с.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.** Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. 240 с.
- Гусев С. В.** Раскопки поселения Унэнэн на Восточной Чукотке (древнекитобойная культура) в 2007–2014 гг. // *Археология Арктики*. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. Вып. 2. С. 205–212.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Лебединцев А. И.** Приморские культуры Охотоморья: эскимосско-алеутское влияние // V Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Альфа-Принт, 2019. С. 175–177.
- Лебединцев А. И., Кузьмин Я. В.** Радиоуглеродное датирование археологических памятников Северного Приохотья (Дальний Восток России) // VI Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 116–120.
- Малярчук Б. А.** Генетические маркеры о распространении древних морских охотников в Приохотье // *Вавиловский журнал генетики и селекции*. 2020. Т. 24, вып. 5. С. 539–544. DOI 10.18699/VJ20.646
- Мочанов Ю. А.** Белькачинская неолитическая культура на Алдане // *СА*. 1967. № 4. С. 164–177.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.** Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // *Берингия в кайнозое*. Владивосток, 1976. С. 515–539.
- Федорченко А. Ю.** Палеолитические каменные украшения культурного слоя VI Ушковских стоянок: контекст, технологии, функции // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 2 (59). С. 115–123.
- Яншина О. В.** Некоторые аспекты древней этнокультурной истории Сахалина // *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г.* СПб., 2011. С. 245–250.
- Ackerman R. E.** Early Maritime Traditions in the Bering, Chukchi, and East Siberian Seas. *Arctic Anthropology*, 1998, vol. 35 (1), pp. 247–262.
- Ameen C., Feuerborn T., Brown S., Linderholm A., Hulme-Beaman A., Lebrasseur O., Sindling M., Lounsberry Z., Lin A., Appelt M., Bachmann L., Betts M., Britton K., Darwent J., Dietz R., Fredholm M., Gopalakrishnan S., Goriunova O., Grønnow B., Haile J., Hallsson J., Harrison R., Heide-Jørgensen M., Knecht R., Losey R., Masson-MacLean E., McGovern T., McManus-Fry E., Meldgaard M., Midtdal Å., Moss M., Nikitin I., Nomokonova T., Pálsdóttir A., Perri A., Popov A., Rankin L., Reuther J., Sablin M., Schmidt A., Shirar S., Smiarowski K., Sonne C., Stiner M., Vasyukov M., West C., Ween G., Wennerberg S., Wiig Ø., Woollett J., Dalén L., Hansen A., Gilbert M., Sacks B., Frantz L., Larson G., Dobney K., Darwent C., Evin A.** Specialized Sledge Dogs Accompanied Inuit Dispersal across the North American Arctic. *Proceedings of the Royal Society Biological Sciences*, 2019, vol. 286, no. 1916. DOI 10.1098/rspb.2019.1929
- Bandi H. G.** Eskimo Prehistory. London: Methuen, 1969, 236 p.

- Berge A.** Eskimo-Aleut. In: Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. 2016. URL: <http://oxfordre.com/linguistics/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199-384655-e-9> (дата обращения 15.03.2021).
- Bronshtein M. M., Dneprovsky K. A., Savinetsky A. B.** Ancient Eskimo Cultures of Chukotka. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 469–488.
- Darwent C., Darwent J.** The Enigmatic Choris and Old Whaling “Cultures” of the Western Arctic. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 371–394.
- Dryomov S. V., Nazhmidenova A., Shalaurova S. A., Morozov I. V., Tabarev A. V., Starikovskaya E. B., Sukernik R. I.** Mitochondrial genome diversity at the Bering Strait area highlights prehistoric human migrations from Siberia to northern North America. *European Journal of Human Genetics*, 2015, vol. 23, pp. 1399–1404. DOI 10.1038/ejhg.2014.286
- Dumond D. E.** Norton Hunters and Fisherfolk. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 395–416.
- Flegontov P., Altınışık N. E., Changmai P., Rohland N., Mallick S., Adamski N., Bolnick D. A., Broomandkhoshbacht N., Candilio F., Culleton B. J., Flegontova O., Friesen T. M., Jeong C., Harper T. K., Keating D., Kennett D. J., Kim A. M., Lamnidis T. C., Lawson A. M., Olalde I., Oppenheimer J., Potter B. A., Raff J., Sattler R. A., Skoglund P., Stewardson K., Vajda E. J., Vasilyev S., Veselovskaya E., Hayes M. G., O’Rourke D. H., Krause J., Pinhasi R., Reich D., Schiffels S.** Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America. *Nature*, 2019, vol. 570, pp. 236–240. DOI 10.1038/s41586-019-1251-y
- Fortescue M.** Language Relations across Bering Strait: Reappraising the Archaeological and Linguistic Evidence. London, Cassell Academic, 1998, 307 p.
- Friesen M.** Pan-Arctic Population Movements: The Early Paleo-Inuit and Thule Inuit Migrations. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 673–691.
- Grønnow B.** Independence I and Saqqaq: The First Greenlanders. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 712–734.
- Grugni V., Raveane A., Ongaro L., Battaglia V., Trombetta B., Colombo G., Capodiferro M. R., Olivieri A., Achilli A., Perego U. A., Motta J., Tribaldos M., Woodward S. R., Ferretti L., Cruciani F., Torroni A., Semino O.** Analysis of the human Y-chromosome haplogroup Q characterizes ancient population movements in Eurasia and the Americas. *BMC Biology*, 2019, vol. 17. DOI 10.1186/s12915-018-0622-4
- Kılınç G., Kashuba N., Yaka R., Sümer A., Yüncü E., Shergin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Alekseev A., Fedoseeva S., Somel M., Jakobsson M., Krzewińska M., Storå J., Götherström A.** Investigating Holocene human population history in North Asia using ancient mitogenomes. *Scientific Reports*, 2018, vol. 8 (1). DOI 10.1038/s41598-018-27325-0
- Kılınç G., Kashuba N., Koptekin D., Bergfeldt N., Donertas H. M., Rodríguez-Varela R., Sherwin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Dalén L., Günther T., Götherström A.** Human population dynamics and Yersinia pestis in ancient northeast Asia. *Science Advances*, 2021, vol. 7. DOI 10.1126/sciadv.abc4587
- Mason O.** From the Norton Culture to the Ipiutak Cult in Northwest Alaska. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 443–468.
- Mason O., Friesen M.** Out of the cold: archaeology on the Arctic Rim of North America. Washington, DC, 2017, 294 p.

- Milne S. B., Park R.** Pre-Dorset Culture. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 693–711.
- Potter B. A.** Archaeological patterning in Northeast Asia and Northwest North America: an examination of the Dene-Yeniseian hypothesis. In: Kari J., Potter B. A. (eds.). The Dene-Yeniseian Connection. Fairbanks, Department of Anthropology and the Alaska Native Languages Center, 2010, pp. 138–167.
- Powers W. R., Richard H. J.** Human Biogeography and Climate Change in Siberia and Arctic North America in the Fourth and Fifth Millennia BP. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London, Series A, Mathematical and Physical Sciences*, 1990, vol. 330, no. 1615, pp. 665–670.
- Raghavan M., DeGiorgio M., Albrechtsen A., Moltke I., Skoglund P., Korneliussen T. S., Grønnow B., Appelt M., Gullov H. C., Friesen T. M., Fitzhugh W., Malmström H., Rasmussen S., Olsen J., Melchior L., Fuller B. T., Fahrni S. M., Stafford T., Jr., Grimes V., Renouf M. A., Cybulski J., Lynnerup N., Lahr M. M., Britton K., Knecht R., Arneborg J., Metspalu M., Cornejo O. E., Malaspinas A. S., Wang Y., Rasmussen M., Raghavan V., Hansen T. V., Khusnutdinova E., Pierre T., Dneprovsky K., Andreasen C., Lange H., Hayes M. G., Coltrain J., Spitsyn V. A., Götherström A., Orlando L., Kivisild T., Villemes R., Crawford M. H., Nielsen F. C., Dissing J., Heinemeier J., Meldgaard M., Bustamante C., O'Rourke D. H., Jakobsson M., Gilbert M. T., Nielsen R., Willerslev E.** The genetic prehistory of the New World Arctic. *Science*, 2014, vol. 345. DOI 10.1126/science.1255832
- Rasmussen M., Li Y., Lindgreen S., Pedersen J. S., Albrechtsen A., Moltke I., Metspalu M., Metspalu E., Kivisild T., Gupta R., Bertalan M., Nielsen K., Gilbert M. T., Wang Y., Raghavan M., Campos P. F., Kamp H. M., Wilson A. S., Gledhill A., Tridico S., Bunce M., Lorenzen E. D., Binladen J., Guo X., Zhao J., Zhang X., Zhang H., Li Z., Chen M., Orlando L., Kristiansen K., Bak M., Tommerup N., Bendixen C., Pierre T. L., Grønnow B., Meldgaard M., Andreasen C., Fedorova S. A., Osipova L. P., Higham T. F., Ramsey C. B., Hansen T. V., Nielsen F. C., Crawford M. H., Brunak S., Sicheritz-Pontén T., Villemes R., Nielsen R., Krogh A., Wang J., Willerslev E.** Ancient human genome sequence of an extinct Paleo-Eskimo. *Nature*, 2010, vol. 463, pp. 757–762. DOI 10.1038/nature08835
- Ryan K.** The “Dorset Problem” Revisited: The Transitional and Early and Middle Dorset Periods in the Eastern Arctic. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 761–781.
- Sikora M., Pitulko V. V., Sousa V. C., Allentoft M. E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M. A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S. V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E. Y., Chasnyk V. G., Nikolskiy P. A., Gromov A. V., Khartanovich V. I., Moiseyev V., Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Yu., Lebedintsev A. I., Slobodin S. B., Malyarchuk B. A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J. U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R. S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M. M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D. J., Laurent Excoffier L., Willerslev E.** The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*, 2019, no. 570, pp. 182–188. DOI 10.1038/s41586-019-1279-z
- Slobodin S. B.** Neolithic of the Northeast Asia and the Arctic Small Tool Tradition of the North America. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 2, pp. 415–452. DOI 10.21638/11701/spbu02.2019.204
- Tackney J., Jensen A., Kisielinski C., O'Rourke D.** Molecular analysis of an ancient Thule population at Nuvuk, Point Barrow, Alaska. *American Journal of Physical Anthropology*, 2019, vol. 168, iss. 2, pp. 303–317. DOI 10.1002/ajpa.23746

Tremayne A. H., Rasic J. T. The Denbigh Flint Complex of Northern Alaska. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 349–370.

References

- Ackerman R. E.** Early Maritime Traditions in the Bering, Chukchi, and East Siberian Seas. *Arctic Anthropology*, 1998, vol. 35 (1), pp. 247–262.
- Ameen C., Feuerborn T., Brown S., Linderholm A., Hulme-Beaman A., Lebrasseur O., Sinding M., Lounsberry Z., Lin A., Appelt M., Bachmann L., Betts M., Britton K., Darwent J., Dietz R., Fredholm M., Gopalakrishnan S., Goriunova O., Grønnow B., Haile J., Hallsson J., Harrison R., Heide-Jørgensen M., Knecht R., Losey R., Masson-MacLean E., McGovern T., McManus-Fry E., Meldgaard M., Midtdal Å., Moss M., Nikitin I., Nomokonova T., Pálsdóttir A., Perri A., Popov A., Rankin L., Reuther J., Sablin M., Schmidt A., Shirar S., Smiarowski K., Sonne C., Stiner M., Vasyukov M., West C., Ween G., Wennerberg S., Wiig Ø., Woollett J., Dalén L., Hansen A., Gilbert M., Sacks B., Frantz L., Larson G., Dobney K., Darwent C., Evin A.** Specialized Sledge Dogs Accompanied Inuit Dispersal across the North American Arctic. *Proceedings of the Royal Society Biological Sciences*, 2019, vol. 286, no. 1916. DOI 10.1098/rspb.2019.1929
- Arutyunov S. A., Sergeev D. A.** Drevniye kul'tury aziatskikh eskimosov (Uelenskiy mogil'nik) [Ancient cultures of Asian Eskimos (Uelen cemetery)]. Moscow, Nauka, 1969, 206 p. (in Russ.)
- Arutyunov S. A., Sergeev D. A.** Problemy etnicheskoy istorii Beringomor'ya (Ekvenskiy mogil'nik) [Problems of Ethnic History in the Bering Sea (The Ekven Cemetery)]. Moscow, Nauka, 1975, 240 p. (in Russ.)
- Bandi H. G.** Eskimo Prehistory. London, Methuen, 1969, 236 p.
- Berge A.** Eskimo-Aleut. In: *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. 2016. URL: <http://oxfordre.com/linguistics/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199-384655-e-9> (accessed 15.03.2021).
- Bronshtein M. M., Dneprovsky K. A., Savinetsky A. B.** Ancient Eskimo Cultures of Chukotka. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 469–488.
- Darwent C., Darwent J.** The Enigmatic Choris and Old Whaling “Cultures” of the Western Arctic. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 371–394.
- Dikov N. N.** Drevniye kul'tury Severo-Vostochnoy Azii [Ancient Cultures of Northeastern Asia]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Dryomov S. V., Nazhmidenova A., Shalaurova S. A., Morozov I. V., Tabarev A. V., Starikovskaya E. B., Sukernik R. I.** Mitochondrial genome diversity at the Bering Strait area highlights prehistoric human migrations from Siberia to northern North America. *European Journal of Human Genetics*, 2015, vol. 23, pp. 1399–1404. DOI 10.1038/ejhg.2014.286
- Dumond D. E.** Norton Hunters and Fisherfolk. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 395–416.
- Fedorchenko A. Yu.** Paleoliticheskie kamennye ukrasheniya kul'turnogo sloya VI Ushkovskikh stoyanok: kontekst, tekhnologii, funktsii [Paleolithic stone ornaments from cultural layer VI of Ushki sites: context, technology, functions]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal]*, 2018, no. 2 (59), pp. 115–123. (in Russ.) DOI 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-115-123
- Flegontov P., Altınışık N. E., Changmai P., Rohland N., Mallick S., Adamski N., Bolnick D. A., Broomandkhoshbacht N., Candilio F., Culleton B. J., Flegontova O., Friesen T. M., Jeong C., Harper T. K., Keating D., Kennett D. J., Kim A. M., Lamnidis T. C., Law-**

- son A. M., Olalde I., Oppenheimer J., Potter B. A., Raff J., Sattler R. A., Skoglund P., Stewardson K., Vajda E. J., Vasilyev S., Veselovskaya E., Hayes M. G., O'Rourke D. H., Krause J., Pinhasi R., Reich D., Schiffels S. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America. *Nature*, 2019, vol. 570, pp. 236–240. DOI 10.1038/s41586-019-1251-y
- Fortescue M.** Language Relations across Bering Strait: Reappraising the Archaeological and Linguistic Evidence. London, Cassell Academic, 1998, 307 p.
- Friesen M.** Pan-Arctic Population Movements: The Early Paleo-Inuit and Thule Inuit Migrations. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 673–691.
- Grønnow B.** Independence I and Saqqaq: The First Greenlanders. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 712–734.
- Grugni V., Raveane A., Ongaro L., Battaglia V., Trombetta B., Colombo G., Capodiferro M. R., Olivieri A., Achilli A., Perego U. A., Motta J., Tribaldos M., Woodward S. R., Ferretti L., Cruciani F., Torroni A., Semino O.** Analysis of the human Y-chromosome haplogroup Q characterizes ancient population movements in Eurasia and the Americas. *BMC Biology*, 2019, vol. 17. DOI 10.1186/s12915-018-0622-4
- Gusev S. V.** Raskopki poseleniya Unenen na Vostochnoy Chukotke (drevnekitoboynaya kul'tura) v 2007–2014 gg. [Excavations of the settlement of Unenen in Eastern Chukotka (Old Whaling culture) in 2007–2014]. In: *Arkheologiya Arktiki [Archeology of the Arctic]*. Ekaterinburg, Delovaya pressa, 2014, vol. 2, pp. 205–212. (in Russ.)
- Kılınç G., Kashuba N., Yaka R., Sümer A., Yüncü E., Shergin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Alekseev A., Fedoseeva S., Somel M., Jakobsson M., Krzewińska M., Stora J., Götherström A.** Investigating Holocene human population history in North Asia using ancient mitogenomes. *Scientific Reports*, 2018, vol. 8 (1). DOI 10.1038/s41598-018-27325-0
- Kılınç G., Kashuba N., Koptekin D., Bergfeldt N., Donertas H. M., Rodríguez-Varela R., Sherwin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Dalén L., Günther T., Götherström A.** Human population dynamics and Yersinia pestis in ancient northeast Asia. *Science Advances*, 2021, vol. 7. DOI 10.1126/sciadv.abc4587
- Lebedintsev A. I.** Primorskie kul'tury Okhotomor'ia: eskimosko-aleutskoe vliianie [Maritime cultures of the sea of Okhotsk: the eskimo-aleutian influence]. V Severnyi arkhelogicheskii kongress [V Northern Archaeological Congress]. Abstracts. Ekaterinburg, Khanty-Mansiisk, Alfa-Print, 2019, pp. 175–177. (in Russ.)
- Lebedintsev A. I., Kuzmin Ya. V.** Radiouglerodnoye datirovaniye arkhelogicheskikh pamyatnikov Severnogo Priokhot'ya (Dal'niy Vostok Rossii) [Radiocarbon dating of archaeological sites in Northern Priokhotye (Russian Far East)]. In: VI Dikovskie chteniya. [VI Dikov readings]. Magadan, NEISRI FEB RAS Publ., 2010, pp. 116–120. (in Russ.)
- Malyarchuk B. A.** Geneticheskie markery o rasprostraneni drevnikh morskikh okhotnikov v Priokhot'e [Genetic markers on the distribution of ancient marine hunters in Priokhotye]. *Vavilovskii Zhurnal Genetiki i Seleksii [Vavilov Journal of Genetics and Breeding]*, 2020, vol. 24, iss. 5, pp. 539–544. (in Russ.) DOI 10.18699/VJ20.646
- Mason O.** From the Norton Culture to the Ipiutak Cult in Northwest Alaska. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 443–468.
- Mason O., Friesen M.** Out of the cold: archaeology on the Arctic Rim of North America. Washington, DC, 2017, 294 p.
- Milne S. B., Park R.** Pre-Dorset Culture. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 693–711.

- Mochanov Yu. A.** Bel'kachinskaya neoliticheskaya kul'tura na Aldane [Belkachi Neolithic culture on the Aldan]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], 1967, no. 4, pp. 164–177. (in Russ.)
- Mochanov Yu. A., Fedoseyeva S. A.** Osnovnyye etapy drevney istorii Severo-Vostochnoy Azii [The main stages of the ancient history of Northeast Asia]. In: *Beringiya v kaynozoye* [Beringia in the Cenozoic]. Vladivostok, 1976, pp. 515–539. (in Russ.)
- Potter B. A.** Archaeological patterning in Northeast Asia and Northwest North America: an examination of the Dene-Yeniseian hypothesis. In: Kari J., Potter B. A. (eds.). *The Dene-Yeniseian Connection*. Fairbanks, Department of Anthropology and the Alaska Native Languages Center, 2010, pp. 138–167.
- Powers W. R., Richard H. J.** Human Biogeography and Climate Change in Siberia and Arctic North America in the Fourth and Fifth Millennia BP. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London, Series A, Mathematical and Physical Sciences*, 1990, vol. 330, no. 1615, pp. 665–670.
- Raghavan M., DeGiorgio M., Albrechtsen A., Moltke I., Skoglund P., Korneliussen T. S., Grønnow B., Appelt M., Gulløv H. C., Friesen T. M., Fitzhugh W., Malmström H., Rasmussen S., Olsen J., Melchior L., Fuller B. T., Fahrni S. M., Stafford T., Jr., Grimes V., Renouf M. A., Cybulski J., Lynnerup N., Lahr M. M., Britton K., Knecht R., Arneborg J., Metspalu M., Cornejo O. E., Malaspinas A. S., Wang Y., Rasmussen M., Raghavan V., Hansen T. V., Khusnutdinova E., Pierre T., Dneprovsky K., Andreassen C., Lange H., Hayes M. G., Coltrain J., Spitsyn V. A., Götherström A., Orlando L., Kivisild T., Villemers R., Crawford M. H., Nielsen F. C., Dissing J., Heinemeier J., Meldgaard M., Bustamante C., O'Rourke D. H., Jakobsson M., Gilbert M. T., Nielsen R., Willerslev E.** The genetic prehistory of the New World Arctic. *Science*, 2014, vol. 345. DOI 10.1126/science.1255832
- Rasmussen M., Li Y., Lindgreen S., Pedersen J. S., Albrechtsen A., Moltke I., Metspalu M., Metspalu E., Kivisild T., Gupta R., Bertalan M., Nielsen K., Gilbert M. T., Wang Y., Raghavan M., Campos P. F., Kamp H. M., Wilson A. S., Gledhill A., Tridico S., Bunce M., Lorenzen E. D., Binladen J., Guo X., Zhao J., Zhang X., Zhang H., Li Z., Chen M., Orlando L., Kristiansen K., Bak M., Tommerup N., Bendixen C., Pierre T. L., Grønnow B., Meldgaard M., Andreassen C., Fedorova S. A., Osipova L. P., Higham T. F., Ramsey C. B., Hansen T. V., Nielsen F. C., Crawford M. H., Brunak S., Sicheritz-Pontén T., Villemers R., Nielsen R., Krogh A., Wang J., Willerslev E.** Ancient human genome sequence of an extinct Paleo-Eskimo. *Nature*, 2010, vol. 463, pp. 757–762. DOI 10.1038/nature08835
- Ryan K.** The “Dorset Problem” Revisited: The Transitional and Early and Middle Dorset Periods in the Eastern Arctic. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 761–781.
- Sikora M., Pitulko V. V., Sousa V. C., Allentoft M. E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M. A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S. V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E. Y., Chasnyk V. G., Nikolskiy P. A., Gromov A. V., Khartanovich V. I., Moiseyev V., Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Yu., Lebedintsev A. I., Slobodin S. B., Malyarchuk B. A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J. U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R. S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M. M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D. J., Laurent Excoffier L., Willerslev E.** The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*, 2019, no. 570, pp. 182–188. DOI 10.1038/s41586-019-1279-z
- Slobodin S. B.** Neolithic of the Northeast Asia and the Arctic Small Tool Tradition of the North America. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 2, pp. 415–452. DOI 10.21638/11701/spbu02.2019.204

- Tackney J., Jensen A., Kisielinski C., O'Rourke D.** Molecular analysis of an ancient Thule population at Nuvuk, Point Barrow, Alaska. *American Journal of Physical Anthropology*, 2019, vol. 168, iss. 2, pp. 303–317. DOI 10.1002/ajpa.23746
- Tremayne A. H., Rasic J. T.** The Denbigh Flint Complex of Northern Alaska. In: Friesen T. Max, Mason Owen K. (eds.). *The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 349–370.
- Yanshina O. V.** Nekotorye aspekty drevnej etnokul'turnoj istorii Sakhalina [Some aspects of ancient ethnocultural history of Sakhalin]. In: Radlovskij sbornik: nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2010 g. [Radlov's collection: research and museum projects of MAE RAN in 2010]. St. Petersburg, 2011, pp. 245–250. (in Russ.)

Информация об авторе

Павел Сергеевич Гребенюк, старший научный сотрудник

Information about the Author

Pavel S. Grebenyuk, Senior Researcher

*Статья поступила в редакцию 16.03.2021;
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 16.03.2021;
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 39(1) + 528.9 + 912(571) + 930.2
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-140-150

Специфика этнографических изображений на картах Камчатских экспедиций

Татьяна Владимировна Мжельская

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
mzel08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5256-6247>

Аннотация

Этнографическая информация, содержащаяся на картах, является ценным источником для изучения. На четырех вариантах итоговой карты Первой Камчатской экспедиции и этнографической карте Второй Камчатской экспедиции нанесены изображения представителей сибирских этносов (якутов, тунгусов, камчадалов, коряков, курилов, чукчей и др.), сцены из жизни камчатских народов. Проведенное сравнение этих рисунков, привлечение этнографических аналогий позволило определить, что все рассмотренные карты были созданы в разное время разными художниками. По специфике изображений была выявлена последовательность появления карт. На самой ранней из них изображения наиболее реалистичны, отсутствуют рамки. На более поздних картах количество рисунков увеличивается, они обрамлены, но происходит утрата этнографического смысла и упрощение изображений.

Ключевые слова

этнографические карты, народы Сибири и Дальнего Востока, Камчатские экспедиции

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 19-49-540002 р_а «Электронный архив рукописных и печатных карт Сибири и Дальнего Востока с конца XVII в. по 1941 г.» (2019–2020 гг.)

Для цитирования

Мжельская Т. В. Специфика этнографических изображений на картах Камчатских экспедиций // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 140–150. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-140-150

The Peculiarities of Ethnographic Images on the Maps of Kamchatka Expeditions

Tatiana V. Mzhelskaya

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
mzel08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5256-6247>

Abstract

Purpose. The article considers the peculiarities of the images of the representatives of peoples of Siberia on the ethnographic maps of the First and Second Kamchatka expeditions, taking place in the first half of the 18th century.

Results. Maps are an important historical source, moreover not only the cartographic information is studied, but also other materials located on the map. Three versions of the final map of the First Kamchatka Expedition, as well as the

© Мжельская Т. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 140–150

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 140–150

Ethnographic Map of Siberia of the Second Kamchatka Expedition are a valuable source for research. They contain images of representatives of different peoples and scenes from their lives. A comparative analysis of the drawings of Yakut, Tungus (Evenks), Koryak, Kuril, Chukchi, Kamchadal (Itelmen) was carried out, the features of images of clothing and objects were revealed, and ethnographic analogies were attracted. So, gradually, on different maps a fur coat on Yakut loses its fur trim, the bow becomes a crooked stick with a rope. On later maps, frames appear around the images, the number of representatives of the Siberian peoples increases.

The maps are made by different mapmakers. The first of them was created in St. Petersburg, sketches made during the work of the First Kamchatka expedition were copied on it. Local mapmakers did not quite understand what they were depicting and, therefore, already at this stage there is a loss of part of the ethnographic meaning. The rest of the maps were already copied from the first one, so there is a further loss of ethnographic specificity, simplification of the pictures.

The sequence of implementation of the maps was determined by increasing the number of images, the appearance of frames around them, and their gradual simplification. The earliest version of the final map of the First Kamchatka Expedition shows the summer camp of the Kamchadals under the cartouche. This is the most complete image, on the other sources only individual elements of this sketch were drawn. The ethnographic map of Siberia of the Second Kamchatka Expedition is the most complete in both cartographic and ethnographic contexts. But the greatest losses of the ethnographic specificity of the Siberian peoples are observed on it.

Conclusion. As a result of the conducted research, the sequence of compiling versions of the final map of the First Kamchatka expedition (ethnographic version) was determined. The variant of the drawings of representatives of peoples when compiling the ethnographic map of Siberia of the Second Kamchatka expedition is revealed. A gradual partial loss of ethnographic information occurred when copying maps by different mapmakers who did not quite understand what they were depicting.

Keywords

ethnographic maps, ethnic groups of Siberia and the Far East, Kamchatka expeditions

Acknowledgements

The reported study was funded by the RFBR, project no. 19-49-540002 p_a, with financial support from the Government of the Novosibirsk Region, project number "Electronic archive of handwritten and printed maps of Siberia and the Far East from the end of the 17th century to 1941" (2019–2020)

For citation

Mzhelskaya T. V. The Peculiarities of Ethnographic Images on the Maps of Kamchatka Expeditions. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 140–150. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-140-150

Введение

В течение многих лет группа исследователей под руководством доктора исторических наук, профессора НГПУ О. Н. Катионова проводила исследования по выявлению, библиографическому и научному описанию карт в архивах, библиотеках и музеях России. В результате были созданы каталоги рукописных и печатных карт Сибири [СКРК, 2019; СКПК, 2016; Катионов, 2007; 2017; Катионов и др., 2012; 2020]. На основании выявленных материалов были опубликованы результаты конкретных изысканий. Предметом исследования становилась не только картографическая, но и другая информация, находящаяся на картах. В работах освещались различные социально-экономические проблемы истории Сибири XVIII – начала XX в. [Мжельская, Лобанова, 2016; Мжельская, 2019; Баяндин, Катионов, 2020]. При анализе рукописных карт Сибири был выявлен высокий потенциал данных источников для этнографических изысканий [Катионов, Мжельская, 2020].

Первая и Вторая Камчатские экспедиции, проведенные в 1725–1730 гг. и в 1733–1743 гг. соответственно под руководством В. Беринга, внесли значительный вклад в картографическое наследие страны [Головин, 2012, с. 86–98]. Одной из важных задач обеих экспедиций был сбор разнообразных сведений о народах, проживающих в Сибири. Полученный в результате этнографический материал является обширным и уникальным. Эти данные за прошедшие без малого 300 лет не потеряли своей актуальности, и всё это время являются объектом пристального внимания исследователей (см. [Андреев, 1965, с. 45–164; Элерт, 2018; Шипилов, 2020; Иванова, 2021; Кравец, 2021] и др.). В контексте данной статьи наибольший интерес представляют карты с этнографическим содержанием.

Цель данной статьи – определить специфику изображений представителей народов Сибири на этнографических картах Первой и Второй Камчатских экспедиций, провести сравнительный анализ и подобрать аналогии для выявления хронологической последовательности их составления.

Описание анализируемых источников

По результатам Первой Камчатской экспедиции была составлена итоговая карта. Она известна в нескольких вариантах, которые различаются в большей мере художественным оформлением, чем внутренним содержанием. Она была вычерчена в 1729–1730 гг. (составлена в экспедиции, завершена в Петербурге). М. И. Наврот приводит сведения о 16 копиях карты, из которых четыре иллюстрированы изображениями народов Сибири [Наврот, 1971]. В данной статье рассматривают три карты из четырех, которые С. А. Головин опубликовал в своей монографии [2012, с. 96–97].

Картографическое наследие Второй Камчатской экспедиции составляет порядка 100 общих и региональных карт. В данном исследовании рассматривается этнографическая карта, в которой были зафиксированы открытия Первой и Второй Камчатских экспедиций [Пасецкий, 1982, с. 158–159].

Для анализа материалов в данной статье и понимания того, о каком конкретно варианте карты идет речь, они были пронумерованы римскими цифрами. Карты рассмотрены в порядке, в котором их расположил в своей монографии С. А. Головин, с сохранением авторских названий [Головин, 2012, с. 96–97]. Анализировалась только этнографическая информация, картографическая – опускалась.

I – Вариант итоговой карты I-й Камчатской экспедиции Пётр Чаплин (1729)

Этнографическое содержание карты представляет собой 11 изображений представителей сибирских народов с подписями, 10 из которых расположены в рамках по основному полю карты. Подписи под ними следующие: самоед, якут, тунгусска аленная, тунгус аленной, каряк, курил, чюкоч, камчадал, тунгус пеший, тунгусска пешая¹. Рисунок шестерых человек в лодке не имеет рамки и подписи. Под картушем находятся дополнительные изображения. Это очаг с тремя котлами, лодка, животные и рыбы, две человеческие фигуры с протянутыми вперед руками и предметами за спиной, два изображения в круглых рамках: сцены терзания собаками трупа и сжигания покойника².

II – Вариант итоговой карты I-й Камчатской экспедиции

На этом варианте карте расположены 9 изображений на основном поле: якут, тунгусска аленная, тунгус аленный, каряк, курил, чюкоч, камчадал, тунгус пеший, тунгусска пешая. Рисунки не имеют рамок.

Под картушем расположены изображения голого мужчины с убитым оленем и одетой женщиной, две фигуры с ношей, два жилища, лодка на плечах у людей, заходящих в воду, очаг с тремя котлами, сцена сжигание трупа, копчение рыбы, а также собаки, рыбак [СКРК, 2019, с. 39]³.

¹ Здесь и далее орфография источника сохранена.

² Одна из сохранившихся копий карты Петра Чаплина, оставленной по итогам экспедиции. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Первая_Камчатская_экспедиция#/media/Файл:Pjotr_Tschaplin_-_Karte_der_Kamtschatka-Expedition.jpg (дата обращения 15.03.2021).

³ См. также: Карта от Тобольска до мыса Чукотский составлена во время сибирской экспедиции под командованием капитана флота Беринга // Мировая цифровая библиотека. URL: <https://www.wdl.org/ru/item/2572/> (дата обращения 15.02.2021).

По мнению А. И. Андреева, общий характер изображений скорее академический, чем срисованный с натуры. Это может указывать на то, что рисунки были помещены на карту с эскизов, выполненных во время экспедиции [Андреев, 1965, с. 51–52].

III – Вариант итоговой карты I-й Камчатской экспедиции

Данная карта находится в фондах Государственного исторического музея, имеет регистрационную отметку: «№ 18. Сибирь. 1753» [СКРК, 2019, с. 38; Миллер, 2005, с. 540].

Анализ данной карты был сделан М. И. Наврот. Этнографические изображения имеются с трех сторон картуша: «акварелью изображены бытовые сцены из жизни ительменов (камчадал): обряды погребения (сжигание мертвых на костре и выбрасывание мертвого тела на съедение собакам), способы приготовления пищи, изображения разных зверей (песца, соболя, лисы, оленя), жилище ительменов (летний балаган). Помимо этого, по всей карте даны 11 рисунков различных народов Сибири. Под рисунками подписи: якут, аленый тунгус, аленая тунгусская баба, каряк, курил, камчацкая баба, чюкоч, камчадал едет на собаках, чюкчи (8 человек в лодке)» [Наврот, 1971].

IV – Этнографическая карта Сибири II-й Камчатской экспедиции

Этнографическая карта Сибири Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) в целом обобщает результаты Первой и Второй Камчатских экспедиций [ГИМ, 2007, с. 111; Головин, 2012, с. 98; Миллер, 2005, с. 541].

Этнографическая информация на карте расширилась по сравнению с вариантами итоговой карты Первой Камчатской экспедиции: выделяются уже 17 рисунков. В основном они повторяют изображения на описанных выше картах, но не идентичны им: якут, аленый тунгус, аленая тунгусская баба, каряк ясашный, курил ясашный, камчацкая баба, чюкоч ясашный, камчадал едет на собаках, чукчи (6 человек в лодке), есть также 6 новых изображений. Количество рисунков под картушем сократилось. Мы видим очаг с двумя котлами, рыбу, убитого оленя, жилище с очагом, песца и два обряда погребения в круглых рамках: покойника, терзаемого собаками, и трупосожжение.

Результаты исследования и обсуждение

Для достижения поставленной в статье цели проведем сравнительный анализ этнографических изображений на всех описанных выше картах.

Изображение *якута* расположено одинаково на всех картах – в центре. Общим в его портретах является то, что человек изображен по пояс в зимней одежде. На картах II и III якут одет в шапку и шубу, отороченную мехом по воротнику и борту. На I, II и III картах мех хорошо прорисован. На карте IV шуба и капюшон составляют единое целое, мех не изображен. На картах I и II за человеком изображено животное (вероятно, лошадь), на IV – в руке видно лук, на III – нет дополнительных изображений. Изучение аналогий по этнографии одежды якутов показывает, что шапки и наплечная одежда (шубы) шились отдельно. В основном одежда имела прямой борт, хотя в двух случаях был запах. Есть также оторочка мехом и меховой воротник [Гаврильева, 2000, рис. III–VII, X, XV, XXXIII, XLII].

Изучение изображений на картах показывает, что несколько косая линия борта шубы на якуте на картах I, II и III связана с посадкой головы и постановкой тела. На карте IV явно изображен косой борт с отворотом без меховой опушки.

Справа от якута на всех картах расположены *тунгуска* оленная и *тунгус* оленный, оба верхом на оленях. Люди изображены в национальной одежде, в которой можно выделить определенные особенности. Отметим, что поиск аналогий производится среди публикаций о тунгусах и эвенках, так как это два названия одного народа [Ушницкий, Алексеева, 2015].

На картах I–III видно, что оленные тунгус и тунгуска держат в руках тесла на рукоятках, в которых четко выделяются обе части изделия. Каменные тесла эвенков известны по этно-

графическим коллекциям [Народы Севера..., 1986, рис. IV]. На карте IV художник изобразил их как загнутые палки, не выделяя рукоять и рабочую часть изделия. Такое «превращение» произошло, видимо, из-за того, что художник не понимал, их предназначения.

Изображения оленей близки на всех картах, поза их идентична, но есть отличия в положении ног. Манера исполнения рогов близка изображениям северных оленей на картографических европейских источниках [Материалы по истории..., 1906].

На всех картах в нижнем ряду изображены тунгус пеший с тушкой птицы и тунгуска пешая с рыбой. На картах I и IV у тунгуса за спиной находится колчан со стрелами, что в совокупности с тушкой птицы подчеркивает направление хозяйственной деятельности – охота, на двух других картах этот атрибут отсутствует. Традиционная эвенкийская одежда не различается по гендерному признаку, отличие состоит в составе и количестве украшений. Но на рассмотренных нами картах женская и мужская одежда отличаются. На картах I и IV мужчина изображен в традиционной одежде с нагрудником и бахромой по подолу, на последней – рисунок несколько упрощен.

Женская одежда тунгусов практически идентична на всех картах, из важных элементов можно отметить штрихи, красочный шарф, пояс. Судя по этнографическим описаниям, штрихи – это бахрома из пучков козьего меха, которая привязывается ремешками к одежде: на рукавах, по спинке, по краю проймы. На I и IV картах на мужском кафтане тунгуса четко выделяется нагрудник, характерный для одежды данного народа. Подол кафтана выкраивался мысом, со спинки он длиннее, чем с передка. К подолу пришивается длинная бахрома из козьей шерсти [Хаховская, Вуквукай, 2020; Народы Севера...1986, с. 215–218, фото 38–41; Жукова, 2007, с. 81]. Удлиненная спинка кафтана у тунгусов определяется на картах I и IV.

Судя по этнографическим данным, шапки у эвенков шьются отдельно, хотя была зафиксирована и одежда с капюшоном [Народы Севера..., 1986, с. 215, рис. VII, 3, V, VI, фото 38–40; Жукова, 2007, с. 81]. Практически на всех рисунках на тунгусах видны шапки, но на картах II и III у пеших тунгусов шапок нет, прорисованы волосы. На IV карте головной убор и кафтан более стилизованы. На этой же карте у тунгусов, коряков и курилов головной убор больше похож на шапку типа «боярка». У оленного тунгуса шапка напоминает шляпу с пером.

На карте II мужской костюм другой: это шуба, подол которой состоит из отдельных частей, она мало похожа на меховую бахрому. Близка к ней одежда тунгуса на карте III, она сшита мехом наружу. Просмотренные материалы показывают, что такой тип одежды встречается, но реже, чем описанный выше. Близкая аналогия была найдена в книге С. П. Крашенинникова. На одном из рисунков под названием «Чукотские бабы» женщина одета в шубу, юбка которой сшита из отдельных шкурок пушных зверей (вероятно, песцов) [Крашенинников, 1755, с. 158]. Это может быть аналогией одежды пешего тунгуса на карте II. Исследователи отмечают, что камчатские эвены были знакомы с традиционным костюмом чукчей, коряков, ительменов [Жукова, 2007, с. 83].

Обувь на всех изображениях тунгусов на картах Первой Камчатской экспедиции (I–III) состоит из двух частей, что имеет аналогии в этнографических коллекциях [Народы Севера..., 1986, с. 218, рис. VII, 6]. На карте IV обувь больше похожа на обычные сапоги.

Основные особенности изображения *каряка* (*коряка*) заключаются в том, что он стоит на лыжах и держит в руках некий предмет. На карте II это явно лук, но без тетивы, на остальных картах это палка с перевитой веревкой. На карте I она имеет дополнительное изображение в виде красного круга с желтыми лучами. На IV карте палку обвивает веревка, которая похожа на змею. Одежда по стилистике практически одинакова на всех изображениях, кроме IV карты, где она упрощена, а лыжи укорочены.

В рисунках под названием «*курил*» есть значительные отличия в изображениях: на картах II и III мужчина держит в правой руке копьё, на картах I и IV – в левой руке лук, в правой

стрелу. При этом поза, одежда, головной убор и обувь практически идентичны. На IV карте шуба сильно упрощена, а шапка утратила свою этнографическую специфику.

На всех картах находятся изображения с подписью «чюкоч». Все мужчины держат в левой руке тушку птицы. Одежда – шуба с капюшоном, при этом на карте II видно, что она меховая, на I и III – внизу на подоле еще просматривается мех, а на IV карте нет даже этого. На всех картах Первой Камчатской экспедиции прорисовка обуви имеет этнографическую специфику, на IV карте она больше похожа на сапоги.

Камчадал (ительмен) в санках, запряженных собаками, находится в рамках на картах I и IV, без них – II и III. Человек одет в меховую одежду, на голове шапка. С. П. Крашенинников упоминает, что камчадалы зимой ездят на санках, запрягая обычно по четыре собаки [Крашенинников, 1755, с. 38–41]. Именно такое количество собак видно на всех картах. Отличаются форма санок и погоняла в руке, положение ездока. Рисунки саней найдены в трех публикациях, их конструкции отличаются [Крашенинников, 1755, с. 54; Толкачёва, 2010; Народы мира..., 1956, с. 961]. Менее всего на приведенные аналогии похожи сани на карте IV.

Рассмотрим изображения, расположенные под картушами. Наиболее развернутым являются зарисовки на карте II. На заднем фоне изображены две голые фигуры с ношей – скорее всего, это женщины с детьми, так как было зафиксировано, что камчадалские женщины носят своих детей в кукляках (вид одежды) за плечами, в том числе в дороге и на работе [Крашенинников, 1755, с. 44–45, 128–129]. Здесь же есть изображение жилища на столбах, которые С. П. Крашенинников называет «балаганами», он также описывает процесс их строительства, указывая, что они использовались камчадалами как амбары или в качестве «летних покоев» [Там же, с. 28–29].

На этом рисунке есть также изображения собак, лодки, которую несут два человека в море, рыб, возможно, приспособления для их копчения. Видимо, здесь мы видим хозяйственную деятельность камчадалов, которые летом заготавливают рыбу, в том числе и для кормления собак [Там же, с. 36, 52–53].

На переднем плане рисунка изображены две фигуры: голый человек несет тушу оленя, рядом женщина в одежде. В описании С. П. Крашенинникова среди видов работ у камчадалов нет свидетельств об охоте на оленя, кроме упоминания о выделке кожи, в том числе оленьей, и шитье из нее одежды [Там же, с. 38–41]. При этом в упомянутой книге есть указание на соседей – оленных коряков, хозяйство которых связано с оленеводством [Там же, с. 145].

С. П. Крашенинников также отмечает, что камчадалы выбрасывают трупы сородичей на съедение собакам, в отличие от других народов, которые покойников сжигают или погребают в землю [Там же, с. 135–136]. Получается, что такая традиция является отличительной чертой погребального обряда камчадалов.

Таким образом, под картушем на карте II изображены сцены, связанные с жизнью камчатских народов: камчадалов и коряков, скорее всего, на летнем стойбище. На всех остальных картах изображены отдельные части из рассмотренной композиции, это также указывает на то, что там изображены отдельные элементы культуры камчатских народов. Подобное мнение об изображениях на карте III высказано в замечаниях к публикуемым картам Сибири в томе 3 материалов Г. Ф. Миллера [2005, с. 541].

Заключение

Выделим общие черты и отличия на рисунках анализируемых карт, что позволит выявить их изготовление в хронологическом порядке.

Наиболее ранними следует считать карты II и III в соответствии с нумерацией нашего списка. В пользу данного суждения приведем следующие аргументы. Наиболее полно и содержательно выполнены рисунки под картушем карты II. На остальных картах количество

изображений под картушем уменьшается (при сохранении общего «набора» предметов и персонажей), утрачивается суть композиции. Именно на карте II все рисунки выполнены с максимальной реалистичностью в изображениях одежды и орудий (например, единственно верное изображение лука у коряка). Видимо, этот вариант карты выполнен художником, который копировал рисунки с зарисовок, сделанных во время Первой Камчатской экспедиции.

Следующей по времени была изготовлена карта III. На ней изображения находятся в рамках без фона. Единственное изображение на карте III, которое не имеет рамки, – это камчадал на сани, запряженных собаками. Возможно, это является неким показателем «переходности» к более поздним изображениям, так как на картах I и IV эта фигура обрамлена. На карте III количество изображений увеличивается до 11, как и на карте I. На карте II нет чукчей в лодке, но они есть на всех остальных (это десятые изображения). Одиннадцатые изображения на картах I и III разные: самоед на I карте перед якутом и камчадал на III карте после коряка. Появившийся самоед на карте I сохраняется и на карте IV. Оба расположены на одном месте, перед якутом. Стилистически изображения отличаются, но есть общие черты: за плечами находятся, вероятно, снегоступы или другое изделие из двух частей, рядом шалаш, копье и птица / рыба, хотя и в разных руках. Таким образом, карта I была изготовлена последней из рассмотренных вариантов карт Первой Камчатской экспедиции. Выделим общие черты I и IV карт: 1) представители народов расположены в рамках с задним фоном, 2) есть изображение самоеда, которого нет на других картах, 3) близкий набор рисунков под картушем, в том числе изображение двух погребальных обрядов в круговых рамках, 4) увеличивающаяся тенденция к утрате этнографического смысла изображений. Таким образом, именно изображения на карте I послужили образцом для наполнения рисунками этнографической карты Второй Камчатской экспедиции (карта IV).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Рассмотренные в данной статье карты были выполнены разными художниками в разное время. В соответствии с принятой в данной работе нумерацией они были изготовлены в следующей последовательности: II – III – I – IV. Основой для наполнения этнографической составляющей карты Сибири Второй Камчатской экспедиции стал вариант под номером I итоговой карты Первой Камчатской экспедиции. Рисунки на самом раннем варианте под номером II, видимо, являются сделанными уже в Санкт-Петербурге копиями зарисовок народов Сибири, выполненных во время Первой Камчатской экспедиции. Местные художники не совсем разбирались в том, что изображали, и поэтому уже на этом этапе происходит утрата части этнографического смысла. Остальные карты были скопированы уже с нее. Художники-копировальщики, которые их исполнили, видимо, не вполне понимали суть изображаемого, поэтому происходит дальнейшая утрата этнографического смысла, упрощение, а в некоторые изображения вносятся элементы традиций других народов, видимо, знакомых художникам.

Список литературы

- Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина). 366 с.
- Баяндин В. И., Катионов О. Н.** Военные действия и военные объекты на картах Сибири и Дальнего Востока (XVIII – начало XX в.) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2020. № 65. С. 111–119.
- Гаврильева Р. С.** Одежда народа Саха конца XVII – середины XVIII века: опыт этнографической реконструкции: Дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2000. 221 с.
- Головин С. А.** Старинные карты мира, России и Сибири: В 3 т. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. Т. 3: Старинные русские карты России и Сибири. 209 с.
- ГИМ – Государственный исторический музей. Альбом. М.: Интербук-бизнес, 2007. 191 с.

- Жукова Л. Н.** Глухая одежда тунгусов Северо-Восточной Азии // Вестник Сев.-Вост. научного центра ДВО РАН. 2007. № 3. С. 79–84.
- Иванова А. П.** Край света: Камчатка // Вестник Дальневост. гос. научной библиотеки. 2021. № 2 (91). С. 141–147.
- Катионов О. Н.** Научно-картографическое изучение Сибири в XVIII – начале XX в. // Гео-Сибирь. 2007. Т. 6. С. 76–79.
- Катионов О. Н.** Электронный каталог печатных карт Сибири и Дальнего Востока XVIII – начала XX в. // Гео-Сибирь. 2017. Т. 6, № 1. С. 71–75.
- Катионов О. Н., Мжельская Т. В.** Рукописные карты Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX века как источник для этнографических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5. С. 138–145. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-138-145
- Катионов О. Н., Романенко Н. А., Сидорчук О. Н.** Использование картографических материалов сети Интернет при составлении «Электронного архива карт Сибири и Дальнего Востока» // Гео-Сибирь. 2020. Т. 1, № 2. С. 48–54.
- Катионов О. Н., Смагин Р. Ю., Воронина А. А.** Рукописные карты Сибири XVIII – начала XX в. в архивах, музеях и библиотеках России // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 53–56.
- Кравец Т. В.** Вклад немецких путешественников в изучение языков малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 1. С. 53–62.
- Крашенинников С. П.** Описание Земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1755. Т. 2. 319 с.
- Материалы по истории русской картографии / Сост. В. А. Кордт. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1906. Сер. 2. Вып. 1: Карты всей России, северных ее областей и Сибири. 53 с.
- Мжельская Т. В.** Реклама на картах как исторический источник // Гео-Сибирь. 2019. Т. 5. С. 60–67.
- Мжельская Т. В., Лобанова А. А.** Карты Сибири как источник по изучению социально-экономических вопросов XIX – начала XX в. // Гео-Сибирь. 2016. Т. 6, № 1. С. 58–61.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. 605 с.
- Наврот М. И.** Новый вариант итоговой карты Первой Камчатской экспедиции // Летопись Севера. М.: Мысль, 1971. Т. 5. С. 108–121.
- Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири / Под ред. С. П. Толстова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
- Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Каталог этнографической коллекции / Отв. ред. Н. А. Томилов. Томск: Изд-во ТГУ, 1986. 344 с.
- Пасецкий В. М.** Витус Беринг. М.: Наука, 1982. 176 с.
- СКПК – Сводный каталог печатных карт Сибири и Дальнего Востока с XVIII века по 1917 год: Электрон. справ. изд. Новосибирск, 2016. URL: <http://catalog.inforeg.ru/Inet/GetEzineByID/312658> (дата обращения 01.08.2021).
- СКРК – Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в.: Справ. изд. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 464 с.
- Толкачёва Н. В.** Российские исследователи о заселении края народами Камчатки, их расселении и языках // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края: Сб. материалов Междунар. науч.-метод. семинара. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2010. С. 115–123.
- Ушницкий В. В., Алексеева С. А.** Происхождение эвенков (тунгусов): оленные и пешие кочевники Сибири // Перспективы науки. 2015. № 11 (74). С. 97–99.

- Хаховская Л. Н., Вуквукай Н. И.** Эвенская этническая одежда: классический костюм и современная трансформация // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 2 (52). С. 17–26.
- Шипилов И. А.** Источники по истории Сибири первой половины XVIII в.: рисунки художников Второй Камчатской экспедиции // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2020. Т. 34. С. 73–82.
- Элерт А. Х.** Источники по истории формирования этнографической коллекции кунсткамеры участниками Второй Камчатской экспедиции // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 97–111.

References

- Andreev A. I.** Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri [Essays on the study of sources in Siberia]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, iss. 2, 366 p. (in Russ.)
- Bayandin V. I., Kationov O. N.** Voennye deistviya i voennye ob"ekty na kartakh Sibiri i Dal'nego Vostoka (XVIII – nachalo XX v.) [Military operations and military objects on the maps of Siberia and the Far East (18th – early 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2020, no. 65, pp. 111–119. (in Russ.)
- Elert A. Kh.** Istochniki po istorii formirovaniya etnograficheskoi kollektzii kunkamery uchastnikami Vtoroi Kamchatskoi ekspeditsii [Sources on the history of the formation of the ethnographic collection of the Kunstkamera by the participants of the Second Kamchatka Expedition]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Izvestia of Irkutsk State University. Series: History], 2018, vol. 23, pp. 97–111. (in Russ.)
- Gavrileva R. S.** Odezhda naroda Sakha kontsa XVII – serediny XVIII veka: opyt etnograficheskoi rekonstruktsii [Clothes of the Sakha people of the late 17th – mid-18th century: the experience of ethnographic reconstruction]. Cand. Hist. Sci. Diss. Yakutsk, 2000, 221 p. (in Russ.)
- Golovin S. A.** Starinnye karty mira, Rossii i Sibiri [Ancient maps of the world, Russia and Siberia]. In: 3 vols. Blagoveshchensk, BSPU Press, 2012, vol. 3, 209 p. (in Russ.)
- Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. Al'bom [State Historical Museum]. Moscow, Interbuk-biznes Publ., 2007, 191 p. (in Russ.)
- Ivanova A. P.** Krai sveta: Kamchatka [Edge of the World: Kamchatka]. *Vestnik Dal'nevostochnoi gosudarstvennoi nauchnoi biblioteki* [Bulletin of the Far Eastern State Scientific Library], 2021, no. 2 (91), pp. 141–147. (in Russ.)
- Kationov O. N.** Elektronnyi katalog pechatnykh kart Sibiri i Dal'nego Vostoka XVIII – nachala XX v. [Electronic catalog of printed maps of Siberia and the Far East of the 18th – early 20th century]. *Geo-Sibir'* [Geo-Siberia], 2017, vol. 6, no. 1, pp. 71–75. (in Russ.)
- Kationov O. N.** Nauchno-kartograficheskoe izuchenie Sibiri v XVIII – nachale XX v. [Scientific-cartographic study of Siberia in the 18th – early 20th century]. *Geo-Sibir'* [Geo-Siberia], 2007, vol. 6, pp. 76–79. (in Russ.)
- Kationov O. N., Mzhelskaya T. V.** Rukopisnye karty Sibiri i Dal'nego Vostoka XVII – nachala XX veka kak istochnik dlya etnograficheskikh issledovaniy [Handwritten maps of Siberia and the Far East of the 17th – early 20th century as a source for ethnographic research]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 138–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-138-145
- Kationov O. N., Romanenko N. A., Sidorchuk O. N.** Ispol'zovanie kartograficheskikh materialov seti internet pri sostavlenii "Elektronnogo arkhiva kart Sibiri i Dal'nego Vostoka" [Using cartographic materials of the Internet in compiling the "Electronic archive of maps of Siberia and the Far East"]. *Geo-Sibir'* [Geo-Siberia], 2020, vol. 1, no. 2, pp. 48–54. (in Russ.)
- Kationov O. N., Smagin R. Yu., Voronina A. A.** Rukopisnye karty Sibiri XVIII – nachala XX v. v arkhivakh, muzeyakh i bibliotekakh Rossii [Manuscript maps of Siberia of the 18th – early

- 20th century. in archives, museums and libraries of Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2012, vol. 3, pp. 53–56. (in Russ.)
- Khakhovskaya L. N., Vukvukai N. I.** Evenskaya etnicheskaya odezhda: klassicheskii kostyum i sovremennaya transformatsiya [Even ethnic clothes: classic costume and modern transformation]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2020, vol. 2 (52), pp. 17–26. (in Russ.)
- Krasheninnikov S. P.** Opisanie Zemli Kamchatki, Sochinennoe Stepanom Krasheninnikovym, Akademii nauk professorom [Description of the Land of Kamchatka Composed by Stepan Krasheninnikov, Professor of the Academy of Sciences]. St. Petersburg, Pri Imp. Akad. nauk, 1755, vol. 2, 319 p. (in Russ.)
- Kravets T. V.** Vklad nemetskhkh puteshestvennikov v izuchenie yazykov malochislennykh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Contribution of German travelers to the study of the languages of the small peoples of Siberia and the Far East]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2021, vol. 18, no. 1, pp. 53–62. (in Russ.)
- Materialy po istorii russkoi kartografii [Materials on the history of Russian cartography]. Comp. by V. A. Kordt. Kiev, Tipografiya S. V. Kulzhenko, 1906, ser. 2, rel. 1, 53 p. (in Russ.)
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005, vol. 3, 605 p. (in Russ.)
- Mzhelskaya T. V.** Reklama na kartakh kak istoricheskii istochnik [Advertising on maps as a historical source]. *Geo-Sibir'* [Geo-Siberia], 2019, vol. 5, pp. 60–67. (in Russ.)
- Mzhelskaya T. V., Lobanova A. A.** Karty Sibiri kak istochnik po izucheniyu sotsial'no-ekonomicheskikh voprosov XIX – nachala XX v. [Maps of Siberia as a source for the study of socio-economic issues of the 19th – early 20th century]. *Geo-Sibir'* [Geo-Siberia], 2016, vol. 6, no. 1, pp. 58–61. (in Russ.)
- Narody mira. Etnograficheskie ocherki. Narody Sibiri [The peoples of the world. Ethnographic essays. Peoples of Siberia]. Ed. by S. P. Tolstov. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, 1084 p. (in Russ.)
- Narody Severa Sibiri v kollektsiyakh Omskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoricheskogo i literaturnogo muzeya. Katalog etnograficheskoi kolleksii [Peoples of the North of Siberia in the collections of the Omsk State United Historical and Literary Museum. Ethnographic collection catalog]. Ed. by N. A. Tomilov. Tomsk: TSU Press, 1986. 344 p. (in Russ.)
- Navrot M. I.** Novyi variant itogovoi karty Pervoi Kamchatskoi ekspeditsii [A new version of the final map of the First Kamchatka expedition]. In: Letopis' Severa [Chronicle of the North]. Moscow, 1971, vol. 5, pp. 108–121. (in Russ.)
- Pasetsky V. M.** Vitus Bering [Vitus Bering]. Moscow, Nauka, 1982, 176 p. (in Russ.)
- Shipilov I. A.** Istochniki po istorii Sibiri pervoi poloviny XVIII v.: risunki khudozhnikov Vtoroi Kamchatskoi ekspeditsii [Sources on the history of Siberia in the first half of the 18th century: drawings of artists of the Second Kamchatka expedition]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Irkutsk State University Bulletin. Series: History], 2020, vol. 34, pp. 73–82. (in Russ.)
- Svodnyi katalog pechatnykh kart Sibiri i Dal'nego Vostoka s XVIII veka po 1917 god [Consolidated catalog of printed maps of Siberia and the Far East from the 18th century to 1917]. Electronic reference edition. Novosibirsk, 2016. (in Russ.) URL: <http://catalog.inforeg.ru/Inet/GetEzineByID/312658> (accessed 01.08.2021).
- Svodnyi katalog rukopisnykh kart Sibiri i Dal'nego Vostoka XVII – nachala XX v. [Consolidated catalog of handwritten maps of Siberia and the Far East of the 17th – early 20th century]. Reference edition. Novosibirsk, NSPU Press, 2019, 464 p. (in Russ.)
- Tolkacheva N. V.** Rossiiskie issledovateli o zaselenii kraia narodami Kamchatki, ikh rasselenii i yazykakh [Russian researchers on the settlement of the region by the peoples of Kamchatka, their settlement and languages]. In: Problemy sotsial'nogo razvitiya, obrazovaniya, traditsion-

nogo prirodopol'zovaniya i sokhraneniya yazykov korennykh narodov Kamchatskogo kraia [Problems of social development, education, traditional nature management and preservation of the languages of the indigenous peoples of the Kamchatka Territory]. Petropavlovsk-Kamchatskii: KamchatSTU Press, 2010, pp. 115–123. (in Russ.)

Ushnitsky V. V., Alekseeva S. A. Proiskhozhdenie evenkov (tungusov): olennye i peshie kochevniki Sibiri [The origin of the Evenks (Tungus): reindeer and foot nomads of Siberia]. *Perspektivy nauki* [Prospects for Science], 2015, vol. 11 (74), pp. 97–99. (in Russ.)

Zhukova L. N. Glukhaya odezhda tungusov Severo-Vostochnoi Azii [Clothes without a cut of the Tungus of North-East Asia]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN* [Bulletin of the North-East Scientific Center of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], 2007, no. 3, pp. 79–84. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Мжельская, кандидат исторических наук, доцент

Information about the Author

Tatiana V. Mzhelskaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 05.08.2021;
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 05.08.2021;
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 397

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-151-161

Trees Are Gods: The Sanctification of Forests in the Traditional Worldview of the Co Tu People in Vietnam

Tran Thi Mai An

The University of Danang – University of Science and Education
Danang city, Vietnam

ttman@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0003-2922-8845>

Abstract

Purpose. Co Tu is one of the ethnic minorities among the 54 ethnic groups in Vietnam that still boldly preserve their cultural values. They live in the mountainous areas of the Annamite Range, Vietnam where they depend on the forest for their livelihood. The people attach great importance to trees and forests. In their traditional worldview, trees are not merely immovable objects but have hidden souls. Trees are called *abhui* whose souls mainly inhabit the forest. Those residing in any tree have the same characteristics as that tree. Tree souls can protect people but can also harm them. By using primary and secondary documents obtained during the years 2009–2020, focusing on 2017–2019; emic, etic, and direct field trip methods as the unstructured in-depth interview, semi-structured interview, and group discussions, we want to approach the ethnic minority's way of thinking and learn about the relationship between the ethnic group and the plant world.

Results. Trees have been personified as gods, and from that respect, the people have also sanctified forests and created customary law to protect forests, i.e., tree souls, the sacredness of forests.

Conclusion. In promoting relationships with nature, protecting and preserving the environment, these indigenous practices are a very positive form that should be encouraged.

Keywords

Co Tu ethnic group, souls, trees, forests, forest gods, customary law, traditions, field trips

For citation

Tran Thi Mai An. Trees Are Gods: The Sanctification of Forests in the Traditional Worldview of the Co Tu People in Vietnam. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 151–161. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-151-161

Деревья – это боги: леса как священные места в традиционном мировоззрении народа Со Ту во Вьетнаме

Чан Тхи Май Ан

Университет Дананга – Университет науки и образования
Дананг, Вьетнам

ttman@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0003-2922-8845>

Аннотация

Цель. Со Ту – одно из немногих этнических меньшинств среди 54 этнических групп Вьетнама, которое до сих пор сохраняет свои традиционные культурные ценности. Они живут в горных районах Аннамских гор во Вьетнаме, полагаясь на лес как источник средств к существованию. Эти люди придают большое значение де-

© Tran Thi Mai An, 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 151–161
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 151–161

ревям и лесам. В их традиционном мировоззрении деревья – это не просто неодушевленные объекты, у них есть спрятанная душа. Деревья называются «abhui», их души в основном населяют лес и обладают такими же характеристиками, как и само дерево, в котором они обитают. Души деревьев могут защищать людей, но могут также и навредить им. В данной статье мы хотим понять, как этнические меньшинства думают, и изучить их отношения с миром растений, используя первичные и вторичные документы, полученные в период 2009–2020 гг. (фокусируясь на 2017–2019 гг.). Для сбора информации были применены эмический, этический и прямой подходы сбора данных в полях: неструктурированное глубинное интервью, полуструктурированное интервью и групповые дискуссии.

Результаты. В культуре Со Ту деревья олицетворяются как боги. Леса считаются священными местами. Также был создан закон о защите лесов (т. е. душ деревьев) и их статуса священных мест.

Заключение. Данные обычаи поощряют бережное отношение к природе, защиту и сохранение окружающей среды и являются позитивным явлением, которое следует поощрять.

Ключевые слова

этническая группа Со Ту, души, деревья, леса, лесные боги, обычное право, традиции, полевые выезды

Для цитирования

Tran Thi Mai An. Trees Are Gods: The Sanctification of Forests in the Traditional Worldview of the Co Tu People in Vietnam // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 151–161. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-151-161

1. Introduction

In the living world, only human beings have beliefs and act according to their viewpoints on values. Beliefs and values form an essential part of the culture/ethnic culture. What is the composition of beliefs and the scale of values dependent on? It is a question whose answer has not come from any particular academic discipline. It is just known that the first catalyst that creates people's beliefs and viewpoints on values is the environment that emphasizes the intimate relationship between humans and the environment. Croll and Parkin called the environment which humans inhabit and adapt to for their existence *ecocosmology*. "...That world is in a way that people will consider themselves to be inseparable from it" [Croll & Parkin, 1992, p. 3]. Arhem Kaj interpreted more specifically that the *ecocosmology* included two complementary worldviews: totemism and animism. "Those two worldviews create an overall ecocosmology that helps shape awareness, guide practices, and give meaning to life" [Arhem, 1996, p. 186]. It is known that in anthropology, totemism and animism are considered primitive forms of religion [Tylor, 1871]. Totemism ascribes images of nature to human society; animism uses descriptions of society to construct natural order. However, from another perspective, in the concept of *ecocosmology*, these two theories can be considered as types of existence that discuss the relationship between humans and nature [Descola, 2012]. According to that *ecocosmology*, humans are a part of the natural environment. Such living things as trees, animals, etc. are considered entities equal to humans, living in the same environment as humans. The relationship between humans and nature is a social or subject-subject relationship, also known as inter-subject, with mutual negotiation and exchange [Nurit, 1993; Descola, 1996; 2012; Ingold, 2000; Arhem and Guido, 2016]. In the connotation of that relationship, trees are a reciprocal subject that scholars pay the most attention to. In studying the symbolic meaning of trees, the image of trees in humans' abstract worldview has become a popular research topic in world science. Frazer in Chapter IX of *Golden Bough*, argued that belief and "intersubjectivity" between humans and plants give rise to the worship of trees [Frazer, 1923/2007]. M. Durkheim also emphasized the symbolic value of plants as part of the landscape in his studies. Laura Rival, along with many other scholars in *The Social life of trees and Anthropological perspectives on Tree symbolism*, also discusses how tree symbolism reflects the human urge to express ideas through external and material signs, no matter what these signs might be [Laura Rival, 1998]. And many case studies published in academic forums discuss how the world's peoples interact with trees and the tree image in their worldview.

Trees are gods: this thought has existed for a long time and has been popular in the mindset of the Co Tu community, an ethnic minority among 54 ethnic groups in Vietnam. Trees are a product

of the natural world, but for the ethnic group, trees are considered a subject in parallel with the human world, where there are levels of emotions, beliefs, and actions towards viewpoints on values. This study contributes one more voice in discussing the relationship between humans and the natural world that humans always try to impose their knowledge and will on the natural world and attach themselves to myths, values, and beliefs. People regard themselves and the natural world as associated inter-subjects. The purpose and the novelty of the article are to take a closer look at the Co Tu people's perceptions of the plant worship cult and how they have sanctified forests through that cult. They attach essential roles and positions to the woods that are inseparable from their lives. They have created customary law to protect the sacredness of forests. In promoting relationships with nature, protecting and preserving the environment, these indigenous practices are a very positive form that should be encouraged.

2. Field site and methodology

The Co Tu ethnic minority is one of the ethnic groups belonging to the Mon-Khmer languages, the Austroasiatic language family. They live in Vietnam and Laos, with about 74,173 people [General Statistics Office, 2019]. In Vietnam, they reside mainly in the three mountainous districts of Tay Giang, Dong Giang, and Nam Giang of Quang Nam province. They live in Phu Tuc hamlet, Hoa Phu commune and Ta Lang and Gian Bi hamlets, Hoa Bac commune, Hoa Vang district, Da Nang city. And there is a part that resides in Nam Dong mountainous district, A Luoi mountainous district and Binh Dien commune, Hong Tien commune in Huong Tra town, Thua Thien Hue province. In Laos, they reside in several regions such as Sekong, Saravane, and Champasak. Like the mountainous areas in the Annamite Range in Vietnam, these districts have rough and dangerous terrain, located among high mountain ranges, divided by many rivers and streams, with steep slopes and swift flow. Most residential areas divide into three types of terrain: high mountainous regions, low mountainous areas, and hilly valleys.

The Co Tu ethnic group has many different names and pronunciations Katu, Co Tu, Co tu, K'tu... However, the spelling and name officially recognized by the State of Vietnam and used in administrative documents since 1979¹ have been Co Tu / Co-tu. Here, we choose to use "Co Tu" because this name is confirmed in the List of Vietnamese ethnic groups (1979).

Due to their residence in mountainous areas, their main livelihood includes traditional cultivation and gathering, hunting and fishing. They have conventional crafts of knitting and weaving. The highlight of the community's material culture, in general, is the image of the Guol house. Guol is located in the center of the village, where everyday rituals are performed. Means of transport include travel on foot, bicycle or motorbike. Their costumes can be divided into two categories: daily clothes and festival clothes. The daily meals of the people are straightforward with rudimentary processing techniques. The main spices are salt, fish sauce, monosodium glutamate. They often use the roots and leaves of forest trees to make drinking water. The spiritual life is associated with a system of festivals and rituals spanning the agricultural production cycle and the human life cycle.

This article results from our intermittent ethnographic field trips between 2009 and 2020, focusing on 2017–2019. We collected the article's data mainly through three methods: unstructured in-depth interview, semi-structured interview, and group discussions. Interviews were conducted mainly in the common language (Vietnamese) with the assistance of indigenous interpreters. The interviews lasted one to two hours per person. Since these intermittent field trips lasted many years, we built a close relationship with the people. Often, we stayed in their houses all day, joining the daily activities of the villages and families. These are valuable participatory observational experiences in the ethnographic fieldwork that we call "embodiment and trust-building."

¹ List of ethnic groups in Vietnam (Promulgated under Decision No. 121-TCTK/PPCD, dated March 2, 1979).

To learn and collect information to gain insight into the ecocosmology of the community, we determined the sampling for the interviews to be intentional (rather than random). The sampling for these interviews was intentional [Bernard, 2006, pp. 189–191]². The subjects were divided into four main groups: village elders / older people, females aged 30–50, males aged 30–50, and young people (both males and females) under 30. The collected interview data was analyzed manually by carefully reviewing the interviews, audio recordings, and other information to identify critical topics related to the research story.

To summarize, in the main period 2017–2019, we conducted nine semi-structured in-depth interviews with village elders / older people in the village; nine unstructured in-depth interviews with females; nine unstructured in-depth interviews with males; nine unstructured in-depth interviews with females and males under 30; nine unstructured in-depth interviews with local officials. There were also two group discussions with those aged 50–70 and those aged 30–45. The selection of interviewees and multiple age groups helped us access different perspectives on their beliefs, attitudes, and behaviors related to the research matter.

3. Findings and Discussion

3.1. The appearance of the forest god

A tree in the Co Tu language is known as *ariec*. According to the ethnic group, plants are seen as a living entity with strength and feelings for the surrounding species, even understanding human aspirations. The progress and results of the group discussions and individual interviews both showed a respectful attitude of the members towards trees, especially for large-stemmed, perennial trees. The system of ethnic folk tales³ has recorded the popularity of stories with the motif that trees have souls like humans. The stories about plants with evil souls such as Chpoor, Achul, Azil, Dong Clui, Prong⁴ were shared whispering by the discussion group members. They believe that if these trees are cut down, the souls will come back to harm the villagers and break the house roofs, so no one dares to approach them. The people regard trees as a living entity, thinking and acting like humans.

Looking broadly at other studies in anthropology or social sciences and humanities, we see that the belief in certain plants expressed through reverence or fear of the Co Tu people in Vietnam is not unique. According to Frazee, people's trust in trees occurred very early [Frazee, 1923/2007, p. 189]. People believe trees have souls like themselves, so they treat them accordingly [Ibid., p. 192]. The Co Tu village elders believe that if people have three relationships in three realms of space: the subterranean realm (the world of the dead); the present time realm (the world of the living), and the ethereal realm (the world of the gods), so do trees. Trees also have communication with three spatial layers: the underground is where trees strike deep roots, hide them and take the essence of the soil to maintain the existence of the trees; the ground is where trunks with branches grow; and the overhead space of trees is the soaring sky that has created the stance of the entities above the trees, where the branches spread far away, and treetops rise to absorb the sunshine. Annually, leaves fall and then grow again, which is a symbol of rebirth. It is that existence that gives trees lasting and robust vitality. That vitality also creates a close-familiar image and belief in the ecocosmology of the ethnic group that there are souls in trees. The souls that reside deep in the tree trunks are called *abhui*. However, according to Nguyen *abhui* is not just a specific name for tree souls, but a general term for supernatural entities in the natural world, "concept that includes souls associated with all the manifestations of nature that we can see in rivers, streams, grounds,

² This Purposive or Judgment Sampling arose from my experiences in the study site. This selection helps me to access important media, providing useful information on sensitive issues of the research topic.

³ Co Tu folk tales are divided into the following categories: tales about the creation of the universe; tales reflecting daily activities; tales with orphan characters; tales with the theme of ethnic origin [Nguyen, 1994; Tran, 2015].

⁴ The name in the Co Tu language to refer to plants with extremely toxic resins that are deadly.

water, rocks, mountains, plants...” [Nguyen, 2004, p. 339]. Here we only discuss the meaning of the word *abhui* in the narrow sense, which is the soul of trees, called *abhui tree*.

“Plants are just like people. From seed or a seedling, a tree will grow tall, then it will also dry up, grow old and die like us, so it also has a soul, called *abhui tree*” (Interview with the man, 65 years old, in 11/2017).

“*Abhui* has many types, different personalities. The *abhui* forest mainly inhabits in the forest. *Abhui* residing in any tree has the same characteristics as that tree. The large, perennial woody tree is where the great *abhui* dwells, possessing extraordinary powers, profoundness, and tolerance. This *abhui* always protects human life. Plants containing many poisons are where the evil *abhui* resides, so people should not approach them” (Interview with the man, 84 years old, in 11/2017).

Tylor [1871/1958] called the phenomenon that people believe in the existence of souls’ animism⁵ is a naturalistic view, which is a religious view that gives life to nature with types of souls. “Those souls also have living activities like humans: eating, sleeping, hunting, farming... taking place on the same living space of humans” [Arhem, 2009, p. 93]. The Co Tu peoples value trees and consider each tree to have a soul (*abhui*). Many trees come together to form forests, and a forest has been seen as a significant deity (*Yang*). *Yang* is the forest god who gives food and arranges the order of life to ensure peace for the community.

The Co Tu people’s leading economy is traditional agriculture, partly combined with hunting and gathering wild fruits and vegetables in the forest [Luu, 2006; Tran, 2014]. Forests are an inexhaustible source of food and a fundamental and sacred concept to them. “*They are not just space but time; eternity, the realm of infinity*” [Nguyen Ngoc, 2005, p. 64], “*If we live, the forest feeds us, and if we die, we bury in the forest*” [Nguyen, 1994, p. 29]. The group discussions showed that the forest classification according to the ethnic group includes four types: residency forests, production forests, living activity forests, and spiritual forests. Residency forests are where the forests have turned into residential land, where people build villages to settle down and live permanently. Production forests are plots of land where agricultural activities occur⁶. Living activity forests are places where people can exploit forest resources to serve their lives (collecting raw materials, hunting, and gathering). Sacred forests, also known as the spiritual forests, are where the dead are buried and where the gods reside, and it is not allowed to enter the forests⁷. Thus, it can see that forests with the above classification thought are present throughout the daily activities of the ethnic group, from the earthly life to spiritual life. Forests become an essential factor in creating a cultural identity for the community [Tran, 2014]. Forests are regarded as entities that live in a positive relationship with people and share all livelihood activities and beliefs. “*It is hard for one to find a cultural expression here that is not related to forests, or rather, does not take a profound relationship between humans and forests as a basis*” [Nguyen Ngoc, 2004, p. 64]. Humans communicate with the forest god and the souls in the forest by giving offerings at sacred sites. The whole community worships and unites based on that “sacredness.” That “sacredness” is a god [Arhem, 2009]. The results of our group dis-

⁵ Edward Burnett Tylor was the first to discuss animism and the “doctrine of souls.” in *Primitive Culture* (1871). He believed that the primitive form of religion is animism, that is, the concept of the residency of the gods in all things from humans to animals and plants and even in everything from humans to animals and plants and even non-creature phenomena such as weather and meteorology including rain and snow...

⁶ The Co Tu people have the custom of choosing a certain plot of land in the forest for cultivation for a period of 2–3 years and then moving to another area. Unlike some ethnic groups, the people do not have an irrigation system and do not use fertilizers in cultivation, especially organic fertilizers. They believe that the soil itself will have its own fertility depending on the humus soil. So, after cultivating for 2–3 years, they will let that land fallow for 3–4 years so that the soil can recover its own humus soil. After that time, the people return to this land to cultivate.

⁷ According to Arhem [2009], Ho [2016], Le [2017], sacred forests, also known as spiritual forests for Co Tu people, are recognized as follows: (1) a sacred forest is a forest with many large trees (usually at the head of the water source), the home of ferocious animals (white snakes, big pythons, tigers, etc.), the abode of powerful gods admired by humans, always protecting villagers from natural disasters and epidemics, and bestowing bountiful crops and green trees; (2) Ghost forests are the burial places, the abode of demons – the forces that always cause accidents, sow fear and sufferings to the villagers.

cussions also showed the “presence” of *abhui(s)* in the types of forests assessed by the members as follows (see table 1).

Table 1

Presence of the "god-soul" (*abhui*) in different types of forests

<i>Types of forests</i>	<i>Level</i>	<i>Note</i>
Spiritual forests	4	<i>Many: 4</i> <i>Moderate: 3</i> <i>Few: 2</i> <i>None: 1</i>
Production forests	3	
Living activity forests	3	
Residency forests	2	

Fieldwork materials in 2018, results of group discussions.

This result shows that the *abhui(s)* occurs more in spiritual forests, production forests, and living activity forests. And there is less in residency forests. It is consistent with our observations that the concept of *abhui* carries more bad meanings than good ones. Forests with a lot of *abhui* are locations where humans do not reside. They are the space beyond human control, so that space contains secrets or natural powers that humans cannot withstand. In the residency forests where people live peacefully, evil souls cannot live. Souls outside the village's social sphere are considered potentially dangerous and harmful [Arhem, 2009]. However, from the concept of such harmful *abhui(s)*, the Co Tu people have sanctified the whole forest into a great deity called *Yang forest*.

Yang forest is not as deficient as the majority of *abhui* in the forest. *Yang* gives food and shelter to the people. “*Yang is very close to the villagers. Yang is not going far*” (Interview with the woman, 54 years old, in 11/2017). “*Yang always blesses the villagers*” (Interview with the man, 65 years old, in 11/2017). In the worldview of the ethnic group, the concept of *Yang* refers to supernatural forces within the residential areas of the ethnic group, such as the private houses, the longhouse of the whole family⁸, or the Guol house⁹. They are where souls and ancestors reside. These souls always bless the individuals and the village community. Thus, the Co Tu people have tried to impose their knowledge and will on the forest world, in which people have regarded themselves and the forest world as associated entities. The forest is the world of nature but has been sanctified with the world of man. With the mystical powers of the souls-*abhui(s)*, the *Yang forest* has become closer to humans, sacred as the best god. Through in-depth interviews and group discussions, we have summarized some images of forest gods in the abstract thinking of the Co Tu people. The gods are identified through many different shapes, with personalities and excellent sources of power and energy. The table of the anthropomorphic images of the forest god can be viewed as follows (see table 2).

Thus, it can be seen that the ethnic group has sanctified forests with close, fierce, and mysterious images. Gods, to some extent, are liberated from individual trees and take the form of human beings, and have extraordinary powers [Frazer, 1923/2007, p. 201]. And regardless of the images, forests always play the role of protecting, determining, and arranging the order for human life. “*Birds in the sky need immense green forests. Fish in water need clear water. The Co Tu people need Mother forest’s protection for multiplication and growth of villages, successful crop yields, and the Co Tu people everywhere to live forever. Losing forests, birds no longer sing. Losing streams and rivers, fish no longer breathe. Losing Mother Forest, the Co Tu people will perish,*” lyrics in a folk

⁸ According to the custom of the Co Tu people, people with marriage and blood relations often live together in a longhouse, consisting of many interconnected rooms and extending up to ten meters. Members living in longhouses often live together – work together and eat together. After 1975, the trend of separating families into individual households with their own houses. The longhouse style has disbanded.

⁹ Guol is the community house of the village. The Goul house is usually located in the center of the village, where the village’s communal ritual offerings are performed.

song praising forests shared by a Co Tu village elder (Interview with the man, 65 years old, in 7/2019). Every 2–3 years, the people worship the forest god in the spring to express their gratitude to the forest god for giving the villagers a year of food and peace. This is a big festival: “A poor village should offer a chicken and a pig. A rich village offers a buffalo, organizes folk dances, and plays all day” (Interview with the man, 60 years old, in 11/2018).

Table 2

The images illustrating the appearance of the *Yang forest*

<i>Illustrated images</i>	<i>Ability / power</i>	<i>Characters</i>
Parents	Protecting, nurturing	Tolerant, understanding
Mother	Protecting, nurturing	Tolerant, understanding
Breast milk	Nurturing, giving food	Tolerant, understanding
Origin of life	Endless power	Quiet, peaceful
Judge	Moving quickly	Transparent, clear
Big old tree	Many miracles	Tranquil, mysterious
Areas with dense foliage, little sunlight	Many miracles	Blessing
The big, fierce animal	Moving fast	Ferocious
Invisible ghost	Moving fast	Mysterious, causing fear
Time	Keeping the past, good and bad memories	Mysterious, profound, causing fear
Ending	Superpower	Mysterious, profound causing fear
The decider of fate	Superpower	Mysterious, causing fear

Fieldwork materials in 2018, results of group discussions and in-depth interviews.

3.2. Protecting forests is protecting the god: the strictness of the Co Tu customary law on forests

Due to them living in the highland terrain and mountains, forests are the most critical resource for the survival of the Co Tu people. Everything from forests is a means for villages to earn their living from generation to generation. Forest protection is the protection of life resources. And protecting forests is also covering the sacredness of the forests. That sacredness emphasizes the power (souls in the forest) and the significant role of the forests in the life of the Co Tu community. Therefore, in the system of their customary law¹⁰, the contents of the management and use of forests and forest land occupy a significant proportion [Nguyen, 2001; 2004, Bui, 2020]. It is believed that this customary law has helped create a safe distance between the people and forests. As a convention, that distance personifies the relationship between man and nature, in which the people see forests as entities like themselves, living together in the real world of humans. Group discussions in different age groups all confirmed, “*Forest trees have existed since ancient times and been left by ancestors. Protecting forest trees is protecting ancestors. Protecting forest trees is protecting village community life*”. The power of forests is the “hidden” souls in the trees. Customary law was designed to prevent human acts (whether unintentional or intentional) that could offend the forest souls.

¹⁰ The customary law of the Co Tu people in Vietnam is a form of unwritten conventions, preserved orally. It contains regulations related to many aspects of life and is mandatory for members to observe. Those regulations, which are basically to ensure the common interests of the community, are approved and everyone commits to them. Whoever violates the customary law will be punished or condemned by the community.

And “the consequences of the offending are hard to say. It’s not just that individual but the entire community affected. Maybe the god will sow calamities such as epidemics, natural disasters, crop failure. Everything in the forest belongs to the community, not to the individual” (Interview with the man, 60 years old, in 11/2018). Thus, it can be seen that customary law is in place to ensure the community’s common interests. The customary law exudes the spirit of community cohesion, democracy, and equality among the village members. Customary law shows a profound sense of community [Ngô, 2003]. Protecting forests is protecting the gods, the peace of the community.

In Vietnam, customary law of ethnic groups is divided into three main categories: (1) customary law in the form of oral rhymes; (2) written or documented customary law; (3) customary law in the form of social practices. The customary law of the Co Tu people belongs to the category (3). In the customary law related to forests, there are two contents: forest management, forest and forest land use. Each range is passed down through social practices and clearly expressed through rituals and levels of taboos in production. The following social practice illustrations can be viewed:

- For production forests: when desiring to cultivate a particular piece of land, the people must perform the “land request” ritual to notify and ask permission from the souls. Specifically, there are ground soul and tree souls (*abhui earth and abhui(s) tree*). Offerings include wine, chicken, and sticky rice. The head of the family wanting to “request the land” will be the one to perform the rituals. In every step of the farming process, like cleaning and cutting, burning, planting, and harvesting¹¹, people must carefully observe and make notes to avoid offending the forest souls. For example, when cleaning and cutting, if they encounter trees with strange shapes such as two snakes entwined with each other or find there are many rats in that land, they have to perform a ritual to worship the souls of the land and trees. In this ritual, they use two bamboo sticks to ask for permission; if the result is a face-down and a face-up, the souls accept their request to cut trees. In the burning stage, the customary law stipulates a hefty punishment for letting the fire spread to other plots of land. If the fire spreads to other villages or affects sacred forests, the penalty will be much heavier. The punishment offerings here are wine, white buffalo, and sticky rice.

- For living activity forests: the people have a list of trees to pay attention to, from shrubs, soft-bodied vines to tall trees. Each type of tree will have its uses and a regulated level of exploitation and service. For example, woody trees, such as Pomu, Jackfruit, Magnolia Fordiana, can be exploited for timber to build houses and make coffins for dead bodies. Banyan trees and mulberry trees are not to be approached, especially not to be burned. Even for the collection of forest products, the customary law stipulates those leafy plants are not to be over-collected; for fruit plants, when the fruits are taken, they must be replanted; for root plants, the people are not allowed to take all the roots so that the plants can grow. If anyone violates the customary law, the souls will make them sick and exhausted.

- For residency forests: The most crucial detail in the people’s respecting and asking for protection from the tree souls is to keep the solemnity of the Guol house – the soul of the village

¹¹ A traditional cultivation cycle of the people will include the following steps: The first is to choose the land (about February-March every year). The second is cleaning, which means using a cleaver or a long-handled knife to cut down small trees and vines. The big trees will be left on the plot, and be processed a few days later. We asked the local people why they did not cut small and big trees at the same time, but had to divide the task into two steps, cleaning and cutting, and the people answered that it was a traditional way passed down by their ancestors. However, if we look at it from the perspective of the people who are sanctifying trees as living entities, we think that this is an extremely subtle act. Because if we consider trees as living things, they will inevitably be sensitive, and cutting them down must be considered carefully. It is very interesting to classify the steps to deal with the trees on such cultivated land.

The third is cutting, that is, using the ax tool to cut down big trees. After that, the people will clean up and dry the trees that have been cut down. The fourth is burning. The Co Tu people attach great importance to burning techniques. Before burning, the work to be done carefully is to create a non-flammable belt to prevent the fire from spreading. The fifth is planting. After cleaning, cutting and burning, the people will wait for the first rains of the season to start planting (around April-May every year). This is a form of poking small holes in the ground in rows to sow seeds or grow seedlings. The sixth is the care and protection of the fields. The protection here is always associated with the action of hunting small animals destroying the fields. The seventh is the stage of harvesting and re-selecting seeds for the next season (about August-October every year).

[Nguyễn, 2001, p. 328]. The Guol house is usually round at both ends, and in the middle is the main-pillar which usually has a round bottom, a square top and is surrounded by sub pillars and supporting pillars at the two edges. For the Guol house, the pillars play a vital role, symbolizing the image and status of the village patriarch. The bigger and more beautiful the main-pillar is, the more it shows the role of the village patriarch and the strength and position of that village. The main-pillar is usually buried straight into the ground about 1.5 m. The total number of pillars for the house is about 38, of which there are 18 main pillars and 20 sub pillars [Iizuka, 2012, p. 108]. Villagers often use pine wood to make these pillars. There are many rituals to worship the tree souls performed for the stages, from choosing the type of trees for timber to make a pillar, cutting down trees and bringing them to build the Guol house, and inaugurating the Guol house. Every year, the villagers hold a buffalo stabbing festival¹² at the Guol house to ask for the protection and blessing of the forest god (the souls of the trees) existing in the Guol, in the residential area of the people. The forest god of the natural world has entered the life of the villagers, residing in the pillars of the Guol house; hence the relationship between humans and gods is closer.

- For sacred forests: This is the type of forest that is not offended with loud words, curses, or insults, according to the customary law. It is not allowed to offend the souls by indiscriminately cutting down trees, giant trees. *“We believe that every time we destroy anything in the sacred forest, we appropriate a soul”* (Interview with the man, 75 years old, in 11/2018). If anyone cuts down an old tree, destroying the house of the god, then the god will punish the villagers with all forms of illnesses, diseases, or death. Before approaching or taking anything from the sacred forest, one must offer the soul’s permission. The sacred forest is home to many kinds of tree souls, where the forest’s powers are the strongest level. The space of the sacred forest is also where the forest god worshipping ceremony is held. It is a ritual that clearly shows respect for the tree souls and the highest honor to the forest god.

4. Conclusion

With the above explanations and analysis, we have precise results that in the ecocosmology the Co Tu people have established their values of belief in tree souls and reverence for the forest god. They have personified tree entities as souls and incorporated these concepts into their lives. They have established a secure relationship between nature and man through the presence of customary law, trying to impose their knowledge and will on the natural world. In the current trend of protecting and preserving the living environment, the concept of trees in the ecocosmology and the constraints and regulations in the customary law system of the people in the management and use of forests and forest land are significant in some respects. Such sanctification of such natural resources as trees and forests is the main reason for the community to deter and educate community members not to cut down, destroy and pollute resources, contributing significantly to protecting the community’s livelihoods. *“Once humans attach the importance to the existence of gods and do not neglect to pray, the gods will favor them”* [Vu, 2004, p. 290]. Clearly, the portrayal of self-image and the natural world as associated inter-subjects through the social conceptions and practices are the meaningful educational and positive incentives in building community awareness of the responsible management, protection, and use of shared resources.

References

Arhem Nicolas. In the sacred forest: Landscape, Livelihood and Spirit Beliefs among the Katu of Vietnam. Sans, Paper in Social Anthropology Goteborg University, 2009, 218 p.

¹² This is the biggest festival of the Co Tu people.

- Arhem Kaj.** Chapter 10. The cosmic food web human-nature relatedness in the Northwest Amazon. In: *Nature and Society: Anthropological Perspectives*. Philippe Descola and Gísli Pálsson. London and New York, Routledge Publ., 1996, pp. 196–215.
- Arhem Kaj and Guido Sprenger.** *Animism in Southeast Asia*. London and New York, Routledge Publ., 2016, 325 p.
- Bui Quang Thanh.** Study on customary law and traditions of ethnic minorities in Quang Nam [Nghiên cứu luật tục, phong tục các dân tộc thiểu số ở Quảng Nam]. Da Nang Publ., 2020, 375 p. (in Viet.)
- Croll Elisabeth and Parkin David.** *Bush Base: Forest Farm Culture, Environment, and Development*. London & New York, Routledge Publ., 1992, 276 p.
- Descola Philippe.** Chapter 5. Constructing natures: symbolic ecology and social practice. In: *Nature and Society: Anthropological Perspectives*. Philippe Descola and Gísli Pálsson. London and New York, Routledge Publ., 1996, pp. 93–113.
- Descola Philippe.** Beyond nature and culture – The traffic of souls. Translated by Janet Lloyd. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2012, no. 2 (1), pp. 473–500. UR: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/pdf/10.14318/hau2.1.021> (accessed 14.03.2021).
- Frazer James George.** *Le Rameau d'or*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1923. Translated Vietnamese by Ngo Binh Lam [Cành Vàng]. Culture and Information Publ., & Magazine of culture and art, Ha Noi, 2007, 1124 p. (in Viet.)
- General Statistics Office. Completed results of the 2019 Viet Nam population and housing census [Tổng điều tra dân số và nhà ở Việt Nam 2019]. Statistical Publ., 2019, 127 p. (in Viet.)
- Ho Viet Hoang.** Nâng quyền cho các dân tộc thiểu số trong quản lý rừng cộng đồng: Những giá trị rừng tâm linh truyền thống [Empowering ethnic minorities in community forest management: Traditional spiritual forest values]. *Tạp chí Khoa học và Công nghệ [Journal of Science and Technology]*, 2016, vol. 4, no. 2, pp. 51–63. (in Viet.)
- Iizuka Akiko.** Traditional community houses of the Co-tu ethnic group in central Vietnam. *SANSAI Journal of GSGES*, 2012, no. 6, pp. 97–114.
- Ingold Tim.** *The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill*. London and New York, Routledge Publ., 2000, 480 p.
- Laura Rival.** *The Social Life of Trees, Anthropological Perspectives on Tree Symbolism*. London, Routledge, 1998, 332 p.
- Le Anh Tuan.** Vai trò của rừng tâm linh trong đời sống của các tộc người thiểu số ở miền núi Trung bộ Việt Nam [The role of the spiritual forest in life of ethnic minorities in the Vietnam's central mountainous area]. *Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo [Religious Studies]*, 2016, no. 3 (153), pp. 3–18. (in Viet.)
- Luu Hung.** Góp phần tìm hiểu văn hóa Cơ tu [Contribution to the study on Co Tu culture]. Social Science Publ., Ha Noi, 2006, 292 p. (in Viet.)
- Ngo Duc Thinh.** Tìm hiểu luật tục các dân tộc thiểu số ở Việt Nam [Learn the customary law of ethnic groups in Vietnam]. Social Science Publ., Ha Noi, 2003, 590 p. (in Viet.)
- Nguyen Huu Thong.** *Ka Tu-Kẻ sống đầu ngọn nước [Ka Tu-who lives in the watershed]*. Thuan Hoa Publ., Hue, 2004, 425 p. (in Viet.)
- Nguyen Tri Hung.** *Truyện kể dân gian Cơ Tu [Co Tu Folk tales]*. Da Nang Publ., Da Nang, 1994, 128 p. (in Viet.)
- Nguyen Ngoc.** Rừng trong văn hóa Tây Nguyên [Forests in Central Highlands culture]. In: *Tản mạn và nhớ quên [Roaming & Forgetting]*. Arts Publ., Ho Chi Minh, 2005, pp. 61–64. (in Viet.)
- Nguyen Van Manh.** Luật tục của người Tà ôi, Cơ-tu, Bru-Vân Kiều ở Quảng Trị, Thừa Thiên Huế [Customary law of Ta oi, Co-tu, Bru-Van Kieu in Quang Tri, Thua Thien Hue]. Thuan Hoa Publ., Hue, 2001, 418 p. (in Viet.)
- Nurit Bird-David.** Tribal metaphorization of human-nature relatedness: A comparative analysis. In: *Anthropological Perspectives on Environmentalism*. Milton, K. ed. Association of Social Anthropologists Monograph Series. London, Rutledge Publishing, 1993, pp. 112–125.

- Tran Nguyen Khanh Phong.** Văn học dân gian Cơ Tu [Co Tu ethnic folklore]. Social Sciences Publ., Ha Noi, 2015, 478 p. (in Viet.)
- Tran Thi Mai An.** Tổ chức xã hội truyền thống của người Cơ-tu ở huyện Nam Đông, tỉnh Thừa Thiên Huế [The traditional social organization of the Co-tu people in Nam Dong District, Thua Thien Hue Province]. Ha Noi, National Political Publ., 2014, 186 p. (in Viet.)
- Tylor Edward Burnett.** The Origins of Culture [Part I of “Primitive Culture”]. Harper & Row Publ., 1871/1958, 416 p.
- Vu Minh Chi.** Culture Anthropology: Man with nature, society and the supernatural world. National Political Publ., 2004, 427 p. (in Viet.)

Information about the Author

Tran Thi Mai An, PhD (Anthropology)

Информация об авторе

Чан Тхи Май Ан, PhD (Антропология)

*The article was submitted 15.07.2021;
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021
Статья поступила в редакцию 15.07.2021;
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021*

Список сокращений

АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
АМАЭ РАН	–	Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук, Москва
АМАЭС	–	Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского, Томск
АН СССР	–	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	–	Археологические открытия
АХНКМ	–	Архив Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова, Абакан
БПЛА	–	беспилотный летательный аппарат
ВГУ	–	Воронежский государственный университет
ГАМЗ «Костенки»	–	Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж
ИА РАН	–	Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Москва
КамчатГТУ	–	Камчатский государственный технический университет
КБР	–	Костенковско-Борщевский район
КемГУКИ	–	Кемеровский государственный университет культуры и искусств
ЛГПУ	–	Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НГПУ	–	Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НПО	–	Научно-производственное объединение
РА	–	Российская археология
РГИА	–	Российский государственный исторический архив, Москва
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ	–	Советская этнография
ТГУ	–	Томский государственный университет
УрО РАН	–	Уральское отделение Российской академии наук
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦОКН	–	Центр охраны культурного наследия

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлгией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу: vestnik.nsu.ru/historyphilology – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62